

АЛТАЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО
ФОНДА КУЛЬТУРЫ
КРАЕВАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АЛТАЙСКИЙ КРАЕВОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

АЛТАЙСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК XVII

Посвящен 170-летию Алтайского краеведческого музея

Барнаул

1993

[Handwritten signature]
Лизина

актёр

из книг
М. К. Щелобов

III.

П. К. Фролов (1775-1839), начальник Алтайского горного округа, талантливый инженер, прогрессивный общественный деятель, Основатель музея.

Ф. В. Гублер (1782-1850), инспектор медицинских учреждений Алтайского горного округа, натуралист, исследователь Алтая. Основатель музея.

КОМИТЕТ АДМИНИСТРАЦИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ПО КУЛЬТУРЕ
АЛТАЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ
АЛТАЙСКАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АЛТАЙСКИЙ КРАЕВОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

АЛТАЙСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК XVII

*Посвящен 170-летию
Алтайского краевого
краеведческого музея*

Барнаул · 1993

Редакция

Шамшин А. Б., Старцев А. В. (ответственные редакторы), Леонова Л. Н., Падьякина О. В., Метельницкий К. Н., Добрыкина А. В.

СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ
МУЗЕЯ

"МУЗЕЙ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ"

В старой части Барнаула на улице И. Ползунова в двухэтажном здании, построенном в середине прошлого века, располагается Алтайский краевой краеведческий музей, один из старейших музеев Сибири. Он был открыт в начале XIX века, а то время, когда Барнаул являлся центром Кольвано-Воскресенского (впоследствии Алтайского) горного округа, главного в России производителя серебра.

Музей был основан по инициативе начальника округа, талантливого инженера, страстного собирателя древностей Петра Козьмича Фролова (1775 - 1839) при непосредственном участии врача, натуралиста, исследователя Алтая Фридриха Вильгельма Геблера (1782 - 1850). "Барнаульский Музеум основан в 1823 году старанием главного начальника над рудокопными заводами Кольвано-Воскресенскими, Томским гражданским губернатором П. К. Фроловым. Сей Музеум назначен преимущественно для употребления при рудокопном училище и также для любителей наук и содержит в особенности произведения Сибири", - писал в статье, посвященной музею в Бюллетене Московского общества испытателей природы, Ф. Геблер. (1).

Фактически музейные коллекции существовали в Барнауле в XVIII веке. Так, в 1779 г. в связи с открытием Горного училища Кабинет Его Величества приобрел у И. М. Ренованца, преподавателя училища, позже члена-корреспондента Петербургской Академии Наук, "рудный кабинет". Коллекция минералов, штуфов предназначалась для учебных занятий. В наставлении Ренованцу говорилось, "должен он разложить его ("рудный кабинет") по подлежащему порядку, сделать всему точнейшую опись, хранить рачительно под своим смотрением и употреблять его с бережливостью при нужных ученикам изъяснениях" (2).

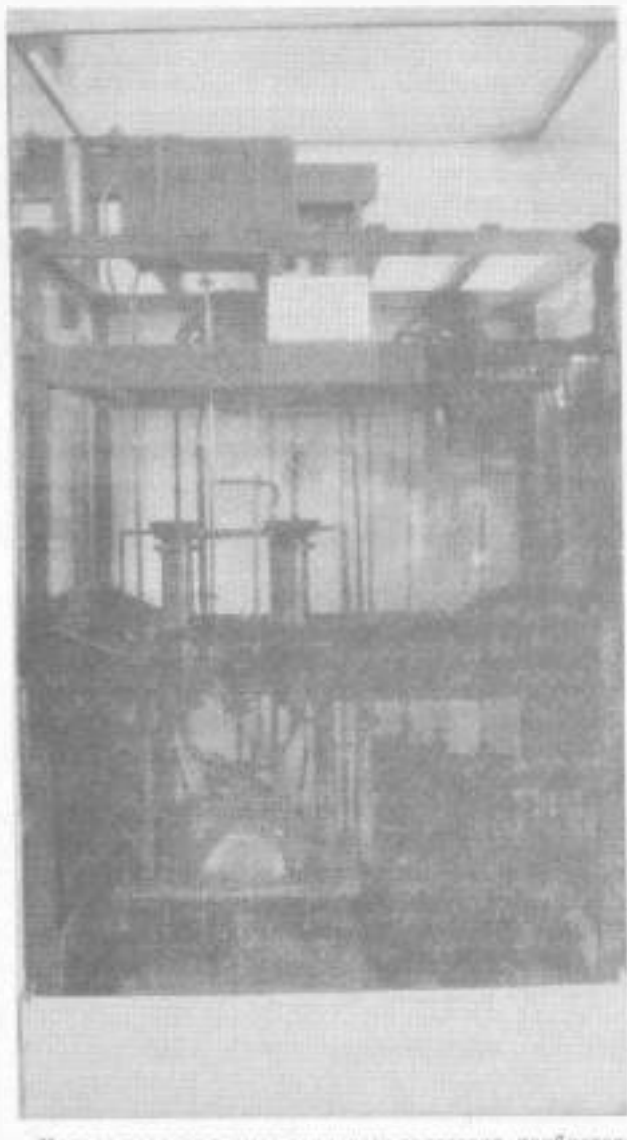
Создание музея наряду с установкой памятных обелисков входило в ряд мероприятий, призванных ознаменовать 100-летний юбилей горно-заводского производства на Алтае (1825 г.).

Готовясь к этой исторической дате, П. К. Фролов еще в 1821 году дал распоряжение о создании моделей горных машин и механизмов, действовавших на рудниках и заводах Алтая, показывавших достижения в развитии горной промышленности за сто лет ее существования. К созданию историко-технической коллекции для музея были привлечены талантливый механик П. Г. Ярославцев, техник Я. С. Климов. П. К. Фролов вскчески содействовал научной деятельности Ф. В. Геблера, существенной заслугой которого было создание этномологического и ботанического разделов музея, сбор предметов, характеризовавших богатую природу Алтая.

Первоначально музей находился в деревянном здании приблизительно на том месте, где позже была построена Главная химическая лаборатория Алтайского округа, и состояла из трех главных частей. Часть первая, как писал Ф. Геблер, содержала "предметы натуральной истории", вторая - "одежия, украшения, оружие, инструменты, посуду и идолов различных народов Сибири и Северной Америки", третья часть включала "богатейшее собрание моделей" (3).

Первую музейную экспозицию описал К. Ледебур, профессор Дерптского университета, совершивший в 1826 г. экспедицию на Алтай для изучения флоры и фауны. Путевые наблюдения и результаты научных исследований ученый изложил в книге "Путешествие по Горному Алтаю и предгорьям Алтая", вышедшей в Берлине в 1829 году. В главе "Барнаул в начале XIX века" Карл Ледебур и рассказал о музее.

В двух залах музея были представлены модели шахт, заводов и машин, среди которых наиболее интересными путешественнику показались модели Змеиногорского рудника, машины для промывки золота и вывозки руды, изобретенные в XVIII веке К. Д. Фроловым. Обратил внимание Ледебур и на "модель паровой машины, сконструированной в Барнауле в 1764 г. шихтмейстером Полуновым". Третий и четвертый залы содержали зоологические коллекции: чучела млекопитающих и птиц, насекомых. В пятом зале были сосредоточены "предметы обихода различных сибирских народностей, как-то: оружие, утварь, костюмы и снаряжение шаманов", "древние предметы из чуждских могил". Во втором крыле здания располагался минералогический кабинет, занимавший несколько залов, а в вестибюле на четырехугольной обрешной колоде стоял "сфинкс, изваянный из камня" (4).

Модель первого в мире теплового двигателя, изобретенного в Барнауле И. И. Ползуновым в 1763 г. Изготовлена для Барнаульского музея по распоряжению П. К. Фролова в 1825 г.

Часть гербариев, собранных экспедицией Леденбура, пополнила коллекция Барнаульского музея, а в приложении к одной из работ Леденбура появилось сочинение Геблера из немецком языке "Замечания о насекомых Сибири, особенно Алтая" с каталогом жуков на латинском языке.

Вероятно, 20-е годы XIX века - один из ярчайших периодов в истории музея, ознаменовавшийся деятельностью его основателей П. Фролова и Ф. Геблера.

В августе 1829 г. в музее побывал великий немецкий ученый-энциклопедист А. Гумбольдт, совершавший путешествие по Уралу и Сибири. Гости, А. Гумбольдт и сопровождавшие его ученые К. Эренберг и Г. Розе, осмотрели город, завод, музей, в котором "коллекция четвероногих, птиц, насекомых довольно полны, особенно собственно Сибири подлежащие весьма интересны..." (5).

Александр Гумбольдт первым расписался в книге почетных посетителей музея "Собственноручные подписи особ, почтивших посещением своим Барнаульский музей". В короткой записи - "благодарность за приятные и поучительные часы благороднейшего беседования с Его Превосходительством господином начальником заводов П. К. Фроловым" (6).

Оставившие записи в книге архимандрит Тобольской епархии Макарий, генерал-губернатор Западной Сибири Семьяминов подчеркивали огромные заслуги в создании музея П. К. Фролова, отмечали, что в музее представлено "что можно видеть лучшего по Сибири" (7).

В десяти музейных каталогах 1836 года числилось значительное собрание минералов стран Европы, России, в первую очередь, Алтая ("топографический кабинет") и Урала; 43 макета включал модельный отдел; более 1500 предметов насчитывала зоологическая коллекция; около 100 - этнографическая часть (8).

Природные богатства Алтая в XIX в. привлекали серьезное внимание зарубежных, отечественных и местных исследователей. В это время продолжались экспедиции на Алтай, организованные Петербургской Академией Наук, Московским обществом испытателей природы. Для путешественников музей имел большое значение, давая им возможность предварительно ознакомиться с Алтаем по систематически составленным коллекциям. В 40-х годах XIX в. экспонаты барнаульского музея размещались уже в здании Алтайского горного-правления (ныне ул. И. Ползунова, 41). Профессор Московского университета Г. Е. Щуровский,

осуществивший в 1844 г. геологическое исследование Алтая, отмечал, что среди экспонатов "...довольно полное собрание алтайских минералов, некоторые зоологические предметы и модели замечательных рудников" (9).

Особую роль в научных изысканиях на Алтае сыграло Русское географическое общество (РГО), образованное в Петербурге в 1845 г. Первым исследователем, отправившимся на Алтай по заданию РГО был географ П. П. Семенов-Тян-Шанский, почетный член Петербургской АН. Зимой 1856 - 1857 г.г. он провел в Барнауле в подготовке экспедиции на Тянь-Шань. Как писал путешественник, "день проходил в разборке собранных мной богатых ботанических и геологических коллекций, в подробном осмотре и изучении предметов барнаульского музея, в пользовании тамошней библиотекой и в ознакомлении с заводскими работами; вечера же я проводил в гостеприимном, хорошо образованном и всегда приветливом барнаульском обществе" (10). Не случайно он назвал Барнаул "Сибирскими Афинами", а спустя много лет, уже будучи вице-председателем Императорского Географического общества, в 1910 г. направил поздравительную телеграмму членам Общества любителей исследования Алтая в связи с "десятилетием его почетной деятельности на пользу землеведения" (11).

В 1863 г. Алтайское горное правление, а вместе с ним и музей переселились в новое здание, первоначально, по замыслу П. К. Фролова, планировавшееся под горное училище (ныне ул. Пушкина, 82). Барнаульскому окружному училищу это здание было передано спустя десять лет. Музей Главного Управления Алтайского Округа остался при училище, что вряд ли могло положительно отразиться на его работе. Сверка музейных коллекций с имевшимся инвентарями показала отсутствие ряда экспонатов; к тому же в это время часть музейных предметов была передана в чертежную округа, часть - в училище (12).

В июне 1876 г. Барнаул посетила Бременская ученая экспедиция. Альфред Брем, немецкий ученый-зоолог, автор многотомного издания "Жизнь животных", исследовавший фауну северо-восточной Африки, Испании, Норвегия довольно критично отзывался о зоологической коллекции музея, действительно к тому времени весьма запущенной. "Среди общественных учреждений, - писал он в дневнике, - наше внимание привлек прежде всего естественно-исторический музей. Мы много слышали о нем, и не всегда лестное, нашли однако, что он, если говорить о коллекциях

животного мира Алтая, не оправдал и столь скромных ожиданий. Животные были очень плохо набиты и содержались еще хуже... По поводу находящихся здесь обоев тигров, убитых на Алтае, мне удалось узнать, что один из них убит в 1838 г. в Бийском уезде, а второй - в 1848 г. вблизи Змеиногорска. ... мы видели... бобров, настоящего медведя из Горного Алтая и несколько больших и красивых маралов; остальные млекопитающие и птицы представляли собой обычные виды... Только с пониманием дела заложенная коллекция гнезд и завещанная музею одним из здешних врачей коллекция бабочек были приятным исключением..." (13).

А вот минералогический отдел, содержащий все имевшиеся на Алтае горные породы и руды, путешественнику понравился. Показалась интересной и коллекция старинных предметов. Среди богатой коллекции моделей А. Брем обратил внимание на модель паровой машины шихтмейстера Полязунова. В подарок из музея ученый получил ряд насекомых. Участники экспедиции Брем, Финш, Вальдбург-Цайль расписались в книге "Собственноручные подписи особ, почтливших посещением своим Барнаульский музей".

К к. XIX в. на Алтае были закрыты горные заводы и рудники. Ранее имевший громкую известность, Барнаульский музей начал приходить в полный упадок. Поступление экспонатов почти прекратилось, музейные коллекции зачастую передавались научным, учебным заведениям разных городов страны. И хотя в августе 1879 г. коллекция Барнаульского музея "Древности из Сибири", включавшая костюмы, утварь, орудия северо-азиатских народов, была представлена на Московской Антропологической выставке и даже удостоена серебряной медали, музей, по словам Н. М. Ядринцева, "существовал как остаток прошлого" (14).

Писатель-публицист, видный сибирский общественный деятель в отчете о совершенной им летом 1878 г. трехмесячной поездке по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ сообщал: "При училище находится горный музей, с моделями, минералогическим кабинетом, зоологическими коллекциями и собранием этнографических и археологических редкостей. Здесь не могла не оставить памятника и горная интеллигенция; между прочим замечателен минералогический кабинет и зоологическая коллекция Геблера, к сожалению, испорченная ныне временем. Такое учреждение в крае было бы весьма ценно как собрание предметов, могущих помочь местному изучению, но заботы об этом накопления, как видно, давно прекратились" (15).

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО
 ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІИ, АНТРОПОЛОГИИ
 ЭТНОГРАФІИ,

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

за выдачу иго работы Климакия Андреевича вышеле, посвященнаго къ антропологии, этнографии, Палеонтологіи и Археологіи.

ПОСЛАНИЕ:

*Дружескии и искреннии
 поздравленія и пожеланія
 отъ общества.*

присудить свидѣтельство и
СЕРЕБРЯНУЮ МЕДАЛЬ.

*Генералъ-Адмиралъ
 Князь Гр. Шереметьевъ
 Князь Гр. Щербатовъ
 Князь Гр. Толстой
 Князь Гр. Юсуповъ*

*Президентъ Общества
 Князь Гр. Щербатовъ
 Князь Гр. Толстой
 Князь Гр. Юсуповъ
 Князь Гр. Юсуповъ*

Секретарь Общества

Секретарь Общества

Свидѣтельство о присужденіи серебряной медали за участіе
 въ Московской Антропологической выставкѣ. 1879 г.

Утрату музеем научного значения подчеркивали и Н. С. Гуляев (16), и П. А. Голубев (17). В конце прошлого века в связи с преобразованием Барнаульского окружного училища в реальное, старейший музей Сибири и горная библиотека, находившаяся при музее, были перемещены в одно из зданий закрывшегося сереброплавильного завода. История музея как бы повторила историю Алтая.

На рубеже XIX - XX веков усилилась потребность в широком и всестороннем изучении Алтая в связи с дальнейшим развитием его экономики.

В октябре 1891 г. представителями местной интеллигенции при самом активном участии политических ссыльных в Барнауле было создано "Общество любителей исследования Алтая", с 1902 г. - Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Открытие общества стало возможным благодаря поддержке Н. И. Журиня, начальника Алтайского округа, первого почетного председателя общества; огромная роль принадлежала и ссыльному народнику С. П. Швецову. Среди членов общества были врачи, чиновники, землеустроители, ставившие перед собой целью сбор материалов для всестороннего изучения Алтая. "Общество заботится об устройстве своей собственной библиотеки и о составлении коллекций", - говорилось в его Уставе (18).

Результаты научной деятельности членов общества нашли в скором времени отражение в сообщениях и докладах на общих заседаниях, в выпусках печатного органа "Алтайский сборник", в однодневной переписи населения Барнаула, обследовании школ. Но первоначально пополнение коллекций музея из-за отсутствия помещения шло медленно. В первые годы для музея были переданы медный наконечник стрелы А. А. Бобитинским, коллекция минералов и руд Н. С. Гуляевым, хлебные семена С. П. Швецовым, энтомологическая коллекция Е. Г. Роддом, гербарий В. И. Верещагиним. В 1900 г. начальник Алтайского округа А. Ф. Кублицкий-Пиотух для библиотеки и музея общества разрешил воспользоваться двумя комнатами в здании лаборатории. С этого времени устройство музея стало более реальным, а формирование коллекций целенаправленным. По предложению Н. Я. Овчинникова решено было создать фотографическую коллекцию; И. П. Выдрин принял на себя решение вопроса о почвенной коллекции. В. И. Верещагин разработал редакцию писем к лицам, готовым помочь

в составлении коллекции минералов горных пород, продуктов обработки руд.

Алтайский подотдел неоднократно обращался в управление округа с предложением передать ему Кабинетскую библиотеку и Горный музей с уступкой одного из зданий. Объединить библиотеки в музейные коллекции подотдела и округа предлагалось или в заводском здании, где располагались библиотека и музей округа, или в помещениях лаборатории, часть которой занимал подотдел. Общее собрание, состоявшееся 25 марта 1913 г., уполномочило Совет подотдела обратиться в Кабинет Его Величества с просьбой не только о передаче одного из зданий, но и об учреждении в Барнауле библиотеки и музея публичного пользования в честь исполнившегося 300-летия царствования Дома Романовых.

20 июля 1913 г. последовало Высочайшее соизволение Императора Николая II на предоставление Алтайскому подотделу здания бывшей лаборатории Округа и на присвоение открываемым библиотеке и музею наименования "Музей и библиотека, учрежденные Алтайским подотделом Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества в 1913 году в ознаменование трехсотлетия царствования Дома Романовых" (19). Одновременно была выделена значительная сумма в 5000 рублей на ремонт и реконструкцию здания.

Ремонт, размещение в связи с начавшейся первой мировой войной штабов 55 и 56 бригад Государственного Ополчения позволяли подотделу занять переданное здание только в феврале 1915 г.

Музейное собрание в 1918 г. включало минералогическую коллекцию, содержащую до 15 тысяч образцов; гербарий местной растительности; свыше 2 тысяч экземпляров насекомых. Орнитологическая коллекция пополнилась прекрасно выполненными А. П. Велижанским чучелами птиц. Музей располагал коллекцией почв, единственной в Западной Сибири. Свыше 600 фотографий природы, типов народов, населяющих Алтай, насчитывала фотоколлекция. Тридцать картин-фотографий изготовил в оборудованной при музее лаборатории В. П. Молчишко. А наличие книг по разным отраслям науки, литературы и истории делало этот фонд уникальным.

Сами за себя говорят записи в книге "Собственноручные подписи особ, почтивших посещением своим Барнаульский музей":

Алтайский Подотдел Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества.

На 29 марта т. г. т. е. члены Алтайского Подотдела Э. С. Отд. Императорского Русского Географического Общества ПРИГЛАШАЮТСЯ въ помещеніе Алтайскаго Горнаго Собранія на

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

для обсуждения предложенія Совета Подотдела

Объ учрежденіи Подотделомъ въ г. Барнауль музее и библіотеки въ ознаменованіе трехсотлѣтія Царствованія Дома Романовыхъ и объ измѣненіи средствъ для этого.

Начало Собранія въ 7½ часовъ вечера

Всѣмъ Собранію гоститъ оченно жданаго члена Валентина изъ почетнаго действительнаго члена Н. В. Богатырева быть съ нами соборно.

„Южная часть бассейна р. Лебедь и ея населеніе“.

Сообщеніе иллюстрируется сѣтвыми картинками.

За Председателемъ Товарищъ в. о. Н. Осиповъ.

Печать раздается.

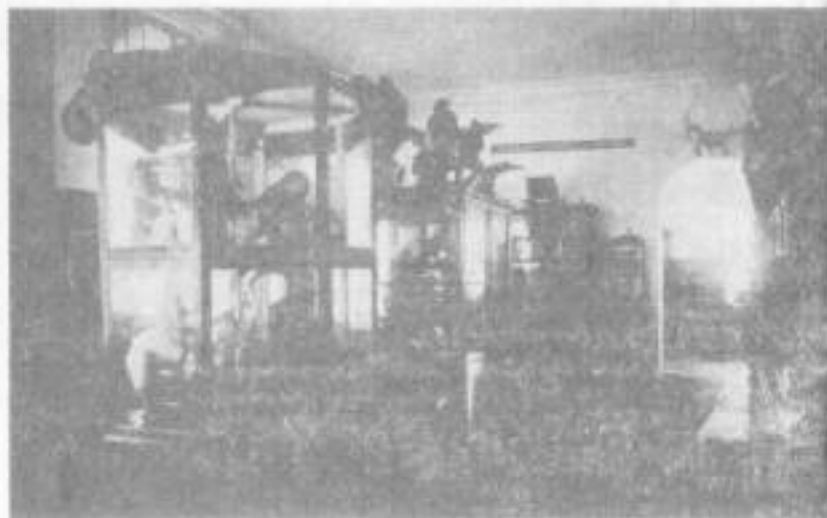
Тит. „Ал. Вѣс. Дан.“, № 1. Барнаулъ.

1918 г. “Генерал-майор в отставке Алексей Иванович Осипов, член Географического Российского общества, как эмигрант Великой России”

1921 г. “Мысленно желаю быть всегда среди самых горячих работников Алтайского подотдела Русского Географического Общества. Буду искренне счастлив, если своим приездом внес свежую струю в жизнь и деятельность местного кружка краеведов”, — так писал П. К. Козлов, путешественник, исследователь Центральной Азии, побывавший в музее в довольно трудное для него время, связанное с реорганизацией управления.

С установлением советской власти музей был передан в ведение отдела народного образования. ходатайство Совета о возвращении его в заведование Алтайским Отделом РГО (с 1920 г.) было отклонено. В ноябре 1922 г. принято решение об управлении музее Советом, в который входили старые сотрудники музея, члены РГО, и представители губполитпросвета.

И хотя события гражданской войны не лучшим образом сказались на коллекциях, особенно книгах (часть музея использовалась под склад), уже в начале 20-х годов музей был открыт для посетителей.

Отдел природы. Начало 20-х годов.

Газета "Красный Алтай" в 1925 г. сообщала: "Губмузей открывается по воскресеньям, вторникам и четвергам. В эти дни бывает довольно много посетителей. 27 января было около 20 крестьян и 20-я городская школа... Дети особенно восторгались птицами" (21). В январе этого года в музее побывало 1524 человека - 412 учащихся, 224 рабочих, 154 крестьян, 125 служащих, 121 красноармеец, 15 делегатов, 99 дошкольников, прочих групп - 275 (22).

Командование бывшей Западно-Сибирской партизанской армии передало музею образцы боевого оружия, знамена, фотодокументы. Этим было положено начало новому отделу - отделу истории советского периода. В 1938 г. в отделе экспонировалась выставка текстильного комбината, где были представлены ткацкий станок, образцы продукции, фотоснимки технологических процессов, стахановцев.

Действительность отражалась не только в музейных выставках, но и в самой истории музея, судьбах его сотрудников. В конце 30-х годов были репрессированы, расстреляны связанные с музеем с начала века, вложившие в него все свои огромные знания, орнитолог А. П. Велижанин, фотограф и литератор П. А. Канзский, отправлен в ссылку ученый-ботаник В. И. Верещагин.

В музее. 1947 г.

В годы Великой Отечественной войны в музее была развернута выставка о событиях на фронте, а коллекции "хранились" в сараях. В послевоенном 1946 г. посетители увидели новые музейные экспозиции. В мае были открыты отделы природы, социалистического строительства, исторического прошлого с постоянной выставкой в честь И. И. Ползунова, творца, создателя универсального теплового двигателя. К 7 ноября в экспозицию были включены разделы, посвященные Великой Октябрьской социалистической революции, исследователям Алтая, Алтайскому округу в XIX в.; чуть позже был создан отдел сельского хозяйства и промышленности. Фактически эта экспозиция подробно описана в брошюре "Алтайский краевой музей", вышедшей в 1954 г. Приоритетное место в музее отводилось отделу истории советского периода, центральными экспонатами которого были партизанская пушка, сани, в которых проехал по городу в 1928 г. во время пребывания в Барнауле И. Сталин; шестицилиндровый дизельмотор Барнаульского завода "Трансмаш".

Неоценимый вклад в изучение истории, природы Алтая внесли работавшие в музее в 50-е годы Н. Я. Савельев, Н. Г. Ерошкевич, Н. А. Камбалов. Каждый был большим знатоком своего дела, страстным пропагандистом края. Н. А. Камбалов, около 30 лет проработавший заведующим отделом природы, с 1947 г. вел рубрику "Уголок натуралиста" газеты "Алтайская правда", опубликовал более 20 печатных работ, ставших настольными книгами природоведов. Короткой оказалась жизнь Н. Г. Ерошкевича. В 31 год ушел он из жизни, но остались его книги по истории комсомола, промышленности Алтая. Физиком по образованию, неумолимым исследователем истории края по призванию был Н. Я. Савельев. Пожалуй, он первым из краеведов обратился к именам незаглушенно забытых алтайских изобретателей, новаторов техники XVIII - XIX в.в. Их книги до сегодняшнего дня составляют золотой фонд краеведческой литературы.

Отличительной особенностью музея 60-х годов стало создание залов, посвященных истории Алтая в годы Великой Отечественной войны, мужеству сибиряков на фронте и в тылу и землякам-космонавтам.

Космонавт, наш земляк Г. С. Титов написал в книге почетных посетителей музея: "Богата алтайская земля природными ископаемыми, разнообразен животный мир края; издревле славились алтайские мастера-умельцы, изобретатели. Сравнительно небольшой

Космонавт-2 Г. С. Тихов расписывается в книге почетных посетителей музея. Стоит директор музея Анисимова Т. И., 1963 г.

музей края хорошо показывает и рассказывает об истории алтайской, о сегодняшних днях ее тружеников" (23).

Под руководством директора музея Т. И. Анисимовой создавались не только новые экспозиции, но и была сделана пристройка к зданию музея. Это позволило значительно увеличить и

экспозиционную площадь, и улучшить условия работы научных сотрудников. В это время в музее плодотворно трудились зав. отделом дореволюционной истории Т. А. Полухин, археолог Э. М. Медникова, заведующая фондами А. С. Полухина, А. П. Хрулева и др.

В начале 70-х музей торжественно отметил свой полуторовековой юбилей. В экспозиции в это время значительное место было отведено показу ленинской тематики, партийным съездам, дружбе народов.

Существенно стали отличаться экспозиции сегодняшнего дня от музея 70-80-х годов. Должное место в них заняли темы "Алтайские купцы. Торговля и предпринимательство на Алтае на рубеже XIX - XX веков", во всей сложности показан период истории края 1917 - 1941 годов в выставке "Мы наш, мы новый..." Музей обратился и к трагическим событиям истории. По-новому заставил взглянуть на прошлое многих посетителей материалы выставки "Люди и судьбы" (1989 г.), памяти жертв сталинских репрессий, "Торькая память" (1993), созданная в связи с пятидесятилетием депортации на Алтай калмыцкого народа. В 1991 - 1992 годах созданием экспозиции "Афганистан: память и боль" открылся новый военно-исторический отдел музея.

Около 110 тысяч памятников естественной истории, предметов, раскрывающих удивительную историю многонационального Алтая с древности до современности, сосредоточено в музейном собрании; около 30 тысяч книг в научной библиотеке музея. Ежегодно в фонды поступает от 3 до 7 тысяч экспонатов. Хорошие находки привнесли экспедиции в районы края, сотрудничество со старожилами Барнаула. Предметы быта, мебель, часы немецких переселенцев к. XIX - н. XX в. передали жители Благовещенского района (1990 г.); кумачовые с богатейшей вышивкой настенные полотна, расписные пряжки, тканые многоцветные пояса, старобрядческие литые иконы собраны в Третьяковском (1993 г.), Алтайском (1992 г.), Тюменцевском (1991 г.), Солонешенском (1991 г.) районах. Культовые предметы, женские накосные украшения, серебряные серьги, образцы одежды существенно пополнили коллекцию алтайской этнографии (телеуты) в результате выездов в Заринский, Кытмановский районы (1991 г.).

Но с особым трепетом музей хранит и экспонирует то, что было собрано основателями музея, связано с их именами, то, что оставили потомкам предшественники - исследователи, краеведы.

Фрагмент экспозиции "История развития горнозаводского производства на Алтае XVIII-XIX в. в. "В центре - макет Змеиноторского рудника, выполненный для музея в 1827 г. Фото 1993 г.

У входа в музей и сегодня экспонируется каменный баран, "сфинкс", так поразивший К. Ледебура глубиной древности. С первых лет существования гордостью музея были его коллекции минералов, частично сохранившиеся до наших дней. Ушли из жизни люди, но сохранилась, к сожалению, далеко не полностью, гербарии В. И. Верещагина, зоологические коллекции А. П. Велижанина, негативы на стекле и фотоснимки П. А. Казанского. Десятки имен отечественных и зарубежных исследователей, путешественников были связаны с деятельностью музея. Сегодня труды И. М. Ренованца и П. С. Палласа, И. Ф. Германа и К. Ф. Ледебура, Г. Е. Шуровского и других ученых, сохранившие старинные печати "Барнаульская казенная библиотека", "Общество любителей исследования Алтая", включены в фонд "Редкая книга".

Посетители музея конца XX века, так же как и прошедшего - девятнадцатого, рассматривают уникальную модель паровой машины И. Ползунова, макет Змеиногорского рудника, модель станка для чеканки монет на Сузунском монетном дворе - первые экспонаты из историко-технической коллекции, созданной по указанию П. К. Фролова. Бесценны книги, принадлежавшие П. К. Фролову. "Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII столетия, изданная с российским переводом и примечаниями Григорием Спасским" (1822 г.) содержит дарственную надпись: "Его Превосходительству, милостивому государю Петру Козьмичу Фролову. В знак глубочайшего высокопочитания и душевной преданности. От издателя. 16 июня 1829 г. С.-Петербург". На книге К. Ледебура "Флора Российской империи" - автограф основателя музея: "Получена от автора в 1829 г., при письме, которое здесь приобщено. Петр Фролов".

Из-за людского невежества не сохранилась могила Ф. В. Геблера на нагорном кладбище в Барнауле, время не пощадило и его хрупких коллекций насекомых, тушек животных. Лишь несколько "диковников" из зоологического собрания XIX в. осталось до сегодняшних дней. Но есть в фондах музея прекрасная фотокартина "Ледник имени Геблера, г. Белуха, исток Катунь", В. Моношко, 1916 г. В 1976 г. праправнучка основателя музея кандидат медицинских наук из Томска Н. И. Геблер передала в дар музею семейную реликвию-портрет Ф. В. Геблера, работы академика живописи М. И. Мяскова середины XIX в.

Почти два века является Алтайский краевой краеведческий музей (современное наименование с 1937 г.) неотъемлемой частью культурной жизни края. Это годы подвижнического труда людей известных и, может быть, незаслуженно забытых, людей, которые собрали, приумножили и сохранили уникальное собрание, рассказывающее об Алтае.

Более ста тысяч посетителей ежегодно приходят в музей: малыши и их родители, школьники, учащиеся и студенты, туристы, зарубежные гости. А тем, кто сегодня работает в музее одинаково дороги отзывы о нем именитых гостей и простые детские слова: "Мне нравится музей"...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГЕБЛЕР Ф. В. Известие о Барнаульском Музее // Бюллетень Московского общества любителей природы, 1829, № 2, С. 31. Перевод см. Дангубский И. Новый журнал естественной истории, ч. 2, № 1, С. 261.
2. Государственный архив Алтайского края (здесь и далее - ГААК), ф. 163, оп. 1, д. 274, л. 48.
3. ГЕБЛЕР Ф. В. Известие о Барнаульском Музее // Дангубский И. Новый журнал естественной истории, ч. 2, № 1, С. 261 - 269.
4. ЛЕДЕБУР К. Ф. Путешествие по Горному Алтаю и предгорьям Алтая. Перевод В. Завалишина // Краеведческие записки. Вып. 2. Барнаул, 1959. С. 294.
5. См.: ЗАВЕЛИН Н. М. Возвращение к истокам. Москва, 1988, С. 207.
6. См.: инициалы отзывов "Собственноорунские подлины особ, потынаши посещенияем скочим Барнаульскй Музей". Алтайский краевой краеведческий музей.
7. Там же.
8. ГААК, ф. 2, оп. 1, д. 3601, л. 312 - 444.
9. См.: Памятник истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С. 48.
10. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ П. П. Путешествие в Тянь-Шань. Москва, 1958. С. 136.
11. Краткий отчет десятилетней деятельности Общества любителей исследования Алтая. Барнаул, 1903. С. 14.
12. ГААК, ф. 66, оп. 1, кв. 6, д. 22.
13. БРЕМ А. Путешествие по Алтаю. Очерки из дневника. Предисловие и перевод с немецкого Мелниовского Л. В. // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 184 - 105.
14. ЯДРИНЦЕВ Н. М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский Округ // Записки Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества Т. П. Омск, 1880. С. 50.
15. Там же.
16. ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 274.
17. ГОЛУБЕВ П. А. Народное образование // Алтай. Историко-статистический сборник Томск, 1890. С. 290 - 291.
18. Устав Общества любителей исследования Алтая. Барнаул, 1900. С. 2.

19. ГААК, ф. 4, оп. 1, д. 3517, л. 2.

20. См.: книга отзывов "Собственноручные подлинники особ, почтмашин посещениям своим Барнаульский музей" Алтайской епархиальной праведческой музей.

21. Газета "Красный Алтай" № 24, 30. 01.1925 г.

22. То же, № 31, 7.02.1925 г.

23. См.: книга "Собственноручные подлинники особ, почтмашин посещениям своим Барнаульский музей", АНКМ.

"ИЗВЕСТИЕ О БАРНАУЛЬСКОМ МУЗЕУМЕ" (Предисловие Падалкиной О. В.)

Приезжавший в Барнаул в марте 1826 г. известный ботаник, профессор Дерптского университета К. Ледебур писал в записках: "...К моему счастью, проехав 5000 верст, я теперь мог отдохнуть в спокойной обстановке. Здесь я скоро имел удовольствие встретить в своей квартире моего верного друга, выследила статского советника доктора Геблера, с которым я переписывался в течение ряда лет, но в котором за последнее время ничего не знал. Он сообщил мне о достопримечательных явлениях природы в этой местности." (1).

Летом 1829 г. крупнейший немецкий ученый А. Гумбольдт, совершая экспедицию на Урал и в Западную Сибирь, посетил Барнаул. Несмотря на весьма короткий срок пребывания в Барнауле, великий путешественник дважды нанес визит инспектору госпиталей и аптек Кольвано-Воскресенского горного округа Фридриху Вильгельму Геблеру.

Более 40 лет Ф. Геблер, член-корреспондент Петербургской Академии Наук, член многих русских и иностранных ученых обществ, прожил на Алтае, ставшем ему второй родиной.

К биографии Геблера обращались многие отечественные и зарубежные историки, исследователи-краеведы: М. Д. Рузский, Г. Д. Няшин, Н. А. Камбалов, А. Д. Сергеев и др., хотя, вероятно, последние точки в ней еще не поставлены. Каждый из авторов отмечает вклад превосходного ученого в изучение Алтая.

Сегодня для нас особенно важно подчеркнуть огромные заслуги натуралиста в создании "Барнаульского Музеума". Вот как в своем исследовании пишет об этом М. Д. Рузский: "Существенной заслугой Геблера было и то, что он из желания содействовать интересу к изучению природы среди местного населения основал в Барнауле в 1823 г. местный музей, заключавший в себе большое число предметов, характеризующих всесторонне богатую природу Алтая - минералы, образчики руд и горных пород, виды растений и животных (чучела зверей, птиц, препараты в баках рептилий, земноводных, рыб, моллюсков, паукообразных и многочисленные коллекции насекомых). В течение жизни Геблера музей этот обогащался все больше и больше как его собственными

сборами, так и пожертвованиями частных лиц, которых Геблер всячески старался привлечь и заинтересовать своей работой. Свое депо-музей Геблер чрезвычайной любовью, неустанно заботился о нем... Наиболее богатыми в Музее были отделы энтомологический и ботанический. Геблер пожертвовал Музею часть своей энтомологической коллекции; одна из витрин имела его инициалы в виде вензеля, составленного из насекомых"(2).

Годы, отсутствие научно-подготовленных хранителей, частые перемещения экспонатов из одного здания в другое - все это привело к фактической утрате коллекции. Сегодня остались отдельные экспонаты-экзотические дикивики: броненосец американский, хамелеон, но сохранились в музее научные статьи, книги Ф. Геблера.

А в 1975 году Нина Иннокентьевна Геблер, праправнучка основателя музея, кандидат медицинских наук, преподаватель Томского медицинского института, прислала в дар музею подлинный портрет замечательного ученого - семейную реликвию. На нас смотрит человек добрый, спокойный, занятый любимым делом - работой с энтомологической коллекцией.

В 1829 г. в Бюллетене Московского общества испытателей природы (N2), где неоднократно помещал свои работы Ф. Геблер, являясь активным членом этого научного общества, была опубликована статья "Известие о Барнаульском Музеуме" о музее, его коллекциях (на французском языке). В этом же году русский перевод статьи был напечатан в журнале И. Двигубского "Новый магазин естественной истории...", ч. П N 1. Подлинные журналы хранятся в библиотеках Москвы, С-Петербурга. Мы благодарим сотрудников Алтайской краевой универсальной научной библиотеки за предоставленные для издания микропленки статей.

Статья основателя музея Ф. В. Геблера, ставшая огромной библиографической редкостью, мало известная краеведам публикуется в настоящем юбилейном сборнике. Текст печатается по русскому переводу из журнала И. Двигубского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЛЕДЕБУР К. Ф. Путешествие по Горному Алтаю и предгорьям Алтая в сб. Краеведские записки, вып. 2. Барнаул, 1959. С. 287.

2. РУССКИЙ М. Д. Ф. В. Геблер (1782-1850), М. 1940, С. 18.

Барнаульский Музеум основан в 1823 году старанием главным начальником над рудокопными заводами Колывано-Воскресенскими, Томского гражданского Губернатора Его Святельства П. К. Фролова. Сей Музеум назначен преимущественно для употребления при рудокопном училище и также для любителей наук и содержит в особенности произведения Сибири. Если он не столь обширен, как бы желалось, то причины сему следующие: 1) Не назначение никаких особенных сумм от Правительства собственно для сего предмета и недостаток приношений частных лиц, и, наконец, невозможность доставать иностранные произведения, посредством размена по причине отдаленности гаваней. 2) Место, занимаемое Музеумом, столь тесно, что с трудом могут поместиться самые редкие и драгоценнейшие предметы; недостаток сей скоро будет уничтожен построением большого здания, которое уже и прожескировано.

Сей Музеум разделяется на три главные части.

Часть первая содержит предметы Натуральной Истории.

Зоологическая часть состоит из 49 чучел животных илекопитающих, из которых 43 Сибирские, а 6 иностранные; между сими последними особенно примечательны: Летяга из Новой Голландии и Россомаха (*Gulo Mellivorus*) из Капа; между Сибирскими достойны внимания следующие: Еж Сибирский (*Erinaceus Guritus*), Северная росомаха (*Gulo borealis*), Соболь (*Mustela sibirica*), Колонок (*Must. sibirica*), Каменный хорек (*Must. altaica*), Корсак (*Corsac*), Песец (*Canis lagopus*), Барс (*Felis pardus*), Рысь собой выродок (*Felis cervaria Temminck*), Домостроительный бобр (*Castor fiber*), Земляная медведка (*Georchus aralax*), Тарбаранчик (*Dipus gerboa*), Обыкновенная белка (*Sciurus vulgaris*) белая, Бурундук (*Tamias stictus*), Летяга (*Pteromys volans*), Пищуха (сеноставец) (*Lagomys alpinus*), Землиной Заяц (*Lagomys pusillus*), Кабарга (*Moschus moschiferus*), Бесхвостый олень (*Cervus pygargus*), Сайга маргач (*Antelope saiga*), Альпийский козел (*Capra ibex*), Красный волк (*Canis alpinus, Pall*). На экземпляре, хранящемся в Музеуме, цвет шерсти по всему телу желто-охряной с проседью, конечности ушей, горло, брюхо и внутренняя часть пятен беловато-грязного цвета, внутренняя часть хвоста желто-охряного цвета, а зад темно-серого. Длина животного, включая хвост, 24 дюйма, длина хвоста, который очень густ, 20 дюймов.

Сне животное обитает на горах и возвышенных долинах Алтайских гор, отдельно от других волков, где охотники и называют его красным волком. По собранию большого количества подобных экземпляров будет сообщено о сем животном точнейшее описание.

Здесь также находятся черепа многих млекопитающих животных, например, дикого барана, лося и тому подобных, кости и зубы ископаемых, а именно: черепа (без нижней челюсти) носорога, слона и буйвола.

(В музее) 223 чучела птиц, из которых 166 Сибирских и 57 чужеземных; между последними замечательны следующие: Колибри (*Lampornis aurata*), Перцеядец (*Ramphastus tucanus*), Дятел (*Picus coronatus*), Персидская мусофага (*Musophaga Persica*); а замечательнейшие Сибирские птицы суть: Уральская сова (*Strix Uralensis*), Белая сова (*Strix nebulosa*), Дрозд, новый род? (*Cinclus Pallasii Tem?*), Каменный скворец (*Pastor roseus*), Варакушка краснозобка (*Sylvia Caliope*), Варакушка голубоватая (*Scoeruecula, Lichtenstein*), Татарский жаворонок (*Alauda Tatarica*), Свища князек (*Parus caucasicus*), Подорожник белоголовый (*Emberiza Pythionus*), Подорожник Сибирский (*Emberiza aureola*), Длиннохвостый воробей (*Fringilla longicaudata*), Чечевица (*Fringilla erythrina*), Ронжа (*Corvus infaustus*), Трехпалый дятел (*Picus tridactylus*), Саджа (*Syrhaptus paradoxus*), Журавель (*Grus leucogeranus*), Утка красная (*Anas rubra*) и белоголовая (*leucoserphala*) и одна Драхва, составляющая особую породу.

Она походит на старого самца *Otis Nubara* Г. Темнянка, исключая однако же грудь, которая у нее не столь бела: она покрыта вместе с нижней частью шеи одинакового пепельного цвета перьями; верхние перья хвоста и на голове черны с пятном желто-охряного цвета с черными крапинками, а нижние белые оканчиваются желтым с крапинками. Длина сей птицы 29 дюймов. Она получена убитою в степях горного округа, где находят также Драхв обыкновенных и стрепетов.

3. Черепоконные.

Четыре стола в Музее покрыты превосходными морскими раковинами, между коими есть довольно редкие. В рудокопном округе найдены следующие: *Planorbis corneus*, *P. gyrorbis* Stud, *marginatus* Drap, *Helix lubrica*, *H. terrestris*, *H. ericetorum*, *H. unidentatus* Drap, *Bullimus muscorum*, Brug., *B. succinus* Brug., *B. auricularis*, *B. fragilis?* *B. stagnalis*, *Cyclostoma elegans*, *Anadonta anatina*, *Cyclas comea*, *Tellina nivalis*.

Степи и окрестности соляных озер преимущественно перед другими изобилуют раковинами.

4. Насекомые помещены в четырех рамах под стеклом.

а) Жесткокрылые: их находится 858 пород, в числе коих много иностранных и большое количество свойственных Сибири.

б) Прямокрылых и полужесткокрылых 85 пород; между прочими иностранными замечательны здесь по своей редкости: *Mantis hemiptera* Pall и *Cicada prasina* Pall.

в) Перепончатокрылых около 200 пород.

г) Чешуекрылых 173 породы, в числе коих находится *Papilio yooga*, *P. Parmenio* Voberi.

д) Двукрылых 85 пород. Всего новых пород 1403.

5. Животнорастения: один стол покрыт кораллами и другими морскими животнорастениями.

Ботаническая часть.

Господин Профессор и Казалер Ледебур подарил для Музеума коллекцию, состоящую почти из всех пород прозябаемых, собранных им вместе с товарищем во время путешествия по Алтайским горам в 1826 году; в числе сих растений находится довольно большое число новых видов, о которых он намерен предложить полное понятие в своей Алтайской Флоре.

Там находится также собрание 226 родов семян весьма редких Сибирских растений.

Минералогическая часть.

Музеум сей, будучи основан в 1823 году, не имеет тех богатых Минералогических кусков, которые находили прежде в превосходном Змеиногорском руднике, но многие комнаты наполнены значительным количеством Европейских минералов и из Уральских гор, как например, Платина, Танталит, Циркон, красная свинцовая руда и прочее; здесь также можно видеть из рудокон добываемых в Колывано-Воскресенске Яшму, Порфир и другие минералы Алтайский гор. Между прочими редкостями здесь находится самородное золото из Сирьяновского рудника, стеклистое серебро (*dargent vitre*) из Заводинска (из коих один кусок весом в 25, а другой в 80 фунтов, и содержит 40 фунтов серебра), большие кристаллы красной меди из Николаевска, большой кусок белой оловянной руды из Золотушинска, диоптазы из Киргизской степи, большие кристаллы самородной соли из соляных озер.

Вторая часть Музеума содержит одеяния, украшения, оружие, инструменты, посуду и идолов различных народов Сибири

и Северной Америки, каковы суть: Киргизцы, Тунгусы, Остики, Алеуты и прочие. Здесь также находятся Шаманские одеяния с их шамбуринами, платья из рыбьей кожи, кишок, из кожи гагары; различные убранства, решетки, сани, в которых ездить на собаках, управляемых возжами, сети и рогатины, большое количество различных стрел, гарпунов, дротиков, пик, луков, шпэг, знамен, между прочим одна из полосного железа, привязываемая к боку посредством железных полосок, на которых видны вычеканенные серебром слова, означающие Монгольскую молитву."

музыкальные инструменты Бурят Ламлистского вероисповедания, посуда, украшения металлические и глиняные, найденные в Чудских гробницах древнейших обитателей Сибири.

Третья часть состоит из трех больших зал, содержащих богатейшее собрание моделей, представляющих металлические массы и прочие произведения Змеиногорска и Салаира, укреплений или подпор рудников, подкопов для сохранения копающих и добываемых произведений, гидравлических машин многих рудокопов, различных снарядов для промывания минералов, разнообразных печей с образцами их произведений, для показания хода Металлургических производств, монетной палаты в Сузунске, снарядов сортирования, употребляемых в Фрейберге в Саксонии, Венгрии, паровых машин и проч. Здесь особенно примечания достойна большая модель Змеиногорского рудника, представляющая все произведения, из оного добываемые и все машины, находящиеся в нем, и модель паровой машины, сделанной в 1764 году Г. Ползуновым, Сибирским Механиком, для расплавления минералов, и хотя она не соответствовала желаемой цели, однако же тем примечательно, что она была первою машиною в России, ибо Петербургская устроена уже в 1777 году.

**БАРНАУЛЬСКИЙ МУЗЕУМ В 1836 г.
(Архивная находка)**

В архиве нередко бывает так: ищешь одно - найдешь другое. Вот и на сей раз совершенно случайно было обнаружено "Дело о принятии Барнаульского музеума г. Сибиряковым".

Предыстория его такова. В апреле 1836 г. горный начальник Колывано-Воскресенских заводов Ф. Ф. Бегер на заседании горного правления выступил с предложением: "Так как Барнаульским казенным музеумом со времени учреждения его в 1823 году никто из чиновников постоянно не заведывает кроме что за сохранностью здания и всего в оном имеющагося... имеет наблюдение Барнаульская горная контора, то дабы упомянутой музеум не оставался и далее без ближайшаго и постоянного надзора одним из горных офицеров (подобно тому, как заведывается Барнаульская казенная библиотека)... сделать распоряжение, чтобы Барнаульский музеум принял в свое распоряжение г. маркшейдер Сибиряков... по описям и каталогам..."

Предложение было принято, описи и каталоги подготовлены, они и составляют основное содержание "дела". Но сначала немного о Сибирякове Семене Андриановиче.

Он родился в 1794 г. в семье горного офицера Колывано-Воскресенских заводов, выслужившегося из подъяческих детей. В 1814 г. окончил с малой золотой медалью Горный кадетский корпус (позже переименованный в горный институт), был произведен в шихтмейстеры, службу начал приставом при Барнаульском заводе, в 1824 г. назначен управляющим Барнаульской главной чертежной, а в 1836 г. по совместительству - заведующим Барнаульским музеумом и казенной библиотекой и тянул эти три должности до 1847 г., а может, и дольше, проследить по документам не удалось. Судя по формуляру, был примерным офицером, хотя, возможно, звезд с неба не хватил, если более 20 лет "сидел" на одной должности. Но чины получал в срок: если в 1836 г. был маркшейдером (это не должность, а офицерское звание, соответствует капитану), то к 1847 г. дорос до обербергмейстера (соответствует

подполковнику). Был награжден орденами св. Анны 3-й степени и св. Владимира 4-й степени, а также знаком "35 лет беспорочной службы"; этим знаком награждались лишь офицеры с безупречной служебной репутацией.

А теперь вернемся к описаниям и каталогам музеума. Общий их объем составляет 130 листов, заполненных с обеих сторон. За недостатком места здесь приводятся лишь описи моделей и этнографической части. Но и по ним можно судить, каким богатым был музей на 13-м году своего существования! Не уступали им и зоологическая, ботаническая коллекции, а особенно собрание минералов. В нем имелись образцы руд, металлов, горнокаменных пород и пр. не только с алтайских, уральских рудников и заводов, но и многих европейских стран, даже из Гренландии и Южной Америки.

К великому сожалению, многое из того, что указано в преж., асных этих описях, до наших дней не сохранилось. В истории музея были периоды, когда он не столько приобретал, сколько терял накопленное трудом многих известных и неизвестных собирателей, любителей истории Алтая и России. И меньше всего виноваты в этом были сами музейщики...

ОПИСАНИЕ МОДЕЛЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В БАРНАУЛЬСКОМ МУЗЕУМЕ

1. Модель: Рудной толщи Змеевского рудника.
2. " Змеевской горы, с показанием внутренних и наружных работ по рудному месторождению.
3. " Внутренних работ в Змеевском руднике.
4. " Строений на поверхности Змеевского рудника и части внутренних в нем работ.
5. " Рудных толщ трех Салаирских рудников.
6. " Выработок в трех Салаирских рудниках.
7. " Рудоподъемной машины Патер Ностер.
8. " Рудоподъемной и водоотливной машины Риддерского рудника, устроенной в 1801 г. и ныне измененной.
9. " Конной водоотливной и рудоподъемной машины, устроенной в Таловском руднике.

10. " Паровой машины, устроенной шихтмейстером Ползуновым в 1764 году, о двух паровых цилиндрах.
11. " Паровой машины устройства Демнуса.
12. " " венгерской водостолбовой машины.
13. " Обмывочной фабрики, построенной в Семеновском руднике в 1768 году и существовавшей до 1791 года.
14. " Золотопромывальной фабрики, построенной в Семеновском руднике в 1779 году и остановленной 1791 года.
15. " Золотопромывальной фабрики, построенной в Змеевском руднике на р. Змеевке в 1748 году и существовавшей до 1762 года.
16. " Золотопромывальной фабрики, устроенной на р. Змеевке в 1779 году и существовавшей до 1786 года.
17. " Золотопромывальной фабрики, устроенной в Змеевском руднике на речке Корбалихе в 1764 г. и существовавшей до 1785 года.
18. " Золотопромывальной фабрики, построенной в Змеевском руднике на р. Корбалихе в 1774 году и существовавшей до 1785 года.
19. " Золотопромывальной фабрики, построенной в Змеевском руднике в 1766 году и существовавшей до 1785 г.
20. " Золотопромывальной фабрики, построенной в Змеевском руднике на р. Корбалихе в 1777 году и существовавшей до 1785 г.
21. " Золотопромывальной фабрики, построенной в Змеевском руднике в 1769 году и существовавшей до 1785 г.
22. " Золотопромывальной фабрики, построенной в Змеевском руднике на р. Корбалихе в 1779 году и существовавшей до 1783 года.
23. " Венгерских станков для обмывки руд.
24. " Золотоотмывочной фабрики, устроенной в Змеевском руднике в 1818 году.
25. " Золотоотмывочной фабрики, устроенной в Змеевском заводе в 1817 году.
26. " Прорезной машины (Комар).
27. " Сверлильного станка, для сверления цилиндров и пр.
28. " Нерчинской клинчатой воздуходувной машины,

- действующей наливным колесом, при пособии конного ворота.
29. " Гальбрюкской амальгамной фабрики с устройством для пожега роштейна, молотья, амальгамация и пр.
30. " Сузунского монетного двора, имеющего следующая устройства: горн для разлива меди в штыки, шахтную печь для расплавки соров, две самодувная печи для нагрева медных штыков и полос, три расковочных молота (ныне оставленные), три станка плющильных, четыре прорезных, две бочки для чистки кружков, гуртильный стан и пять чеканных станков; все же эти устройства приводятся в движение посредством девяти наливных колес. Для доставления воздуха в шахтную печь и разливочной горн, которой служит также и очистительный при Сузунском монетном дворе, находится воздуходувная машина о 4-х цилиндрах.
31. " Шахтной сереброплавильной печи.
32. " Серебро-извлекательного горна.
33. " Трейбофена, прежняго устройства, с неподвижным куполом.
34. " Восьми различных горных укреплений.
35. " Доменной печи Томского завода.
36. " Вагранки.
37. " Цементорной печи Томского завода.
38. " Комнатной печи, устроенной со многими внутри каналами, так чтобы при меньшом употреблении горючего материала сообщать печи более жару.
39. " Рудоподъемной машины, устроенной на Преображенской шахте в Змеевском руднике.
40. " Плотины Павловского завода.
41. " " Верх-Нейвинского завода.
42. " Золотопромывальной машины, имеющей подвижные грабли, для растирки песков на решетках.
43. " Такого же устройства, с тою только разницею, что пески на решетках растираются ручными гребками. (Обе модели с Екатеринбургских заводов.)

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ БАРНАУЛЬСКОГО КАБИНЕТА

1. Костюмы северо-азиатских и северо-американских народов.
1. Киргиза в полном наряде: в кожаном вышитом халате в войлочной шляпе, в сапогах и с поясом, с сумкою и с ножом.
2. Киргизки в платье из бухарской полушелковой материи, в сапогах и в острой шапке с бисером и другими украшениями.
3. Тунгуса в кожаном платье и в переднике с бисером, в штанах из рыбьей кожи, в сапогах и в шапке из утичьих шкур с перьями.
4. Тунгуса в шапке из желтого сукна с мехом и пунцовую кистью, в кожаном, сукном и бумажной материей покрытом кафтане, и в кожаных сапогах.
5. Шамана в полном наряде, в кожаном кафтане и в переднике с ремнями и гремушками, в шапке и в сапогах.
6. Шамана в таком же кожаном наряде в шапке, мехом подбитой, и с бубном и колотушкою.
7. Алеута в парке из рыбьих кишок с деревянною шапкою, украшенною бисером, усами и костями, и с веслом.

II. Нарядное платье тех народов

1. Кожаное монгольское платье с железными бляхами, изображающими молитву "оу ми бад мехом".
2. Платье братского ламана из красной бумажной материи.
3. Халат ламана из желтой шелковой вышитой материи.
4. Шелковая монгольская шапка с мехом.
5. Тунгусское платье с передником кожаное, сукном обшитое.
6. Тунгусский кафтан, бисером и шерстью обшитый.
7. Кафтан кожаный и кожей обшитый.
8. Пять тунгусских кафтанов кожаных, бисером обшитых, частью поврежденных.
9. Один передник таковой же.
10. Два пояса такие же.
11. Пара сапогов таких же.
12. Пара башмаков таких же.
13. Пара рукавиц самоедских холщовых с узорами.
14. Пара рукавиц из рыбьей кожи.

15. Кошелек из рыбьих кож, вышитый.
16. Две алеутские парки из гагарьих шкур с перьями.
17. Плащ алеутский из рыбьей кожи.
18. Такой же из рыбьих кишок с разными украшениями.
19. Парка из рыбьих кишок с шапкою.
20. Другая короткая.
21. Пояс из кореньев, плетеный.
22. Алеутский ожерельник из крашенных перьев.
23. Два киргизских турсука из черной кожи.
24. Шляпа из кореньев, плетеная.
25. Пара китайских башмаков.
26. Четыре куска австралийского холста из древесной коры разных величины и цвета.

III. Орудия тех народов

1. Два лука с футлярами.
2. Два лука без футляров.
3. Четыре тунгусских лука.
4. Две косточки, при стрельбе из лука на руки надеваемые.
5. Один кожаный братский колчан с железными бляхами и насечкою, с 10-ю стрелами разного вида.
6. Такой же с медными бляхами и 14-ю стрелами.
7. Тунгусский колчан бисером обшитый, кожаный с 4 стрелами.
8. Такой же без бисера с 10 стрелами.
9. Кожаный киргизский колчан с поясом.
10. 41 стрела разного вида с железными костяными и деревянными концами.
11. Конец стрелы из нефрита.
12. 6 алеутских гарпунов разных видов с железными, деревянными и костяными концами.
13. Один бердыш и одна рогatina.
14. Конец костяной от копья.
15. Два каменных топора.
16. Палка с костяным наконечником и другая с копьём, обе колесками для хождения по снегу (коек).
17. Винтовка с насечкою сибирской работы мещанина Рымарева.
18. Две кольчуги из железных колечек.

19. Чухонские латы из дощечек, нитками обшитых.
20. Чухонский шишак деревянный крашенный с звериными уборами.
21. Два кляпца и два черкана для ловли зверьков.

IV. Разные инструменты и изделия тех народов.

1. Два остяцких четырехструнных инструмента.
2. Кобыс киргизский.
3. Флейта киргизская.
4. Четыре бубна разных видов с холотушками.
5. Ложка киргизская из корней сплетенная.
6. Две деревянные ложки, одна американская.
7. Две костяные трубки.
8. Три китайских фонаря.
9. Модель алеутской байдары с людьми, шестами, веслами и шеем.
10. Таковая же модель без людей.
11. Модель лодки с рыбаком из крашеного дерева.
12. Модель лодочки с гребцами из костей.
13. Корзинка из корней плетеная.
14. Камышовая рогожа барабинских татар.
15. Кошелек с 45 деревянными палочками с иероглифами, отсылившимся до истории ирокесов.
16. Две бараньи лопатки с надписями для шаманства.
17. Два идола кузнецких татар.
18. Четыре лыжи.
19. Тунгусские и остяцкие нарты для езды на собаках.
20. Сани для оленьей езды с одеялом из оленьих шкур.
21. Кожаная запряжка для езды на оленях.
22. Киргизская конная сбруя, кожаная.
23. Калмыцкая подеря.
24. Персидское седло, деревянное с костяною оправою.
25. Знамя и бунчук американские из больших перьев и перина стволы.

V. Вещи, служащие для ламанского идолопоклонения.

1. Две глиняные муравленые львиные статуйки.
2. Один медный чайник.

3. Одна медная курильница.
4. Семь разных медных чашечек.
5. Два медных колокольчика с прибором.
6. Две медных тарелочки, которыми вода освящается.
7. Гремущка с колотушкой.
8. Три разных медных трубы.
9. Один бубен с колотушкой.
10. Пять разных медных тарелок.
11. Две медных кружки.
12. Один глиняный и золоченный бурхан.

VI. Чудские вещи из курганов

1. Девять старинных шпал разных видов.
2. Конец медного копья.
3. Две чугунные посуды.
4. Две глиняные посуды.
5. Изображения трех человеческих фигур на камнях.
6. Изображение каменного барана на камне.

Г.А.А.К., ф. 2, оп. 1, д. 3601, лл. 420 - 421; 437 - 440.

Т. М. СТЕПАНСКАЯ

ПАМЯТНИК УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ

"Не должно спрашивать у иностранцев об их достопримечательностях, если не можешь рассказать им о своей земле".

(Н. И. Новиков, 1784 г.)

На самой старинной барнаульской улице, носящей имя И. И. Ползунова, а ранее называвшейся Петропавловской линией, Набережной, улицей Республики, двести лет назад зазвучало разумное эхо мощного и великолепного явления российской культуры - архитектуры классицизма. Русский классицизм был озарен светом великого Просвещения и гражданственным пафосом Отечественной войны 1812 года. Негромкое, но глубокое обаяние давнего эха высокого стиля живет и сейчас в ансамбле строений улицы Ползунова XVIII - первой половины XIX столетий. Мудрая простота архитектурной композиции, проявляющаяся в симметрии, акцентировании центра, гармоническом соподчинении частей и целого, строгости отбора декоративных элементов, объединяет здания горной аптеки, канцелярии Колывано-Воскресенских заводов, ограду, въезд во двор сереброплавильного завода с декоративными портиками, инструментальный магазин и здание горной лаборатории. Здесь материализовался дух столичной архитектурной школы, школы мастера классицизма К. И. Росси. В этом заслуга заводских архитекторов А. И. Молчанова, Я. Н. Попова, а также их профессиональных преемников, среди которых наиболее значителен И. Ф. Носович. Не только улица Ползунова, но и здания, составляющие ее ансамбль, являются памятниками универсальной ценности.

Одно из них принадлежит Алтайскому краевому краеведческому музею. История его строительства связана с развитием Барнаульского сереброплавильного завода и Алтайского Горного округа. Это бывшая горная лаборатория, обязательная принадлежность завода, обычно в XVIII и в начале XIX веков размещавшаяся на территории заводского двора. В описи казенным постройкам Барнаульского завода 1786 года указана и описана химическая

лаборатория - предшественница современного здания. Она была построена в 1770 году из дерева, сенями делилась на две половины: "...во входе в нее на левую руку покоев два, окон (колодных) десять, ставен на крючках и петлях с запорами десять, оконниц стеклянных десять; шкаф столярной работы с створными дверями и внутренним замком один, простой без дверцев с одними полочками один, верстаков четыре. На правую руку покоев четыре... в трех полах тесовые, а в одном выстланы чугунными досками; при них дверей на крючках и петлях железных четыре, при них скоб затворных восемь, крюк заметной один, окон колодных восемь, при них ставней на крючках и петлях с запорами восемь, шкаф столярный со створными дверцами один, верстаков четыре, дверь одна... Во всех покоях печей кирпичных четыре, при них заслонок железных четыре, при трубах вьюшек чугунных четыре, пред одной печкой на полу досок чугунных две... В сенях пол устлан чугунными досками. Все строение крыто тесом". Отметим, что на заводских планах, в том числе и Барнаульского завода начала XIX века, присутствуют кирпичные химические лаборатории, построенные под общей кровлей с кузницей, но с отдельными входами.

К началу сороковых годов прошлого века лаборатория Барнаульского завода превратилась в научно-экспериментальную базу алтайских заводов. Горное Правление приняло решение о строительстве нового здания. Проект по заказу Кабинета был исполнен в Петербурге, чертеж, присланный из столицы, подписан: "Подлинное составлял подполковник Евреинов". Место для горной лаборатории было отведено вне заводского двора на улице Петропавловской. Этим подчеркивалось, что строится главная химическая лаборатория заводов Алтайского Горного округа.

Проект здания лаборатории за подписью Евреинова соответствует каноническому языку позднего классицизма. Он датирован 1844 годом. К этому времени сформировалось направление, воплотившее "экономичный" вариант стиля, полнее всего проявившийся в архитектуре учебных, больничных и других учреждений, строившихся на средства государства. Кризис классицизма ярко проступил в Петербурге в формах "казенного классицизма", его признаками стали отказ от ордерных элементов, ограничение декора фасадов оконными наличниками несложных форм и упрощенным антаблементом. Проект Евреинова является характерным примером такой архитектуры, взят он был, очевидно, из образцовых (типовых) проектов.

Строительство главной химической лаборатории Алтайских заводов велось под архитектурским надзором Я. Н. Попова и было закончено в 1851 году. Я. Н. Попов, ученик К. И. Росси, сохранил общий объем двухэтажного прямоугольного со сторонами 13х27 метров здания, но значительно изменил главный фасад: укрупнил луст первого этажа, убрал ложную балюстраду под окнами второго этажа. Заслугой заводского архитектора явилось то, что здание тактично вписалось в классическую композицию улицы, не нарушая ее гармонии. В 1852 году Я. Н. Попов ушел в отставку и уже новый заводской зодчий, И. М. Злобин в 1856 году осуществил ремонт здания, так как в стенах появились трещины.

Горная лаборатория Барнаула обслуживала все рудники и заводы Алтая, здесь велись поиски улучшения технологии выплавки меди, серебра и других металлов, были сделаны десятки открытий в области цветной металлургии. С закрытием Барнаульского завода перестала существовать и лаборатория. С 1897 года здание пустовало и разрушалось.

В течение XIX века интеллигенция русской провинции создавала просветительные учреждения на местах: в 1820-х годах возникло три музея местного края, в 1830-х тоже три, в 1840-е - один, в 1850-е годы - четыре, в 1860-е - еще четыре; в последней трети XIX века было организовано 35 музеев, в девятисотые годы - 16.

Датой рождения Алтайского краевого краеведческого музея считается 1823 год. Но коллекции редких вещей возникли на Алтае значительно раньше, они и послужили основой для музея, который разместился в отдельном деревянном доме в десяти залах. Когда здание музея обветшало, коллекции и экспонаты перенесли в комнаты канцелярии заводов Алтайского Горного округа, где организация постоянной экспозиции из-за тесноты была затруднительна. Уникальное собрание обрело хранилище и стало музейной экспозицией в 1915 году в здании бывшей горной лаборатории на улице Петропавловской. Это произошло по инициативе Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского отдела географического общества, обратившегося в 1913 году в Кабинет с просьбой передать бывшую химическую лабораторию заводов музею. Реконструкцию здания осуществил действительный член Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества гражданский инженер И. Ф. Носович, много строивший на Алтае часовен, церквей, жилых и общественных домов.

Здание музея сохраняет в своей исторической части тот облик, который придал ему И. Ф. Носович. Это двухэтажное, кирпичное оштукатуренное строение. Чуть заглубленная центральная часть главного юго-восточного фасада выделена арочными окнами с рустованными архивольтами и гладким фигурным аттиком. По центральной оси расположен вход с портиком из двух полуколонн и треугольным фронтончиком. Нижний этаж рустован. Сильно вынесенный карниз, триглифоленточный фриз и междуэтажная тяга объединяют фасады. Прямоугольные окна в первом этаже с мощными замковыми камнями, во втором - сандриками на консолях. В интерьере - просторный вестибюль с красивой лестницей на второй этаж, в залах сохранились штукатурные карнизы и филеячатые двери.

Здание Алтайского краевого краеведческого музея - это памятник истории, науки, культуры и архитектуры Алтая, имеющий градостроительное значение как важный элемент ансамбля улицы Ползунова. Это последний отзвук русского архитектурного классицизма в Барнауле. На смену торжественному высокому стилю шло направление "умного выбора" - эклектика.

ЛИТЕРАТУРА:

- Государственный архив Алтайского края, Ф. 3, оп. 1, д. 838.
Н. Я. САВЕЛЬЕВ, Алтай - родина выдающихся изобретений, Барнаул, 1951.
А. П. ДОЛНАКОВ и др. Памятники архитектуры Барнаула, Барнаул, 1982, с. 39 - 43.
Памятники истории и культуры Барнаула, Ред. А. П. Бородавкин, Барнаул, 1983, с. 61 - 64.

МУЗЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История советского музея - неотъемлемая страница истории культуры. Каковы были содержание и формы работы Алтайского краевого краеведческого музея в период войны? Какие факторы влияли на его деятельность? - Вот те вопросы, которые хочется осветить в данной статье.

Общепризнано, что процесс формирования личности в обществе происходит как под влиянием реальных социальных условий, социальной среды, так и в результате целенаправленного воздействия на личность общественных институтов, специально предназначенных для этого. Таковым является и советский музей. Именно поэтому директивным письмом "Ко всем работникам музеев Наркомпроса РСФСР" от 15 июля 1941 года предписывалось всю массовую и научно-исследовательскую работу подчинить интересам Отечественной войны и задаче разгрома врага. Музеям предлагалось создать экспозицию, показывающую "героическое прошлое народов СССР, величие русского оружия", и "специальные оперативные выставки о ходе войны, героях-земляках фронта и тыла как в музее, так и передвижки", и на их основе проводить тематические экскурсии(1).

Условия военного времени определили необходимость перенесения работы на предприятия, призывные пункты, в госпитали, учреждения, колхозы. В приказе НКП РСФСР N 675 от 13 сентября 1941 года "О мероприятиях по улучшению работы музеев" говорилось: "Особое внимание уделить созданию выставок-передвижек..., выделяя для их сопровождения лучших музейных работников"(2).

С первых дней войны краеведческий музей включился в работу по реализации воспитательных задач, поставленных перед учреждениями культуры Коммунистической партией и Советским правительством. Так, из протокола совещания научных работников музея от 11 ноября 1941 года узнаем, что ими были разработаны экскурсии на такие темы, как: "Героическое прошлое русского народа", "Польская интервенция XVII века", "Отечественная

война 1812 года" (3). Естественно, данные темы не имели краеведческого характера, но соответствовали задачам пропаганды героических страниц истории русского народа и воспитания гордости за Родину, духовной стойкости и уверенности в победе.

Несомненно в воспитательных целях в музее были оформлены экспозиции об организации обороны Советской республики в 1918 - 1920 гг. и о разгроме интервенции и контрреволюции "с показом партизанского движения в бывшей Алтайской губернии" (4).

Была начата работа по созданию выставки "Великая Отечественная война советского народа". Ее оформление планировалось к годовщине начала войны, но, находясь в глубоком тылу, музей не располагал возможностью непосредственного оперативного сбора материалов о ходе военных действий, о героизме советских людей и воинов-земляков. Первый экспонат для выставки - немецкий эрзац-валенок - прислал с Западного фронта, согласно публикации "Алтайской правды" за 10 мая 1942 года, боец 5-й гвардейской дивизии, бывший рабочий прядильной фабрики г. Барнаула, В. Блюменталь.

Музей обратился в политотделы сформированных на Алтае соединений с просьбой прислать для выставки трофеи и документы. Из Артиллерийского исторического музея Красной Армии были получены 14 разных листовок, 20 комплектов печатных лозунгов и плакатов, 45 фотоснимков, немецкий противогаз, ранец, противотанковое ружье, шестиствольный миномет. Но выставка к годовщине начала войны не была открыта. На производственном совещании коллектива сотрудников музея 20 июля 1942 года отмечалось, что "этим сорвалось большое политическое дело и подорван авторитет музея, тем более, что о выставке делались сообщения по радио" (5). Поэтому отдел социалистического строительства на второе полугодие 1942 запланировал работу по подготовке выставки.

Тематическая структура выставки: "Немецко-фашистские захватчики свергли Европу в пучину войны", "Начало Великой Отечественной войны", "Провал "молниеносной войны", "Контрнаступательные удары Красной Армии", "Героическая оборона Москвы", "Разгром немецких войск под Москвой", "Города-герои (Ленинград, Севастополь, Одесса)", "Социалистическая промышленность и транспорт в дни войны", "Тыл в помощь фронту" - отвечала задачам пропаганды героических событий войны, разоблаче-

ния фашизма как крайне реакционной идеологии германского империализма, воспитания советского патриотизма.

Стремясь по возможности оперативно отражать в экспозиции события войны, мужество и героизм советских людей как на фронте, так и в тылу, музей ежегодно обновлял и дополнял новыми материалами выставку "Великая Отечественная война".

В 1942 году развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование в промышленности и сельском хозяйстве за увеличение выпуска продукции для фронта. В связи с этим музеи должны были показывать, в первую очередь на местном материале, ход социалистического соревнования и его победителей, широко пропагандировать опыт работы стахановцев промышленности и сельского хозяйства, организуя для предприятий и колхозов выставки-передвижки.

Во втором полугодии 1942 года в музее велась разработка тематических планов выставок о работе железнодорожного транспорта в дни войны и сельском хозяйстве края, при этом обращалось внимание на деятельность рационализаторов, изобретателей и стахановцев производства. Так, через организацию выставочной работы музей стремился решить задачу популяризации опыта работы передовиков промышленности и сельского хозяйства в крае.

Приказ Народного комиссара просвещения РСФСР N 392-М от 22 июня 1942 года "О мероприятиях по развитию краеведческой работы в дни войны" поставил перед музеями задачу ведения массовой пропаганды через местную печать и радио, проведение консультаций, чтение лекций и докладов, организацию передвижных выставок по вопросам истории и природы местного края и использования местных ресурсов (6). Таким образом, пропагандистская работа в основном должна была проводиться вне стен музея. В музее охват посетителей экскурсионным обслуживанием был незначителен. За январь-июнь 1942 года музей посетили 14032 человека, большей частью "в одиночном порядке". Групповых посещений было 37 (1180 человек) (7). Всего в 1942 году музей посетили 17000 человек (8). Эти данные свидетельствуют о резком сокращении посещаемости музея во втором полугодии 1942 года - всего лишь 2968 человек, что было естественно в условиях напряженнейшей обстановки на фронтах, потребовавшей мобилизации всех трудовых сил в тылу.

В связи с тем, что в начале войны часть постоянной экспозиции была свернута, в 1943 году был поставлен вопрос

о восстановлении экспозиции отдела социалистического строительства так: "чтобы весь местный материал по краю был дан в органической связи и на общем фоне истории социалистического строительства в СССР" (9).

Одновременно планировалась выставочная работа: организация временных выставок в музее - к 25-й годовщине празднования 1 Мая и 26-й годовщине Советской власти, передвижной выставки "25-я годовщина Красной Армии" в призывном пункте Центрального района г. Барнаула, шести выставок-передвижек для колхозников, двух выставок-передвижек для предприятий города: "Промышленность Алтайского края на службу обороны" и "Транспорт Алтайского края и его работа в дни войны". Совместно с крайкомом ВЛКСМ создавалась выставка "Комсомол Алтая в дни войны".

Выставочная работа музея была положительно отмечена в приказе N 261 по Алтайскому краю от 12 ноября 1943 года "По работе краеведческих музеев Алтайского края". В нем говорилось, что за время войны в музее были созданы стационарные выставки "25 лет Красной Армии", "Великая Отечественная война советского народа с немецкими захватчиками", "Сибиряки-алтайцы на фронтах Отечественной войны", "Тыл - фронту", "Лекарственные растения Алтайского края", 63 выставки-передвижки на 30 различных тем. Из них: 38 - в районах края, 16 - в госпиталях, 6 - на призывных пунктах и в военных училищах. 3 передвижки о новых технических и лекарственных растениях Алтайского края и о роли женщины в Отечественной войне были показаны на четырех краевых совещаниях передовиков сельского хозяйства и политпросветработников (10).

За три квартала 1943 года музейными работниками было прочитано 23 лекции и доклада, проведено 65 экскурсий и обслужено 23300 посетителей.

В 1944 году в музее продолжали работать стационарные выставки "Наш край за 26 лет Советской власти" и "Комсомол Алтая в Отечественной войне". "Алтайская правда" писала: "Выставка "Комсомол Алтая в Отечественной войне" несомненно достигает цели. Она в яркой и образной форме показывает, как комсомол и молодежь Алтая работают и борются за скорейший и окончательный разгром врага" (11).

В течение года в музее были оформлены выставки "Вредители и болезни сельскохозяйственных культур и меры борьбы с ними".

"Лекарственные растения Алтайского края и их сбор и хранение", "Женщина в тылу и на фронте" и выставка портретов сибиряков-гвардейцев алтайских дивизий. По заданию музейного отдела НКП РСФСР и КрайОНО к 27-й годовщине Октября велась работа по подготовке выставки "История города Барнаула".

В 1944 году музей посетили 17140 человек. Было проведено 55 экскурсий (984 человека), из них - 33 школьные (700 человек). Как видим, продолжал преобладать "неорганизованный посетитель" (почти 94% посетивших музей). Около 45% посетителей составляли дети (7672 человека), но и они посещали музей в основном в неорганизованном порядке: только 9% побывавших в музее детей были охвачены экскурсионным обслуживанием.

Имеющиеся данные не дают полной картины о количестве посетителей и экскурсий в годы войны. Но они позволяют сделать вывод, что больше всего их было в 1943 году.

Годы	всего посетителей	групповые посещения	
		кол-во экскурсий	кол-во человек
1940	31773	201	
1942	17000	37	1180
1943	23300	65	
1944	17140	55	984

Таким образом, Великая Отечественная война поставила новые задачи перед всеми идеологическими учреждениями страны, осуществление которых потребовало соответствующего содержания и форм работы.

Руководствуясь директивными указаниями, музей начинает перестраивать экспозицию, чтобы реализовать политико-воспитательные задачи военного времени. Постоянная музейная экспозиция была частично свернута в связи с необходимостью освобождения экспозиционной площади для выставочной деятельности.

В течение 1941-1943 гг. ведущей формой работы было создание стационарных и передвижных выставок, имевших ярко выраженную агитационно-пропагандистскую и воспитательную направленность.

В связи с развернувшимся в 1942 году Всесоюзным социалистическим соревнованием в промышленности и сельском хозяйстве

за увеличение выпуска продукции для фронта музей начинает уделять внимание пропаганде опыта работы передовиков производства, организуя выставки-передвижки для предприятий и колхозов; работая над созданием стационарных выставок в музее.

Наиболее интенсивная деятельность по выполнению установок о формах массовой работы музеями в дни войны приходится на 1943 год.

С 1944 года музей сосредоточивает внимание на работе по реэкспозиции и на создании отдела социалистического строительства. Организация выставок продолжает занимать основное место в работе музея. На смену передвижкам приходит стационарная выставка.

Ведущей формой массовой работы становится экскурсионное обслуживание посетителей музея. Второе место занимает лекционная работа по краеведению, проблемам сельского хозяйства и истории края.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА МУЗЕЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ. Основные направления научно-исследовательской работы музеев в условиях военного времени были определены в приказе НКП РСФСР N 392-М от 22 июня 1942 года "О мероприятиях по развитию краеведческой работы в дни войны". Они сводились к организации поиска и исследованию местных природных сырьевых ресурсов, сбору местных материалов по истории края и об участии местного населения в Великой Отечественной войне. Практические потребности страны в сырьевых ресурсах и необходимость "собрать и сохранить для потомства материалы и документы о Великой Отечественной войне" (12) обусловили изменение научно-исследовательской работы. Документы свидетельствуют, что в основном она велась по двум направлениям: первое - выявление, изучение и освоение естественных богатств и ресурсов края в военно-оборонных целях; второе - сбор и научная обработка материалов по Отечественной войне и героике тыла (13).

В 1943 - 1944 гг. в районы края были организованы научные командировки сотрудников музея для "выявления и изучения новых видов лекарственного, технического и пищевого растительного сырья, для изучения ареалов их распространения и условий произрастания", "сбора гербария и других полезных растительных объектов (трав, семян, корней и т. п.) с целью лабораторного изучения и анализа".

Сотрудники музея продолжали работу и над диссертационными исследованиями. Так, О. А. Труш работала по теме "Телегитское наречие Алтайского края". В 1943 году планировалось написание статей В. Л. Ремизовой по искусству Алтая, В. М. Маниловым - по истории горнорудного дела на Алтае, В. П. Сцибаровской - по геологии Алтая, Е. С. Останиным - по природоведению и сельскому хозяйству. Над научно-популярным очерком по истории г. Барнаула работала Т. А. Бехтерева, а В. В. Верещагин - над справочником "Дикие полезные растения Алтайского края".

8 августа 1944 года был издан Приказ Народного комиссара просвещения РСФСР N 533. В "Приложении к приказу" конкретизировались основные направления научно-исследовательской работы музеев на 1944 - 1946 гг. Краеведческим музеям рекомендовалось сосредоточить внимание на изучении истории своего города и края, его народнохозяйственной жизни и участия в Великой Отечественной войне. Но в 1944 - 1945 гг. музей начинает испытывать трудности в кадрах, которые могли бы успешно решить поставленные задачи.

КАДРЫ МУЗЕЙНЫХ РАБОТНИКОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ. Вышеназванные сотрудники музея в основном были из числа специалистов, эвакуировавшихся из Москвы и Ленинграда. По мере освобождения Европейской части СССР от немецко-фашистской оккупации они возвращаются в родные города. В 1942 году уезжает в Москву профессор Б. Я. Закс, бывший директор музея с 16 декабря 1941 года по 20 марта 1942 года. В течение 1944 года возвращаются в Ленинград А. Д. Кисис, О. А. Труш, В. П. Сцибаровская. В связи с этим уже в 1944 году возникает вопрос о кадрах. В записке в крайоно в мае 1944 года отмечалось, что "специально музейных работников у нас нет ни одного... научных сотрудников в отделах нет..." (14).

Начиная с октября 1944 года, в "Алтайской правде" периодически появляются объявления о том, что музею требуются старшие научные сотрудники: заведующие отделами природы, строительства и Великой Отечественной войны, экскурсовод, художник-оформитель.

Печальные факты сообщает В. Виноградов в статье "Давно ли вы были в музее", опубликованной в газете "Комсомольская правда" 15 февраля 1945 года. "Отдел социалистического строительства, - пишет он, - вовсе упразднен. Значительно обеднели отделы природы и истории... Неудивительно, что посещаемость музея

низка. Лишь в выходные дни в нем бывает по 15 - 20 посетителей. Обычно же музей посещают 5 - 9 человек в день. Экскурсий в музее не было уже больше месяца... Музей испытывает острый недостаток кадров" (15).

Несомненно, деятельность музея во многом определяется кадрами, их образовательным уровнем и профессионализмом. Неслучайно 1943 год был годом наибольшей научно-просветительной деятельности музея. Это был год стабильности кадров. Безусловно, текучесть кадров в 1942 году и их дефицит, начиная с 1944 года, сказались на работе музея.

МУЗЕЙ И ШКОЛА. В условиях военного времени работа по оказанию помощи школе определялась как "содействие... в поднятии качества учебно-воспитательной работы и привлечение школьников к общественно-полезной работе военно-оборонного значения". Для этого необходимо было выделить передвижной фонд наглядных пособий с учетом школьных программ по соответствующим дисциплинам; создать школьные комнаты для проведения систематических занятий со школьниками по наглядным материалам музея; организовать выставки-передвижки для школ по отдельным вопросам истории, естествознания, географии и др., разработать к ним конспекты лекций; развернуть массовую политико-просветительную работу среди школьников, воспитывая в них чувство советского патриотизма и ненависти к фашистским захватчикам, используя различные формы устной и наглядной агитации" (16).

Что было сделано музеем по реализации данных задач? На основании приказа НКП РСФСР N 392-М от 22 июня 1942 года музей разработал "Письмо ко всем комсомольским, пионерским организациям Алтайского края, крайоно, директорам школ, ко всем школьникам". Письмо призывало школьников края активно помогать исследовательским геологическим партиям в поиске месторождений редких металлов, заготавливать лекарственные травы, записывать произведения народа о Великой Отечественной войне и воспоминания участников войны, собирать иллюстративный и документальный материал, фотографии фронтовиков (17).

В апреле-мае 1943 года отдел соцстроительства оформил две выставки-передвижки для средней школы N 7 г. Барнаула: "Разгром белофинов в 1939 году" и "На фронтах Отечественной войны".

Приказом N 261 по Алтайскому крайоно от 12 ноября 1943 года предписывалось "для улучшения обслуживания школ и школьни-

ков музейной экспозицией при каждом музее создать специальную школьную комиссию из представителей ОНО и школ, ... специальную школьную комнату с подбором материала в соответствии со школьными программами по биологии, географии и истории" (18).

Школьная комиссия была создана в начале 1943 года, но она состояла из одной природоведческой секции, в которую вошли несколько педагогов и преподавателей института усовершенствования учителей. Были разработаны программа и план организации в музее школьной комнаты. Но летом 1943 года работа была прекращена "из-за разъездов учителей, школьников и самих работников музеев" и больше не возобновлялась. Помещение, отведенное под школьную комнату, было занято под выставку "Комсомол Алтая в дни войны".

Экскурсионная работа со школьниками не имела четкой организации. Для них не были разработаны тематические экскурсии, в основном проводились обзорные экскурсии по экспозиции музея. Охват школьников экскурсионным обслуживанием был мал, большей частью учащиеся посещали музей неорганизованно. Так, в 1944 году из 7655 посетивших музей школьников только 700 "были с экскурсиями".

Таким образом, работа музея со школами была незначительной. Во многом это объясняется отсутствием при музее школьной комиссии как организационно-координационного центра по осуществлению связи "музей-школа". Но главное - это дефицит кадров; невозможность имевшимся штатом научных сотрудников охватить все направления деятельности музея. Занятые основной работой (организация и обслуживание выставок, командировки и сбор материалов, лекционная работа вне стен музея и т. д.) - они не могли уделить должного внимания работе со школой. Вопрос о школьной комнате вообще был исключен из плана работы после эвакуации в конце лета 1944 года сотрудников, занимавшихся ее организацией, ибо на 1 января 1945 года в музее было всего лишь два научных сотрудника (19).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Работа политеха-просветительных учреждений в условиях военного времени: Директивные и инструктивные материалы для музеев. Вып. 4. М., 1943. С. 3 - 4, 6 - 7.
2. Там же. С. 11.
3. ГААН. Фонд Р-266. Опась Н 1. Дело Н 11. Л. 223.

4. ГААК. Фонд Р-288. Опись № 1. Дело № 10. Л. 1.
5. ГААК. Фонд Р-288. Опись № 1. Дело № 11. Л. 210.
6. Работа политико-просветительных учреждений... С. 14.
7. ГААК. Фонд Р-288. Опись № 1. Дело № 11. Л. 35.
8. Там же. Л. 56.
9. ГААК. Фонд Р-288. Опись № 1. Дело № 7. Л. 143.
10. ГААК. Фонд Р-288. Опись № 1. Дело № 11. Л. 56.
11. "Алтайская правда", 1944, 8 апреля.
12. Работа политико-просветительных учреждений... С. 15.
13. ГААК. Фонд Р-288. Опись № 1. Дело № 9. Л. 39, 41, 65. Дело № 11. Л. 47.
14. ГААК. Фонд Р-288. Опись № 1. Дело № 9. Л. 30.
15. ГААК. Фонд Р-288. Опись № 1. Дело № 11. Л. 2.
16. Работа политико-просветительных учреждений... С. 37-38.
17. ГААК. Фонд Р-288. Опись № 1. Дело № 8. Л. 73-74.
18. ГААК. Фонд Р-288. Опись № 1. Дело № 11. Л. 57.
19. ГААК. Фонд Р-288. Опись № 1. Дело № 9. Л. 15.

МУЗЕЙ
И ЕГО КОЛЛЕКЦИИ

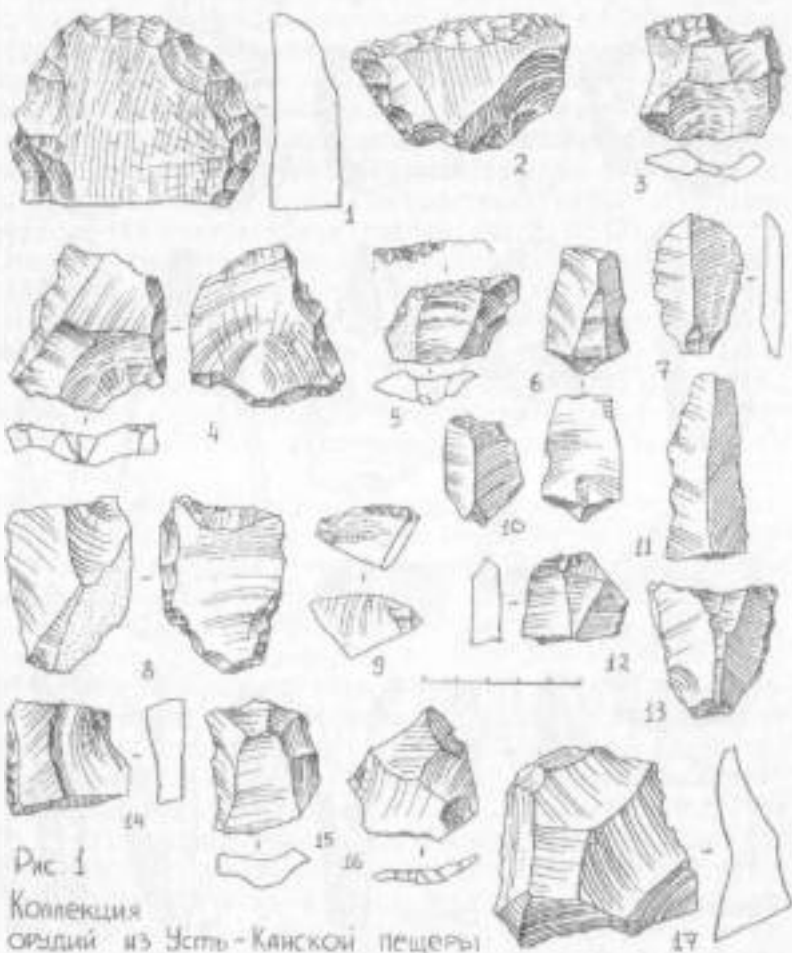
А. Л. КУНГУРОВ

ТРИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ ФОНДОВ АККМ

Палеолитических предметов в Алтайском краевом краеведческом музее хранится немного. Основную их часть составляют собрания артефактов из трех мест: Усть-Канская пещера (120 каменных изделий, сборы Э. М. Медниковой в 70-х годах, колл. 13176, 13155, 13485/5, 14776, 14799), Гилево (66 изделий, сборы А. Л. Кунгурова в 1973 - 75 гг., колл. 13216, 13213, 13151, 13511) и Улус-Тараба (10 предметов и несколько десятков костей дикой лошади, оленя и бизона, сборы Э. М. Медниковой в 70-х годах).

Часть этих коллекций уже опубликована (1), однако большинство пока в научной литературе неизвестно.

Усть-Канская пещера как археологический памятник открыта и исследована в 50-е годы (2,3). Позже, во время осмотра сотрудниками АККМ в разрушениях старого раскопа была собрана выразительная коллекция раннепалеолитических предметов (рис. 1). Все они несут на себе характерные черты мустьерской техники расщепления камня - остатки фасетированных ударных площадок (рис. 1 - 3, 4, 5 и др.), фасетки предыдущих сколов на дорсальной стороне (спинке), специфичную ретушь. Хотя нуклеусов, иллюстрирующих первичное расщепление, в коллекции нет, зато присутствует снятие плоскости расщепления (рис. 1 - 17) типичного леваллуазского нуклеуса, а также характерные сколы-заготовки (рис. 1 - 15). Имеется устойчивая серия леваллуазских острий, обработанных по краям крутой ретушью (рис. 1 - 4), пластин (рис. 1 - 6, 7, 10, 11, 14, 13), как ретушированных, так и оставленных без обработки. Часть орудий оформлена на пластинчатых леваллуазских заготовках (рис. 1 - 3, 4, 5, 8, 9, 12, 13, 14, 16) грубым ретушированием и оббивкой. Два изделия являются выразительными скреблами на крупном сколе (рис. 1 - 1) и треугольной леваллуазской заготовке (рис. 1 - 2). В целом коллекция из фондов АККМ соответствует материалам раскопок С. И. Руденко и датируется мустьерским временем (ок. 50 тыс. лет назад).

Гилево. Сборы в окрестностях с. Гилево, расположенного в верховьях р. Алей, проводились с галечных кос реки. Часть сборов хранится в лаборатории археологии АГУ (колл. N 1). В отличие от предыдущей коллекции, гилевская содержит разнообразные находки. Кроме мустьерских предметов присутствуют

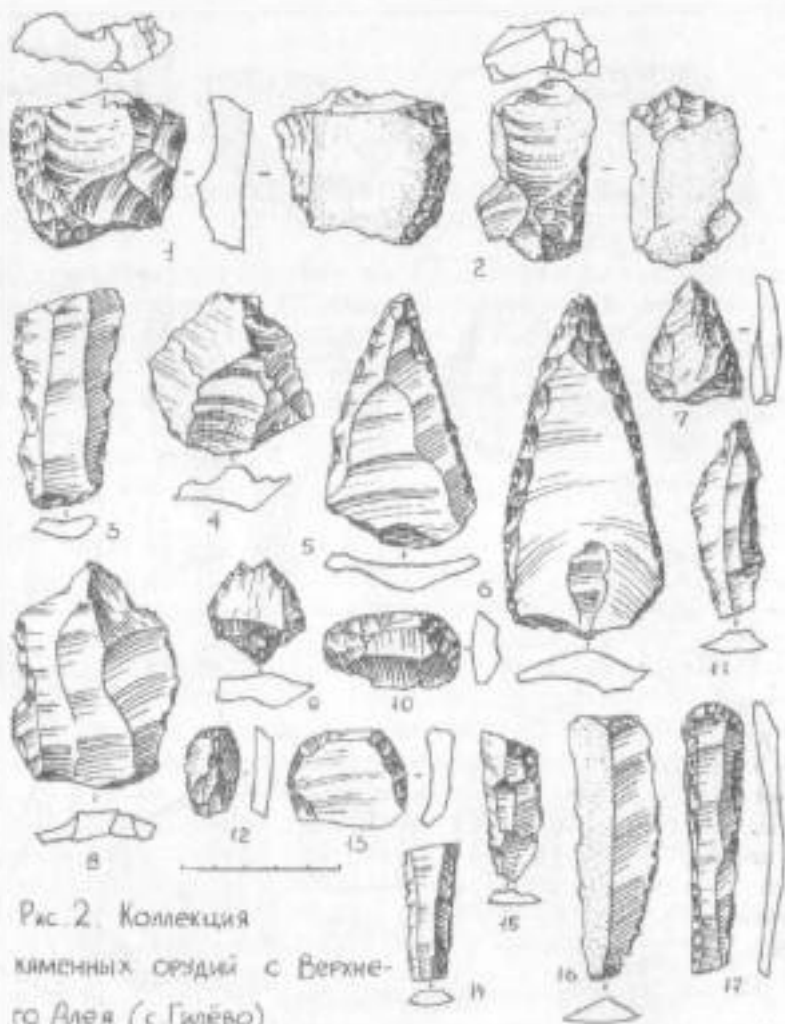

Рис. 2. Коллекция
 каменных орудий с Верхне-
 го Алтая (с Гилёво)

верхнепалеолитические, возможно, и неолитические (изконеч-
 ник стрелы, керамика). Мустьерские орудия выделяются из
 общей массы характерными, уже перечисленными мной, при-
 знаками. Техника расщепления мустьерского комплекса пред-
 ставлена типичными левадуазскими нуклеусами (рис. 2 - 1,2).

предназначенными для снятия подтреугольных заготовок - острий. На этих заготовках оформлялись изделия - остроконечники (рис. 2 - 4 - 7), орудие с выделенным "носиком" и боковой выемкой (рис. 2 - 8). Все изделия тщательно двусторонне обработаны по краям. Имеется также одна достоверная леваллуазская пластина (рис. 2 - 3). Остальные находки относятся скорее всего к верхнему палеолиту. Это призматические нуклеусы, часть ретушированных и необработанных отщепов, крупные пластины (рис. 2 - 11, 14 - 16), концевые скребки на пластинах (рис. 2 - 17) и отщепах (рис. 1 - 12), полуовальные скребки (рис. 2 - 10, 13), резцы и т. п. Следует отметить, что концевые скребки на пластинах нехарактерны для верхнего палеолита Алтая, но широко распространены в карабумовское время (переход от мустье к верхнему палеолиту) (4).

Находки каменных изделий из с. Гилево явно не связаны с какой-либо одной стоянкой, разрушенной рекой, а происходят с разных памятников, которые еще не обнаружены археологами.

Улус-Тараба находится в среднем течении р. Чумыш в Кытмановском районе Алтайского края. Из всех предгорных районов Среднее и Верхнее течение Чумыша наиболее исследованный. Сейчас там зафиксировано около двух десятков стратифицированных памятников (Улус 1, Точка 2, Титово и т. п.) и десятки пунктов сборов древних предметов на отмелях Чумыша. Улус-Тараба расположена на левом притоке Чумыша - р. Тараба. В осыпи берега Э. М. Медникова собрала десять каменных изделий и кости ископаемых животных. Все орудия коллекции - боковой резец (рис. 3 - 11, 14), концевой скребок на пластине, аналогичный гилевскому (рис. 2 - 12), дисковидный скребок (рис. 3 - 13), крупный радиальный нуклеус, подработанный под рубящее орудие - не характерны для основного типонабора известных палеолитических стоянок. Возможно, Улус-Тараба, является памятником новой и достаточно ранней (в рамках верхнего палеолита) культуры палеолита Алтая. Это подтверждают и некоторые другие находки с памятников и местонахождений, известных на Чумыше. Прежде всего это стоянка Улус 1 (рис. 3 - 8), Степь - Чумыш, маслозавод (рис. 3 - 2, 7, 9, 15). Скорее всего эта верхнепалеолитическая культура сложилась на основе мустьерской, также известной по находкам в Черемшанке (рис. 3, 3 - 6) и Победе (рис. 3 - 1).

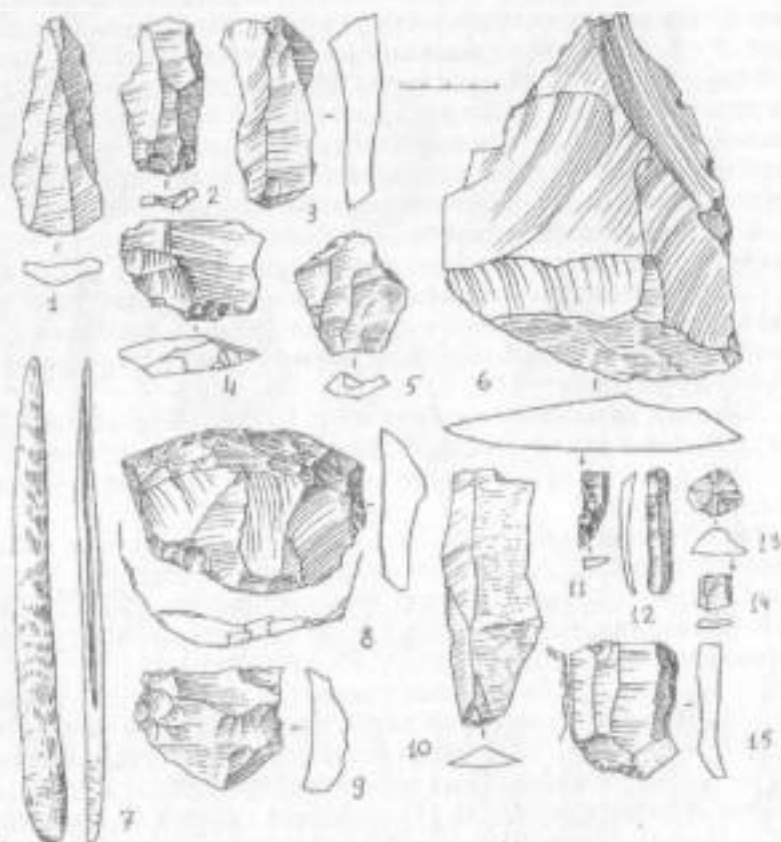

Рис.3. Палеолитические изделия с р. Чумыш.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. КУНГУРОВ А. Д. Палеолитические находки на верхнем Алае // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 33 - 43.
2. РУДЕНКО С. И. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка // МИА. М. 1960. № 79. С. 104 - 125.
3. ШУНЬКОВ М. Д. Мустьерские охотники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск, 1990. С. 160.
4. ОКЛАДНИКОВ А. П. Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае // Палеолит Сибири. Новосибирск, 1983. С. 5 - 20.

Г. Е. ИВАНОВ.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
ИЗ МАМОНТОВСКОГО РАЙОНА В СОБРАНИИ АКММ
(К АТТРИБУЦИИ И ДАТИРОВКЕ).**

В фондах АКММ хранится значительная коллекция археологических материалов, состоящая из случайных находок, сборов на разрушаемых поселениях и могильниках, производившихся в разные годы на территории Мамонтовского района. Некоторые из этих находок опубликованы, для целого ряда предметов, значащихся в описях как случайные находки, указана принадлежность к конкретным поселениям и приведен круг материалов, в составе которых они были найдены /1/. Некоторые же материалы плохо документированы и, не составляя достаточно представительных подборок, не нашли отражения в публикациях. В распоряжении автора имеются данные, позволяющие атрибутировать эти коллекции.

Самыми ранними по времени поступления являются переданные в музей в 1925 г. из с. Мамонтово бронзовый однолезвийный нож, прямой, с широким черенком и выделенным лезвием /2/ (Рис. 1 - 20) и костяной наколочник стрелы, найденный в 1921 году крестьянином М. Успенским "в кургане при человеческом скелете" /3/.

В 1966 г. А. С. Ивановым передан бронзовый литой широкогорлый котел тюльпановидной формы с узким плоским дном, без поддона /4/. Тулово котла украшено горизонтальными и вертикальными рельефными валиками, характерными для гуинских котлов, /5/ и имеет наложенную в древности заплату. На стенках котла хорошо сохранился толстый слой нагара. У котла две "П"-образной формы ручки, каждая из которых увенчана грибовидными выступами. По сторонам ручек, на венчике - выступы подтреугольной формы /6/ (Рис. 1 - 21). Котел найден бульдозеристом И. Н. Овциновым при рытье траншеи для скотомогильника на высокой дюне, носящей название Полиханова Грива, расположенной у въезда в с. Черная Курья со стороны с. Мамонтово, справа от дороги. Траншея проходила по самой вершине дюны. В

стевках ее следов погребения или культурного слоя поселения обнаружить не удалось. Не выявлены они и траншеей, заложенной в 1972 г. разведотрядом Алейской археологической экспедиции ИА АН СССР (Г. Е. Иванов, В. Д. Луев), ни во время последующих наблюдений за многочисленными земляными работами. Вероятно, траншеей 1966 г. было полностью разрушено одиночное погребение.

Котел безусловно относится к кругу гуннских древностей эпохи "великого переселения народов" /7/ и интересен тем, что является переходной формой от ранних хуннских котлов Монголии к гуннским V в. н. э. из Восточной Европы, что позволяет датировать его в рамках III - IV вв. н. э.

В 1966 г. Э. М. Медниковой в с. Буканское был передан бронзовый наконечник дротика, найденный на огородах села /8/. Наконечник прорезной, длиной 12,2 см, с широкими лопастями, достигающими в нижней трети ширины 5,3 см. На лопастях широкие вырезы в виде полуovalов, обрамленных рельефными валиками, в верхней половине лопасти круто заточены. Средневыступающая, круглая в сечении ступка диаметром 2 см имеет в нижней части два отверстия для крепления наконечника к древку, в которые вставлен проржавевший железный шпенец (по мнению жителей села, наконечник использовался партизанами в борьбе с колчаковцами. Это вполне возможное вторичное использование может объяснить наличие железного шпенька).

Хотя рисунок наконечника с указанием места находки неоднократно публиковался /9/, вопросы его датировки и культурной атрибуции до конца не решены. В. И. Матющенко отнес его к еловскоирменским, датированным XI - IX вв. до н. э. /10/, с чем согласилась М. Т. Абдулганеев, Ю. Ф. Кирюшин и Б. Х. Кадиков /11/. Н. Л. Членова, рассматривая прорезные наконечники (в том числе и буканский) как один из элементов материальной культуры ирменского населения, отнесла их к VIII - VII или VII - VI вв. до н. э. /12/. Последней даты придерживается и В. А. Могильников, неизвестно почему относящий сибирские прорезные наконечники к эпохе раннего железа /13/.

Между тем буканский наконечник по всем признакам относится к выделенному А. В. Збруевой древнейшему типу этих изделий, датированному ею самым началом I тыс. до н. э. /14/, и к первой группе прорезных наконечников (конец II - начало I тыс. до н. э.) Б. Г. Тихонова /15/. Датировка Б. Г. Тихонова

подтверждена анализом кладов эпохи поздней бронзы, проведенным Е. Е. Кузьминой /16/. Находки, сделанные в последние годы на поселениях Сибири и Казахстана, относящихся к культурам валиковой керамики /17/ и ирменской /18/, позволяют связывать рассматриваемые наконечники с кругом этих культур и датировать в пределах XII - IX вв. до н. э., возможно, с заходом в первую половину VIII в. до н. э. В ананьинской культуре, где прорезные копья наиболее широко распространены, они доживают до VI - V вв. до н. э. /19/, но в совершенно иных типах, резко отличных от типов эпохи поздней бронзы. В Сибири эти наконечники представлены лишь глиняной моделью с поселения VIII в. до н. э. Сузгун III, /20/, типологически самой поздней среди сибирских изделий.

Что же касается буканского наконечника, то его в силу архичности предпочтительнее связывать со временем существования в этом районе многочисленных поселений с валиковой керамикой (XII - IX вв. до н.э.) /21/, а не с появляющимися здесь лишь на финальном этапе существования культуры единичными ирменскими памятниками /22/.

Во второй половине 60-х годов в АКМ от автора поступило несколько археологических коллекций, собранных на разрушаемых поселениях и могильниках в окрестностях с. Черная Курья /23/. В документации музея сведений о принадлежности их к конкретным памятникам нет. Этот пробел восполнен по отношению к большинству изделий из металла (см. сноску 1), поэтому в данной работе они не рассматриваются. Не атрибутированной до сих пор является коллекция каменных наконечников стрел /24/ и несколько других изделий.

Основная часть каменных наконечников происходит с поселения Остров I, расположенном на берегу острова оз. Горького напротив с. Черная Курья (Рис. 2 - 1 - II). К настоящему времени на поселении собрано свыше 100 орудий и заготовок (Рис. 2), позволяющих датировать его финальным неолитом - ранней бронзой. О ранней дате поселения говорит его топография /25/, сравнительно-типологический анализ инвентаря /26/, но практически полное отсутствие керамики в размытой части поселения, на которой проводились сборы, не позволяет сузить дату.

Остальные наконечники происходят с поселений Моховое 2 /27/, (Рис. 1 - 9, 10) и Бурановка I /28/ (Рис. 1 - 8). Входящее в эту же коллекцию крупное каменное изделие типа ножа (Рис. 1 - 1)

найдено на поселении Петухово 1 /29/. Инвентарь, происходящий с этих поселений /30/ (Рис. 1 - 1 - 16, 18, 22 - 24, 26 - 28), позволяет датировать их эпохой ранней и развитой бронзы.

Андроновская бронзовая лятая кольцевидная подвеска /31/ (Рис. 1 - 17) найдена в пункте Черная Курья VIII /32/.

Ряд поздних находок из коллекции 13178, относящихся к эпохе средневековья (Рис. 1 - 25) и, возможно, к русским украшениям XIX в., происходит с территории, которую село занимало в XIX - начале XX века.

Достаточно крупными сборами представлены материалы многослойных поселений Пески I и II, выявленных Э. М. Медниковой в 1966 г. /33/. В их керамических коллекциях типологически выделяются комплексы эпох ранней и поздней бронзы, раннего железного века и средневековья. Небольшие сборы здесь были проведены в 1972 году Г. Е. Ивановым и В. Д. Луновым. В 1981, 1983 г.г. осмотрены автором. Поселение Пески 2 к этому времени практически полностью разрушено выдувом и ямами для забора песка. Встречены лишь единичные мелкие фрагменты неорнаментированной керамики. Выдув поселения Пески I задержан и перелакан под лесопосадки. Находок нет.

Последними по времени поступления в музей являются материалы разведки 1972 года из сел Крестьянское и Черная Курья.

Небольшие сборы, обозначенные как происходящие с "озера Горького, с. Крестьянское, между озерами Горьким и Крестьянским" (Рис. 3 - 1, 8 - 10, 14, 15, 19), относятся к открытому автором в 1969 году поселению Крестьянское 3 /34/. Основная часть коллекции с этого памятника датируется серединой - второй половиной I тыс. до н. э. /35/. Автором вскрыты здесь два полуразрушенных жилища этого времени. Сборы 1972 года и последующие материалы эпохи ранней бронзы происходят с небольшого участка у ЮВ кромки выдува (Рис. 3 - 2 - 7, 10 - 12, 15 - 17), разрушающего, видимо, жилище елуинской культуры. С поселения происходит и небольшая коллекция керамики эпохи поздней бронзы (Рис. 3 - 18 - 25).

У с. Черная Курья сборы производились на комплексе археологических памятников у ручья Курейка. Собранные здесь керамика и каменный инвентарь относятся к эпохе ранней бронзы (Рис. 4 - 15 - 18). Последующими работами на Курейке выявлено II многослойных памятников, большинство которых имеет слои эпохи ранней бронзы /36/, среди которых выделяются, по мень-

шей мере два одновременных комплекса. Древнейший из них, наиболее полно представленный материалами поселения Курейка За (Рис. 5), очень близок памятникам эпохи ранней бронзы юго-западного Алтая /37/. Более поздний, происходящий с нескольких поселений, относится, вероятно, ко времени существования елунинской культуры (Рис. 4).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ИВАНОВ Г. Е. К археологической карте верховьев рек Насмалы и Барнаули // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1992. С. 24 - 52, рис. 3 - 1, 6, 7 - 12, 16, 22, 24, 25; 4 - 3, 4, 15; 9 - 4, 7, 8;
2. АККМ, инв. кн. 1, № 25; Гришкин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи неолита и бронзы // САИ. Вып. ВЗ - 12. М., 1971, С. 47, табл. 2 - 10.
3. АЮМ, кнв. кн. № 1, № 26.
4. АККМ, оф. 12603.
5. ДОРЖСУРЕН С. Раскопки могил хунну в горах Нона - Ула на реке Хунн - Гол (1954 - 1957 г.г.) // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 38 - 39, рис. 8 - 3; Нудельман Г. А. Гунзский котел из Молдавии // СА. 1967. № 4, С. 306 - 308, рис. 1; Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Рис. 4а - 1 - 3.
6. ИВАНОВ Г. Е. К археологической карте... С. 26, рис. 4 - 15;
7. Там же С. 25; Уманский А. П. Памятники эпохи "великого переселения народов" на Алтае // Урал - алтаистика. Новосибирск, 1985. С. 60.
8. АККМ, оф. 12601/1.
9. ИВАНОВ Г. Интересная находка. Газ. "Свет Октября" (Мамонтовский р-он), 15.02. 1972; Медникова Э. М. Археологические наблюдения // Как изучать свой край. Барнаул, 1973. Рис. на с. 30; Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 4. Еловско-нрмвинская культура // Из истории Сибири. Томск, 1974. С. 16; Абдулганеев М. Т., Кирюшкин Ю. Ф., Кадников Б. Х. Материалы эпохи бронзы на Горного Алтая // Археология и этнография Алтая... С. 60, рис. 3 - 7.
10. МАТЮЩЕНКО В. И. Древняя история населения... С. 43 - 45, 76.
11. АБДУЛГАНИЕВ М. Т., Кирюшкин Ю. Ф., Кадников Б. Х. Материалы... С. 60, 62.
12. ЧЛЕНОВА Н. Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 19 - 20; Членова Н. Л. Степь и лесостепь Западной и Средней Сибири в эпоху поздней бронзы и переходе к эпохе железа (хронология памятников). Автореф. дисс... докт. ист. наук. Новосибирск, 1990. С. 22.
13. МОГИЛЬНИКОВ В. А. Распространение коней у населения лесостепи и леса Западной Сибири в эпоху раннего железа в связи с особенностями военной тактики // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Ч. 1. Омск, 1992. С. 61 - 63.
14. ЗБРУЕВА А. В. История населения Приобья в яванинскую эпоху // МНА. 1952. № 30. С. 96 - 97.
15. ТИХОНОВ Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралья // МНА. 1960. № 90. С. 34 - 36.
16. КУЗЬМИНА Е. Е. Хронология некоторых кладов из Семиречья. // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 106 - 110; Она же. Клад из села Предгорное и

- вопрос о связях населения Бараниских степей в конце эпохи бронзы. // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967, С. 214 - 216.
17. ВАРФОЛОМЕЕВ В. В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кант // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. Караганда, 1987, Рис. 6 - 3; Агалов П. А., Кадырбаев М. К. Сопровещи древнего Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 59.
18. МАТЮЩЕНКО В. И. Древняя история населения... Ч. 4. С. 43; Гавкин В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондрагеев О. М. и др. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1976. Табл., Рис. 88.
19. КУЗЬМИНЫХ С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М. 1983. С. 95 - 101.
20. ГАЛКИН В. Т. Сузунско-павловские поселения в тобольском Прииртышье // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989, Рис. 2 - 5. С. 134 - 135.
21. ЮРЮШИМ Ю. Ф., Иванов Г. Е., Удолов В. С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 104 - 128.
22. ИВАНОВ Г. Е. Некоторые итоги изучения археологических памятников в зоне алтайских ленточных бороз // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 23 - 26; Он же. Поселения Крестышское - 9 - памятники финальной бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии... С. 86 - 103.
23. АКМ, колл. NN 12580, 12592, 13178.
24. АКМ, колл. 12592.
25. ИВАНОВ Г. Е. Некоторые итоги... С. 23 - 24.
26. СЕМИБРАТОВ В. П. Характеристика каменной индустрии эпохи финального неолита - раннего металла степного Алтая // Археологические исследования в Сибири... С. 27 - 29.
27. АКМ, 12592 / 10, 13; Иванов Г. Е. К археологической карте... С. 39 - 40.
28. АКМ, 12592 / 1; Иванов Г. Е. К археологической карте... С. 31.
29. ИВАНОВ Г. Е. К археологической карте... С. 39.
30. Там же. С. 39 - 40. Рис. 3 - 1, 6, 11, 12, 16, 22; 5 - 4 - 8; 7 - 6, 7, 25, 26, 29, 30.
31. АКМ, 12580/6.
32. ИВАНОВ Г. Е. К археологической карте... С. 31 - 32.
33. АКМ, колл. NN 12471, 12474.
34. ИВАНОВ Г. Е. Керамика второй половины 1 тыс. до н. э. с поселений степного Алтая // Страна и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 74 - 78.
35. ИВАНОВ Г. Е. К археологической карте... С. 42, 44.
37. ЮРЮШИМ Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка 1 // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 34, рис. 7.

Рис. 1. Инвентарь поселений Петухово 1 (1-5, 18, 22-24, 26-28); Бураевка 1 (6-8, 16); Моховое 2 (9-15); случайные находки из Черной Куриль (17, 21, 25), Буканского (19), Мамонтово (20).

Рис. 2. Каменные орудия поселения Остров 1

Рис. 3. Инвентарь поселения Крестьянское 3

Рис. 4. Инвентарь поселения Курейка 1 (1-9, 20, 25)
 Курейка 9 (10-12, 19), Курейка 6 (13-14)
 и Курейка 5 (21-24, 26, 27).

Рис. 5. Каменные орудия и керамика поселения Курейка 3

НОВОАЛТАЙСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Среди археологических фондов Алтайского краевого краеведческого музея (АККМ) абсолютное большинство составляют материалы раскопок аварийных памятников или сборы с них, а также случайные находки. Целый ряд таких поселений и могильников к настоящему времени уже полностью разрушен в ходе естественных географических процессов или хозяйственной деятельности человека и коллекция - один из немногих сохранившихся источников информации о существовавшем некогда памятнике. Публикация этих материалов, то есть введение их в научный оборот, представляется очень важным, так как по сути памятник получает второе рождение, становясь доступным специалистам для работы с его материалами. Один из таких аварийных памятников, которому и посвящена настоящая статья, - Новоалтайское поселение, расположенное в Первомайском районе Алтайского края.

Памятник находится на мысовидном выступе правого коренного берега Оби прямо напротив города Барнаула, примерно в 1,5 - 2 км к югу от трассы Барнаул - Новосибирск между дорогой, идущей с трассы в с. Бобровка, и обской поймой. Площадь поселения, более высокая по краям, в центре имеет понижение, занятое отдельной группой кустарника. Протяженность памятника с севера на юг достигает 500 м, с запада на восток в наиболее широкой его части - 200 м. В течение многих лет поселение распахивается и его площадь используется под посадки картофеля.

Поселение было открыто в 1975 г. А. Л. Кунгуровым, который провел на нем первые сборы подъемного материала (1, с. 4.5). В 1976 г. памятник был обследован совместной разведкой АГУ и АККМ и получил название «Новоалтайского поселения». С 1977 по 1980-е годы практически ежегодно сборы на нем велись студентами, а затем и сотрудниками АГУ, в том числе и автором статьи. В 1983 г. поселение вновь обследовано А. Б. Шамшиным (2, с. 7.8). Информация о нем была опубликована в специальной литературе (3, с. 251; 4, с. 40). С 1983 г. регулярно автором совместно

со школьниками-кружковцами на Новоалтайском поселении проводился сбор подъемного материала.

В настоящее время памятник в значительной степени уничтожен систематической расправкой. Наши попытки выявить следы сохранившегося культурного слоя путем зачисток и шурфовки по сути не дали результата. Лишь кое-где местами сохранившийся слой тонок и крайне беден находками.

В результате всех проведенных работ с поселения собрана довольно представительная коллекция находок. Часть ее (сборы 1975 - 1977 гг.) хранится в АККМ /5/, а остальные сборы - в АГУ. Целью настоящей статьи является публикация всех материалов, поэтому здесь они рассматриваются суммарно.

Основными находками, полученными с поселения, являются многочисленные фрагменты керамики, многие из которых орнаментированы. Наряду с этим найден ряд вещей из бронзы, камня, глины и стекла. Большая часть керамики представлена мелкими фрагментами, что объясняется систематической расправкой поселения. Полностью не удалось собрать ни одного сосуда, лишь один из них был частично восстановлен графически (рис. 2 - 1). Большая часть керамики светло-коричневого и коричневого цвета, хотя встречаются отдельные фрагменты серого и даже черного цветов.

Поскольку культурный слой памятника практически разрушен, сделать какие-либо стратиграфические наблюдения не удалось. Однако из большого керамического комплекса типологически хорошо вычленяются несколько групп керамики. Эти группы различаются хронологически и свидетельствуют о разновременности существования поселения. Рассмотрим их, начиная с более древних.

Наиболее ранний комплекс, представленный в материалах Новоалтайского поселения, относится к эпохе энеолита, к большемысской культуре. Это несколько фрагментов керамики, украшенных отступающей гребенкой (рис. 1 - 3), а также каменная пожевидная пластина, имеющая характерную ретушь как по боковым граням, так и на конце (рис. 5 - 4). Аналоги этой керамике широко известны в памятниках большемысской культуры лесостепного Алтая (6, с. 37, рис. 1 - 2). В Фирсовском археологическом микрорайоне, к которому относится и Новоалтайское поселение, большемысские материалы были до недавнего времени встречены лишь на этом поселении и могильниках Фирсово XI и

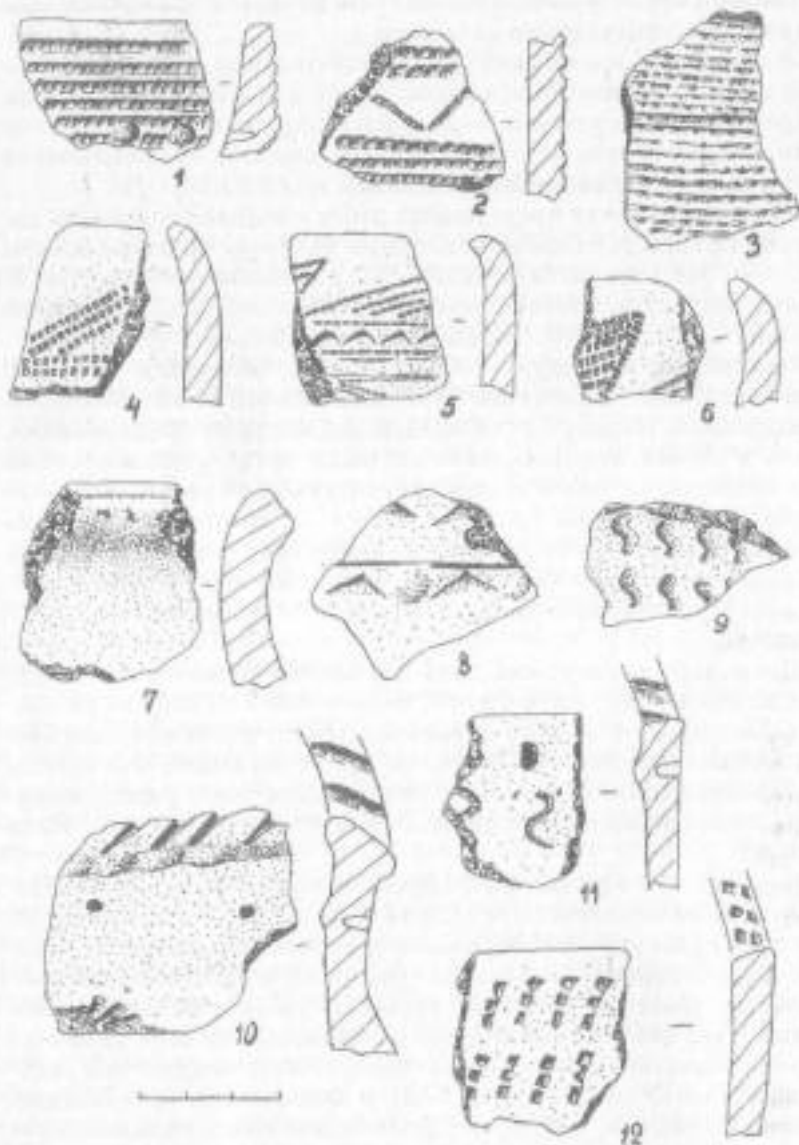

Рис.1. Новолазхское поселение.
Керамика эпохи бронзы (1-6) и железа (7-12).

XIV в. очень небольшом количестве (7, с. 121). Только последние раскопки могильника Фирсово XI дали значительное число погребений этого времени, в том числе и с богатым инвентарем, однако без керамики. Большемышская культура датируется второй половиной IV-III тыс. до н. э. (8, с. 208).

Таким же малым количеством находок на Новоалтайском поселении представлен следующий период ранней бронзы. Это единично встреченные фрагменты керамики, орнаментированные рядами гребенчатого штампа, в том числе и образующего зигзаг (рис. 1 - 2), жемчужником (рис. 1 - 1). Подобная керамика характерна для елуинской культуры (8, с. 219, рис. 2-15, 16) и может быть отнесена к ней. Встречаются и фрагменты, близкие к крохалевским (9, с. 123, рис. 4 - 7, 13). На ближайших памятниках в окрестностях Новоалтайского поселения керамика подобная елуинской также единично известна с могильника Фирсово XIV. Датируются эти материалы в пределах от XIX - XVIII до XVI - XV вв. до н. э. (8, с. 209).

Эпоха развитой бронзы на Новоалтайском поселении представлена материалами андроновской культуры. Их обнаружено также немного. Это фрагменты венчиков сосудов, украшенные косоугольными треугольниками, выполненными мелкозубчатым гребенчатым штампом (рис. 1 - 4 - 6), отпечатками угла лопаточки (рис. 1 - 5). Андроновская керамика, встреченная на Новоалтайском поселении, относится к нарядной, хорошо профилированной посуде. Она более характерна для могильников, хотя известна и на поселениях, например, на ближайшем к рассматриваемому андроновском поселении Фирсово XV/10, рис. 1 - 1, 4). Еще ближе к Новоалтайскому поселению находится крупный андроновский могильник Фирсово XIV. Известен андроновский могильник и в расположенном неподалеку городе Новоалтайск. Следует отметить, наконец, что на самой площади Новоалтайского поселения В. А. Рябцевым проведены раскопки нескольких андроновских погребений, материалы которых не опубликованы. Возможно, что рассматриваемые нами находки андроновской культуры связаны именно с могильником. Для памятников андроновской культуры лесостепной зоны Алтая приемлемой датой будет, видимо, XIII-рубеж XIII - XII вв. до н. э. или первая половина XII в. до н. э. (8, с. 210). Не исключено, что к рассматриваемому периоду относится и обломок спиральной проволочной бронзовой серьги с Новоалтайского поселения (рис. 5 - 5). Так, например, подобные

серьги опубликованы Н. А. Аванесовой, которая датирует их в рамках петровской культуры (II, рис. 1 - 30, с. 193). Однако форма эта продолжает существовать и в более позднее время, в эпоху поздней бронзы. Близкий по форме перстень со спиральными окончаниями был обнаружен В. И. Матюшенко в Еловском курганном могильнике I (12, рис. 59 - 8). Таким образом, обломок бронзовой серьги можно связывать с андроновским либо с позднебронзовым комплексом памятника.

Наибольшее количество сборов с Новоалтайского поселения относится к двум последующим периодам - эпохам поздней бронзы и раннего железного века. Находки эпохи поздней бронзы отсюда представлены материалами двух археологических культур: корчажнинской и ирменской.

К корчажнинской культуре относится большое количество керамики, в том числе много венчиков сосудов, украшенных чаще всего отпечатками гладкого и гребенчатого штампа, образующими ряды сетки (рис. 2 - 2, 9, 11, 12, 17, 20 - 23, 31 - 35), елочки (рис. 2 - 3, 4, 8, 14, 18, 19, 29), наклонных вдавлений (рис. 2 - 2, 5 - 7, 13, 16, 24, 25) и разделенных рядами ямок (рис. 2 - 4, 5, 31). Реже встречены канцелюры (рис. 2 - 13), прочерченные линии (рис. 2 - 15), валик (рис. 2 - 16, 24, 25), рассеченный наклонными отпечатками гладкого штампа. Из геометрических фигур обнаружены треугольники (рис. 2 - 1, 30) и "лесенки" (рис. 2 - 26). Судя по венчикам, сосуды были слабо профилированы, имели прямой или слегка отогнутый венчик. В целом рассмотренный керамический комплекс очень близок керамике корчажнинской культуры (13, рис. 6, 7) и может быть к ней отнесен. На Новоалтайском поселении найдена керамическая фишка, сделанная из орнаментированной стенки сосуда (рис. 5 - 8). Судя по орнаменту, это также изделие корчажнинской культуры. Материалы этой культуры хорошо известны в Фирсовском археологическом микрорайоне на поселениях Фирсово XVII и XVIII, а также в могильнике Фирсово XIV. Последние два памятника расположены достаточно близко к Новоалтайскому поселению.

Датировка корчажнинских материалов с Новоалтайского поселения затрудняется их фрагментарностью. Тем не менее достаточно очевидна, на наш взгляд, принадлежность большей части их к позднему иткульскому этапу этой культуры. В связи с этим датированы эти материалы могут быть в пределах X (IX) вв. до н. э. - первой половины VIII в. до н. э. (13, с. 149).

Рис. 2. Новоалтайское поселение. Керамика эпохи поздней бронзы.

Другая культура эпохи поздней бронзы, хорошо представленная в материалах Новоалтайского поселения, - ирменская. К ней относится большое количество фрагментов орнаментированной керамики, в том числе много венчиков. Сосуды имеют прямой либо слегка отогнутый наружу венчик (рис. 3). Абсолютное большинство их украшено отпечатками гладкого штампа. Чаще всего венчик орнаментирован штрихованными треугольниками вершиной вверх (рис. 3 - 2, 4, 7, 8, 12, 15, 16, 17), реже подвесными штрихованными треугольниками (рис. 3 - 5, 9, 11, 18), либо зигзагом (рис. 3 - 6), рядом косо поставленных отпечатков штампа (рис. 3 - 1), сеткой (рис. 3 - 14, 19), рядом каннелюр (рис. 3 - 10). Для шейки сосудов характерен ряд жемчужника (рис. 3 - 3), чаще с разделением его ямками (рис. 3 - 1, 4). Эта керамика имеет множество аналогий в материалах ирменских поселений Верхней Оби (14, с. 32, рис. 9 - 1, 4 - 7; 15, рис. 2 - 4, 8) и может быть определена как ирменская. По всей видимости, к ирменской культуре относится и обломок бронзового ножа с Новоалтайского поселения (рис. 5 - 3). К сожалению, не совсем ясна его форма, так как это лишь обломок лезвия. Скорее всего нож был пластинчатый со слабо выраженной рукоятью. Такие ножи хорошо известны в ряде ирменских памятников, прежде всего в могильниках, например, в Плотинной (16, с. 12, Табл. 1 - 24). Подобный нож, только с более выраженной "хвостатостью" (отогнутость края лезвия), обнаружен в могильнике Фирсово XIV. Ирменские материалы широко представлены на других памятниках близ Новоалтайского поселения, прежде всего на поселениях Фирсово IV и XVIII, а также в могильнике Фирсово XIV. Датируются все эти находки, в том числе и с Новоалтайского поселения, в пределах ирменской культуры, то есть X (IX) вв. до н. э. - первой половиной VIII в. до н. э. (8, с. 212).

К переходному времени от бронзового века к железному на Новоалтайском поселении относятся единичные фрагменты керамики бийского типа (рис. 1 - 8). Подобная керамика относится сейчас к завершающему этапу большереченской культуры переходного времени и может быть датирована, видимо, в пределах VI в. до н. э. - начала V в. до н. э. (17, рис. 2 - 19; 3 - 1, 2, 5, 7, 11).

К переходному же времени могут быть отнесены и фрагменты двух сосудов с валиком, идущим по краю венчика, с Новоалтайского поселения (рис. 1 - 7). Они напоминают донгальскую керамику Казахстана и датируются, вероятно, в пределах VII - VI вв.

Рис.3. Новоалтайское поселение. Керамика эпохи поздней бронзы.

до н. э. На одном из валиков имеются пальцевидные зацепы. По всей видимости, к большереченской культуре переходного времени относится и плоское донышко от сосуда, имеющее с внешней стороны много мелких ямок. Подобные донышки известны с поселения переходного времени Мыльниково.

Наконец, особый интерес представляет обломок бронзовых стремечковидных удил - случайная находка, сделанная в окрестностях Новоалтайского поселения (рис. 1 - 2). Изделие обнаружено Э. М. Медниковой к югу от памятника, на краю коренного обского берега в естественном его разрушении между Новоалтайским поселением и памятниками Фирсово XI и XII. Удила сохранились хорошо. Обломаны они были в древности. Стремечковидные удила встречаются достаточно редко и являются датирующей вещью. К сожалению, изделие найдено случайно и не ясно, с каким памятником оно может быть связано.

Последний период, широко представленный в материалах Новоалтайского поселения, - ранний железный век. К нему относится большая коллекция керамики преимущественно баночной формы, украшенной по венчику рядом жемчужника (рис. 4 - 2), чаще разделенного ямками (рис. 4 - 9), отпечатками уголка лопаточки (рис. 4 - 3, 4), отпечатками косо поставленного штампа (рис. 4 - 5). Изредка встречено разделение жемчужника гребенчатым штампом (рис. 4 - 8). Единичны сосуды без орнамента (рис. 4 - 6). Подобная керамика хорошо известна в памятниках скифского времени лесостепного Алтая, имеет многочисленные аналогии (18, рис. 3). По мнению М. Т. Абдулганеева и В. Н. Владимировой, комплекс раннего железного века с Новоалтайского поселения относится к концу I тыс. до н. э. (18, с. 101). Материалы раннего железного века присутствуют в той или иной степени на большинстве поселений Фирсовского археологического микрорайона. Особо много их на поселениях Фирсово VI - VIII, X, XVII.

Наряду с керамикой к эпохе раннего железного века из материалов Новоалтайского поселения относятся бронзовый нож небольших размеров и хорошей сохранности (рис. 5 - 1). Нож имеет хорошо выделенное лезвие, петельчатое отверстие в рукояти. На обеих сторонах ножа хорошо прослеживаются многочисленные насечки (рис. 5 - 1), сделанные, вероятно, в древности, однако назначение их не ясно. Нож также является датирующей находкой. Приемлемой датой его, видимо, будет VI в. до н. э. возможно, VI-V вв. до н. э. Не исключено, что нож можно связывать и с

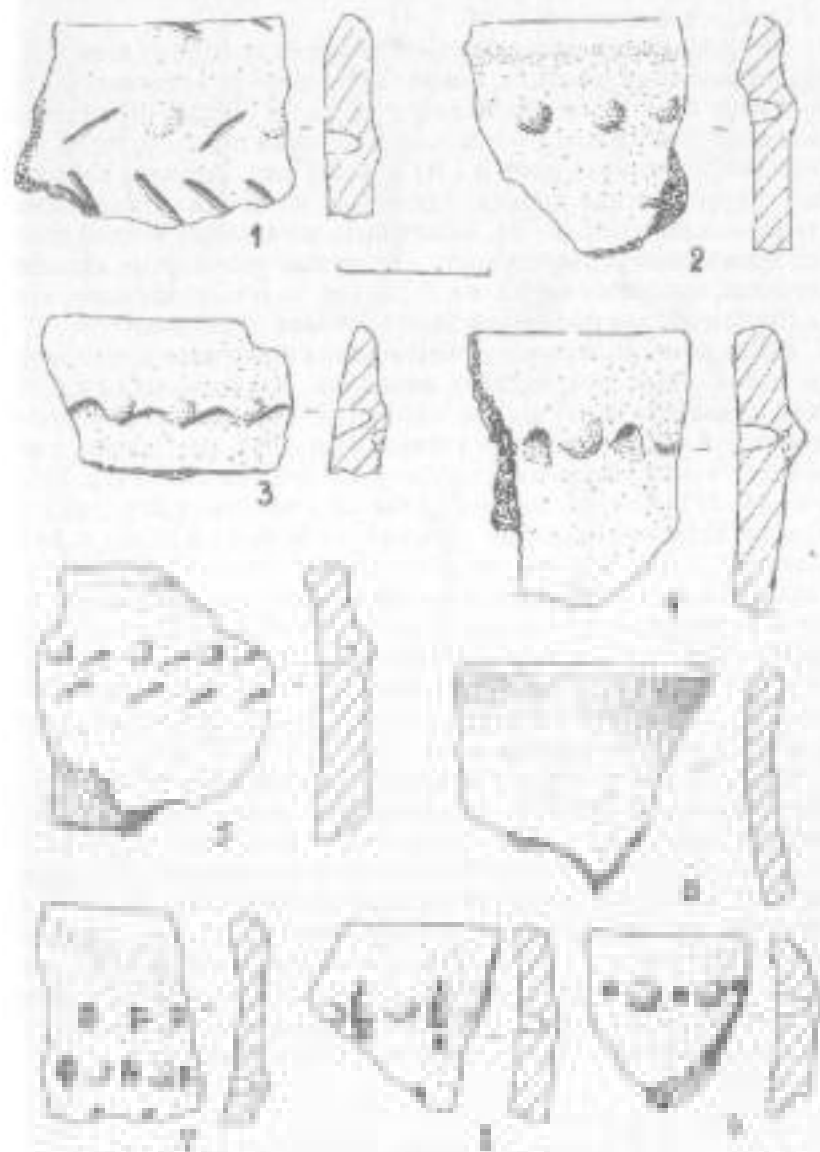

Рис. 4. Новоалтайское поселение. Керамика эпохи раннего железа.

присутствующим на поселении комплексом переходного времени от бронзы к железу.

На Новоалтайском поселении обнаружен целый ряд вещей, датировку которых провести сложно. Это обломки глиняного пряслица (рис. 5 - 10) и керамического лощила (?) (рис. 5 - 9), обломок литейной шишки или формы и оплавленный обломок тигля, небольшая зернотерка (рис. 5 - 11) и целый ряд обломков зернотерок. Керамическая фишка, сделанная из орнаментированной стенки сосуда (рис. 5 - 6), может быть датирована эпохой поздней бронзы или раннего железа. Остальные упомянутые изделия, вероятно, относятся к этим же периодам, то есть ко времени, когда Новоалтайское поселение было наиболее обитаемым.

Более поздние периоды существования памятника представлены единичными фрагментами керамики. Это материалы кулайской культуры, в частности, керамика, украшенная фигурно-штамповой орнаментацией - уточкой (рис. 1 - 9, 11). Подобная керамика хорошо известна, например, с Ближних Елбан (14. Табл. L-6, 24, 27). Ближайшее место находки подобной керамики от Новоалтайского поселения - поселение Утопша 2 около с. Бобровка (19, с. 52). Эти находки могут быть датированы рубежом эр - началом I тыс. н. э. К первой половине I тыс. н. э. относится и керамика, украшенная рядами косо поставленного гребенчатого штампа (рис. 1 - 12), также имеющая аналоги в Ближних Елбанах (14. Табл. L - 12, 14). Наконец на Новоалтайском поселении обнаружена стеклинная бусина (рис. 5 - 7), по всей видимости, датирующаяся эпохой средневековья.

Подводя итог характеристике Новоалтайского поселения и его материалов, отметим, что поселение существовало здесь в течение длительного времени, а точнее, возникало многократно. Первыми его жителями были люди эпохи энеолита, большемысской культуры; последними, судя по имеющимся у нас материалам, носители кулайской и одинцовской культур. Материалы Новоалтайского поселения, несмотря на то, что они получены из сборов, а не из раскопок, позволяют расширить наши знания о древних культурах Алтая и, вводя их в научный оборот, мы открываем тем самым еще одну страницу древнего прошлого Алтая.

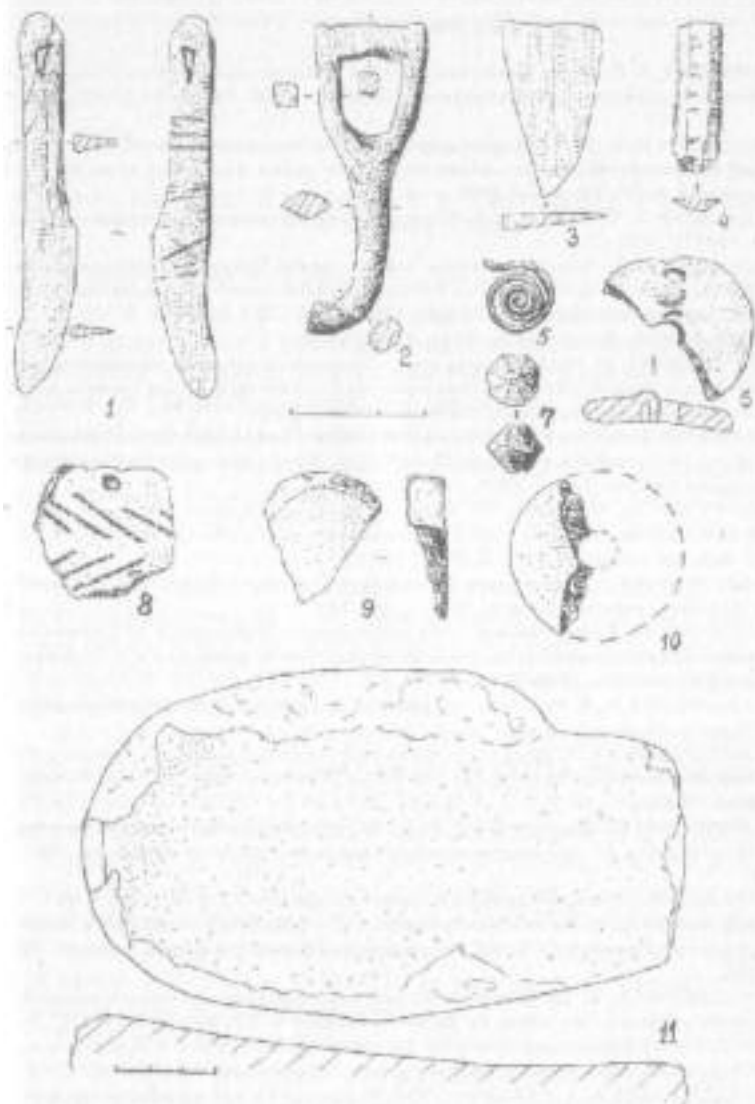

Рис. 5. Новоалтайское поселение. Инвентарь (1, 3-11).
 Случайная находка из окрестностей поселения (2).
 1-3,5 - бронза; 4-11 - камень; 6, 8 - глина; 7 - стекло.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. КУНГУРОВ А. Л. Отчет о полевых работах Бийского археологического отряда Алтайского государственного университета. Барнаул, 1988. Архив ИА АН СССР. Р-1, N 8247.
2. ШАМШИН А. Б. Отчет об археологических исследованиях Приобского отряда Алтайской археологической экспедиции летом 1983 года в Алтайском крае. Барнаул, 1983. Архив ИА АН СССР. Р-1, N 9795.
3. ШАМШИН А. Б. Работы Приобского отряда Алтайской экспедиции // АО - 1983. М. 1985. С. 250 - 251.
4. ШАМШИН А. Б. Новые памятники эпохи поздней бронзы и переходного времени в Барнаульско-Бийском Приобье // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 38 - 40.
5. Фонды АЮИМ. Коллекции N 13531, 13619, 14790.
6. КИРЮШИН Ю. Ф. Исследование неолитических памятников лесостепного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы доклада и материалы к конференции). Барнаул, 1990. С. 35-39.
7. ШАМШИН А. Б. Памятники бронзового века Фергано-Феррской археологической мнрорайона (лесостепное алтайское Приобье) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 120-123.
8. КИРЮШИН Ю. Ф., ШАМШИН А. Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 194-222.
9. АБДУЛТАНБЕВ М. Т. Керамика эпохи ранней бронзы с Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 117-129.
10. ЛУЗИН С. Ю. Разведочные работы на поселении Феррсова XV // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и материалов к конференции). Барнаул, 1990. С. 46-49.
11. АВАНЕСОВА Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы восточной части СССР (по металлургическим надпискам). Ташкент, 1991. 200 з.
12. МАТЮШЕНКО В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Еловско-нрмская культура // Из истории Сибири. Вып. 12, ч. 4. Приложение. Томск, 1974.
13. КИРЮШИН Ю. Ф., ШАМШИН А. Б. Корчажинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 137-158.
14. ГРЯЗНОВ М. П. История древних племен Верхней Оби // МИА, 1956. N 48. С. 160.
15. ШАМШИН А. Б. Поселение Речуновое III - новый памятник эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 129-147.
16. УМАНСКИЙ А. П., ДЕМИН М. А. Бронзовый инвентарь могильника эпохи поздней бронзы у станции Плотинная // Вопросы истории СССР. Барнаул, 1974. С. 3-14.
17. АБДУЛТАНБЕВ М. Т. Бийский этап (хронологические рамки и содержание понятия) // Материалы к изучению прошлого Алтая, Горно-Алтайск, 1992. С. 91-105.
18. АБДУЛТАНБЕВ М. Т., ВЛАДИМИРОВ В. Н. Статистическая обработка керамики и перфокарная обработка поселений лесостепного и предгорного Алтая второй половины I тыс. до н. э. // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 93-107.
19. БОРОДАЕВ В. Б. Новые археологические материалы из окрестностей с. Соброева Первомайского района // Охрана и исследование археологических памятников Алтая (тезисы докл. и сообщ. к конф.). Барнаул, 1991. С. 50-53.

А. П. УМАНСКИЙ

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В УРОЧИЩЕ РАЗДУМЬЕ В 1961 ГОДУ

В 1961 году экспедиция Алтайского краевого музея под руководством автора статьи продолжила аварийные раскопки памятников археологии в урочище Раздумье (Каменский район), начатые в 1960 г. Каменским краеведческим музеем. В пункте Раздумье I в пределах городища была заново произведена зачистка обрывистого берега. В пункте Раздумье IV - раскопано 3 кургана, поврежденных при хозработах, в Раздумье VI - исследован один курган и докопан другой, полуобрушившийся в канал. Несколько разведочных траншей было заложено в пункте Раздумье VII.

Результат работ на Раздумье I и VII освещены в одной из статей автора (1). Ниже предлагается описание раскопок курганов в пунктах Раздумье IV и VI, произведенных в 1961 году. Материалы этой экспедиции хранятся в краевом музее за исключением нескольких золотых украшений, переданных на хранение в 1963 году в Государственный Эрмитаж.

РАЗДУМЬЕ IV Это участок урочища, представляющий собой поле, целиком занятое курганами разной величины, частично распаханное десоплугами. С СЗ его ограничивает Раздумье VII, с З-Раздумье II и III, ЮЗ-Раздумье I (городище), с Ю - Раздумье V (поселение эпохи поздней бронзы и курганы средневековья), с ЮВ и В - сосновый лес. Самые крайние курганы находятся на опушке этого леса. От Раздумья V Раздумье IV отделено неглубокой ложиной; от Раздумья VI - расстоянием около 200-250 м. В 1960 году нам удалось насчитать на курганном поле Р-IV 45 курганов.

Курган N 1 был исследован в 1960 году экспедицией Каменского краеведческого музея, которой руководил автор данной публикации, материалы, полученные при его раскопках, хранятся в названном музее.

КУРГАН N 2 западной половиной насыпи расположен в ограде двора, принадлежавшего леснику; край северной поим его насыпи срезан при дорожном строительстве. Насыпь в плане почти

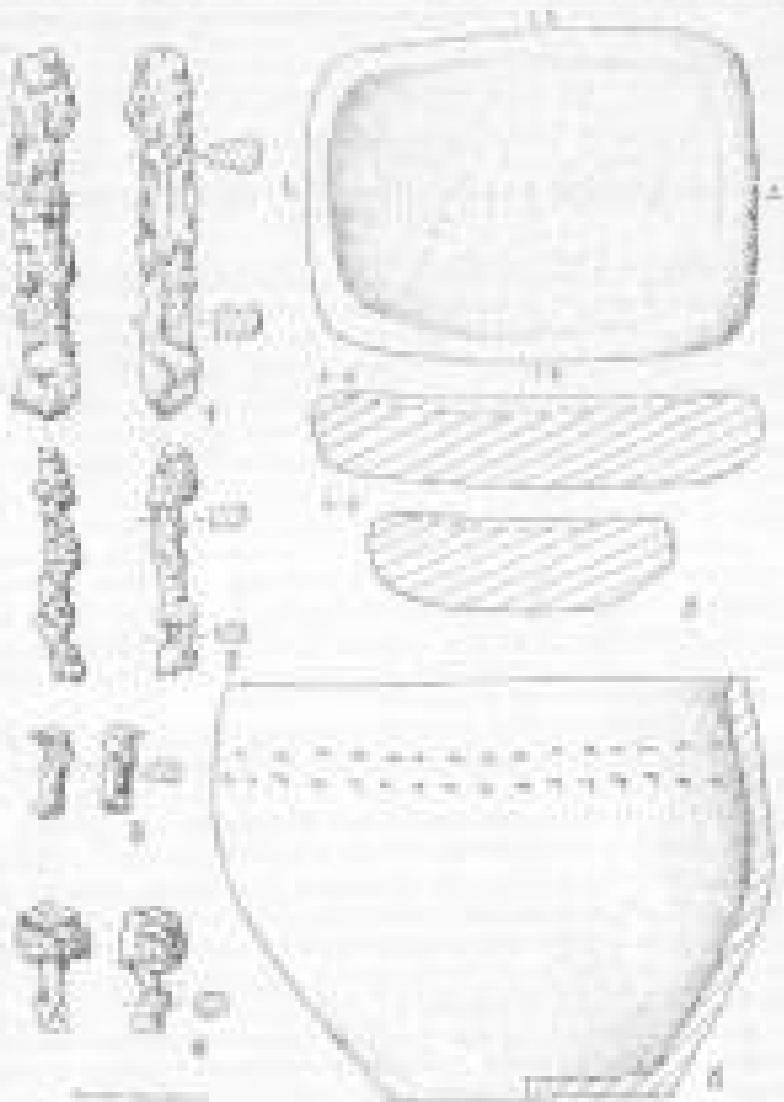

Рис. 1. Инвентарь могильника Разхумье IV.
 1-4 - курган 3, могила 1; 5,6 - курган 2.
 1-4 - железо, 5 - камень, 6 - глина.

круглая. Диаметр ее по бровке С-Ю равен 10,5 м, а по линии З-В - 11 м. Насыпь хорошо задернована, но в северной ее части оказалась яма недавнего происхождения глубиной 0,55 м и диаметрами 2,75 и 2,50 м, заполненная гумусом и строительным мусором.

При вскрытии восточной, затем западной половин насыпи был обнаружен кольцевой ровик без разрывов шириной 0,4-0,6 м и глубиной до 0,3 м. Насыпь кургана в основном сложена из сильно гумусированного песка, в ней оказалось много нор грызунов, а в яме под слоем гумуса - кора, битый кирпич; в центре насыпи на бровке просматривалась мощная линза выброса из древней могилы толщиной до 0,3 м. Ровик и несколько современных столбовых ямок в ЮЗ секторе были заполнены гумусом.

Могилы, единственная в кургане, была обнаружена в ЮЗ секторе близ центра. Могильная яма овальной формы размерами 2,35x1,50 м, ориентированная по линии ССВ-ЮЮЗ, близ дна сужалась уступом высотой около 0,6 м и шириной от 0,15 м на узких сторонах ямы до 0,6 м вдоль боковых стенок. При этом ориентировка ее изменилась: она отклонилась от прежней на 30 градусов и теперь составляла 60-240 град. (СВВ - ЮЗЗ). Поверх уступа яма была перекрыта вдоль сосновыми бревнами длиной до 2,35 м и 20-25 см в поперечнике, на которые сверху были в ряд положены три горбыля шириной до 0,35 м. У СВ и ЮЗ стенок могилы, поперечные были в дно ямы вбиты на 15-18 см колья, а в ЮЗ углу - горбыль: они, видимо, страховали концы бревен перекрытия от обрушения с уступа на дно ямы, тем более, что стенка могилы не была обложена деревом. Размеры могилы по дну составляли - 1,85x0,80 (в головной части) - 0,65 м (в ногах), глубина ее от уровня погребенного горизонта (УПГ) равна 1,75 м.

На дне ямы ближе к СЗ стенке на спине, руки и ноги вытянуты (левая нога чуть согнута в колене), головой на СВВ (череп свалился вперед и на правое плечо) лежал скелет женщины среднего роста. Сохранность костей ее плохая - череп раздроблен в лицевой части, фаланги рук и ног растащены грызунами (некоторые из них были встречены в засыпке могилы выше уровня погребальной конструкции), большинство ребер истлело.

Инвентарь. За черепом и левым плечом в углу ямы лежали остатки жертвенной пищи - 10 ребер (бок барана?), в другом углу у правого плеча и черепа наклонно стоял плоскодонный горшок, а рядом с ним лежал раздавленный бочонковидный сосуд с высокой горловиной на боку, хорошего обжига. У левого плеча найдена

овальная по форме плоскодонная кудыница из серого гранита, а на ней - небольшой сегмент бронзового зеркала, побывавшего в огне. Обломки его находились также под алтарником. Близ костей таза, между бедрами лежал железный нож. Среди костей черепа найдены глазчатая пастовая бусина и проволочная золотая серьга из трех звеньев. В ЮВ углу вертикально стоял еще один плоскодонный горшок.

Под скелетом оказался тонкий белесый слой, а ниже его - толстый слой бурочерного глена, особенно толстый у костей ног (войлок? кожа?). На дне могилы найдены и кусочки охры желто-красного цвета.

КУРГАН N 3 расположен метрах в 20 южнее кургана N 2, слева от дороги из Дресвянки в Соколово, около разрушенной кухни.

Насыпь кургана земляная, почти круглая (диаметры 11,5 м по линии 3-В и 12 м по линии С-Ю), задернована. В центре ее была вырыта яма глубиной около 0,85 м, овальной формы (оси овала 1,25 и 1,30 м), заполненная битым стеклом, кирпичом, обломками современной глиняной посуды. Рядом с ямой обнаружена канава (4,0x0,4 м, гл. 0,2 м), заполненная глиной и битым кирпичом. Ровика у этого кургана не было.

Насыпь кургана состояла из гумусированной супеси и песка, битого кирпича и стекла, строительного мусора, глиняного выкида из древней могилы. Высота ее от УПГ равна 0,60 м. Обе половины насыпи до материка были сняты одновременно. При этом по обе стороны от бровки было обнаружено могильное пятно. **Могилка** имела овальную форму размерами 3,10x1,90, ориентирована почти строго по линии 3-В. В нижней части яма сужалась уступом шириной на концах до 0,5 м, а по боковым стенкам до 0,65 м при высоте 0,4 м. Ниже уступа яма была обложена деревом, а выше перекрыта вдоль бревнами длиной до 2,4 м и толщиной 15-20 см. Продольное перекрытие состояло из трех накатов по пять бревен в каждом. Оно лежало на 16 поперечных бревнах или жердях. В дно могилы были вбиты колья, крепившие поперечное перекрытие.

На дне могила имела размеры 2,10x0,60, глубина ее от УПГ - 1,60 м.

Дно могилы было покрыто белесыми и чернобурыми пятнами глена от какой-то подстилки. На дне вытянуто на спине, головой на В лежал плохо сохранившийся скелет женщины (обнаружены

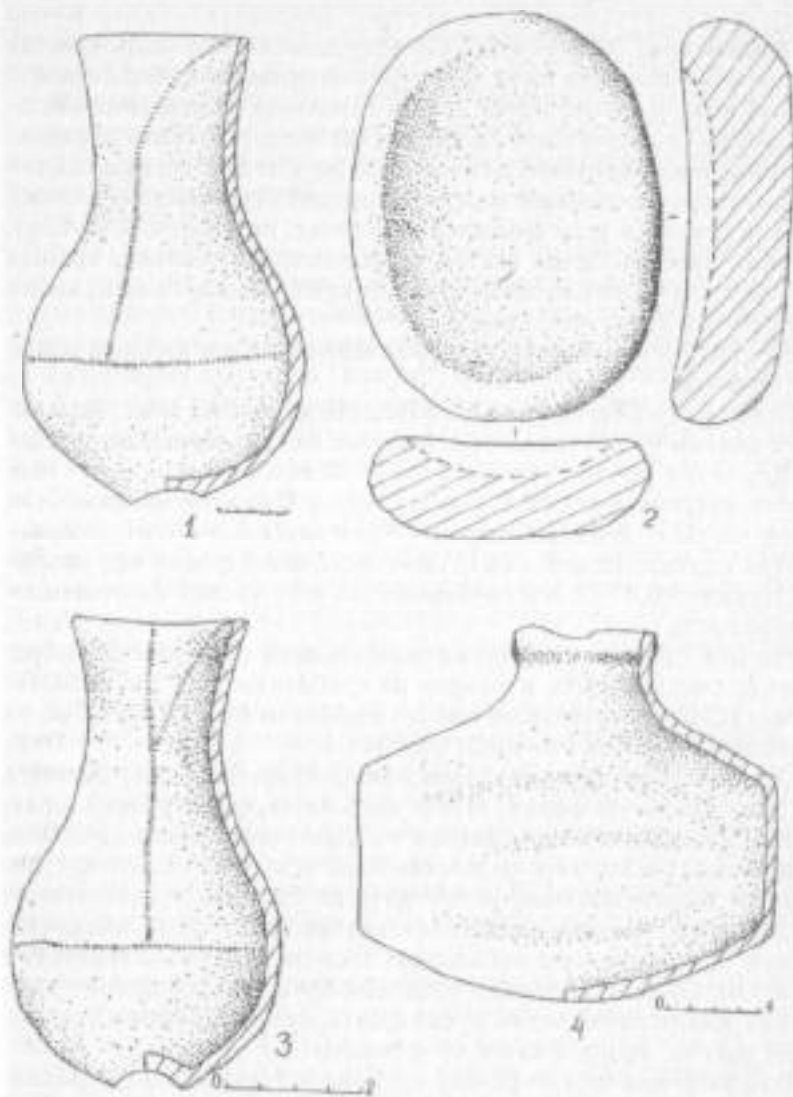

Рис. 2. Инвентарь могильника Раздутье VI: кург. 1, мог. 1 (1) и кург. 1, мог. 3 (3) и Раздутье IV: кург. 2 (2, 4). 1, 3, 4 - глина; 2 - камень.

лишь некоторые трубчатые кости, несколько костей черепа и таза).

Инвентарь. За черепом в СВ углу ямы лежали часть крестца и хвостовые позвонки овцы; под черепом оказался небольшой железный нож; у левого плеча стояла гранитная курильница овальной формы, а рядом с ней лежало пряслице с остатками деревянной палочки (веретена) длиной 0,49 м; у левого бедра найден сильно коррозированный железный предмет (проколка или нож); у левой ступни в углу ямы наклонно стоял, почти лежал на боку, крупный кувшин. Среди костей черепа найдена овальная золотая бляшка с двумя небольшими отверстиями (видимо, была пришта к головному убору женщины).

КУРГАН N 4 расположен перед самым домом лесника с южной стороны.

Насыпь его рельефно выделялась среди других (она была выше, а склоны ее круче) за счет выброса из грабительского раскопа. Диаметры насыпи по линии С-Ю - 16 м, а по линии З-В - 16,5, высота визуальна несколько выше метра. В центре насыпи - яма грабительского хода диаметром 4,5 м и глубиной около 1,0 м.

При снятии насыпи обнаружен кольцевой ровик без разрывов шириной 0,4-0,6 м и глубиной 1,25 м от уровня современного горизонта.

Насыпь сложена из гумуса с включениями супесчаного выброса из дрезней могилы и выкида из грабительского раскопа. По бровке (С-Ю) современная высота насыпи от УПГ равна 1,5 м, но изначальная высота ее - лишь 0,80 м.

Могилы вскрыты в центре насыпи по грабительскому раскопу. Он имел овальную форму, строго широтную ориентировку и размеры 3,20x2,30 м. Ко дну раскоп по длине сокращался до 2,70 м. Фактически раскопом этим могила была уничтожена. Точные размеры ее и ориентировку установить не удалось, можно однако предполагать, что она, как и грабительский раскоп (4), имела широтную ориентировку с небольшим отклонением (в 1-2 градуса) к СЗ и ЮВ. Судя по обломкам сосновых бревен в заполнении ямы, могила имела перекрытие и, следовательно, придонные уступы, но ни высота, ни ширина их не установлены.

В заполнении ямы на разной глубине встречены кости человека и обломки внутримогильной деревянной конструкции. Глубина грабительского раскопа и могильной ямы равна 1,95 м от УПГ. На дне ее без особого порядка лежало несколько костей человека:

обломки бедер, больших берцовых костей, лопаток, черепной крышки, обломок нижней челюсти с тремя зубами. Скелет принадлежал, предположительно, женщине (впрочем, возможно, скелетов было два).

Инвентарь могилы составили: подквадратная по форме плоскодонная курильница из серого гранита, фрагменты толстостенного сосуда или обломки литой формы и ребро крупного животного (быка или коня).

РАЗДУМЬЕ VI

Курганы Р-VI располагаются в бору по обе стороны канала, выкопанного в годы Великой Отечественной войны для спуска вод из болота Торфяное Займище с целью его осушения и разработки торфяника. С северной стороны канала протянулась цепочка из четырех курганов (под острым углом к каналу). Один из этих курганов (N2) серьезно разрушен при сооружении канала; в другом четко видны следы ограбления. Ограблены и остальные курганы: насыпи их довольно густо поросли молодым сосняком, особенно густо он вырос на той стороне каждого кургана, где находится выброс из грабительского раскопа (там земля мягче). Следы преднамеренных раскопок заметны также и в насыпях курганов, расположенных к югу от канала, ближе к д. Дресвянка. В пункте Раздумье VI нами раскопан курган N 1, насыпь которого уже основательно заросла лесом и докопан полуобрушенный в канал курган N 2.

КУРГАН N 1 расположен между курганами N 2 и N 3. Насыпь его округлая диаметром 15,5 м, при высоте (визуально) - 0,8 м. Центр и ССЗ-ная поля насыпи заросла молодыми сосенками и березками, хотя визуально грабительский раскоп не просматривался. Подлинная высота насыпи оказалась (по бровке) равна 1,0 м. Для удобства раскопок бровку здесь пришлось заложить с отклонением от линии С-Ю на 30 градусов (Ю33-СВВ). В кургане оказалось шесть могил, под каждой половиной насыпи по три.

Могила N 1 обнаружена в восточной половине, в поле насыпи. Могильная яма в форме прямоугольника с округлыми углами, размерами 2,0x0,65 м была ориентирована по линии ЮВВ-ССЗ (150-330 градусов). Глубина могилы равна 1,80 м от УПГ. Никакой конструкции внутри могилы не обнаружено. Заполнение ямы практически однородное (песок), примесь гумуса незначительна.

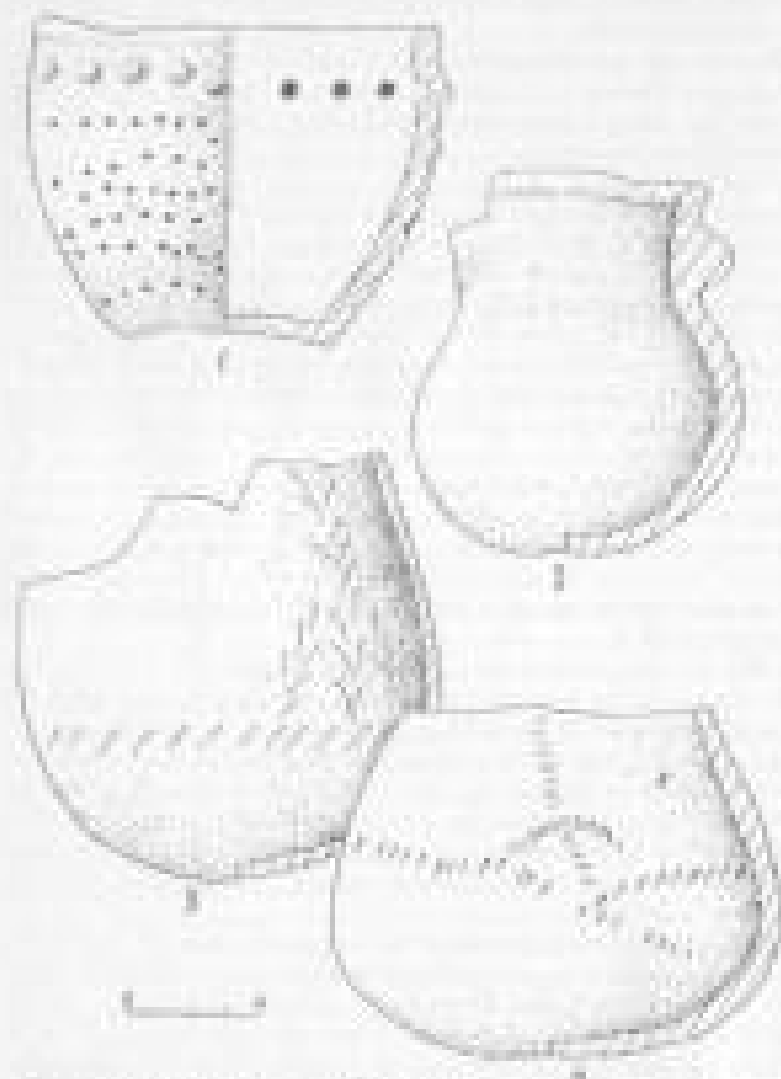

FIG. 2. *Phormia regina* (Diptera: Phoridae) 1st, 2nd, 3rd, and 4th instars. 1, 2, 3, 4, 1st, 2nd, 3rd, 4th instars. 1, 2, 3, 4, 1st, 2nd, 3rd, 4th instars. 1, 2, 3, 4, 1st, 2nd, 3rd, 4th instars.

На дне ямы на спине, головой на ЮЮВ (череп свалился вперед и на левое плечо), руки и правая нога вытянуты, левая нога согнута в колене и отставлена в сторону, лежал скелет человека. Сохранность костяка неплохая, хотя часть ребер и фаланги рук отсутствуют. Под черепом у лобной кости и под левым предплечьем и частично тазом отмечены пятна бурого тлена (следы подстилки или одежды). У правого бедра вскрыто пятно серого цвета от истлевшей костяной поделки: какая-то длинная костяная пластинка была положена поперек ног ниже колен, от нее также остались лишь пятна тлена. Скелет принадлежит мужчине преклонного (60-65 лет) возраста.

Инвентарь: Между костями таза и левой руки найдена бронзовая литая бляха-ворворка, у правого бедра - бронзовое кольцо, а у колена левой ноги - раздавленный кувшин, орнаментированный елкой, треугольными ямками и вертикальными бороздками.

Могилы N 2 обнаружена в 0,3 м от могилы N 1. Яма имела форму прямоугольника размерами 1,10x0,4 м, глубину 1,77 м от УПГ и ориентировку по линии СВВ - ЮЗЗ (55-235 градусов). Внутримогильной конструкции не было.

На две могилы в ее северо-восточной части найдено несколько косточек детского скелета (возраст не более четырех лет) - обломки черепной крышки, шейные позвонки, несколько молочных зубов, остальные кости не сохранились. Судя по сохранившимся костям, умерший был положен на спину головой на СВВ (55 град.). Рост и пол его неопределимы.

Инвентарь погребения представлен круглодонным кувшинчиком с четырьмя отверстиями под венчиком, орнаментированный по плечу резной елкой. Он почти лежал на боку в юго-западном конце могильной ямы.

Могилы N 3 обнаружена в восточной половине кургана, почти в центре насыпи, юго-западным углом она заходила под бровку, поэтому для выявления ориентировки и подлинных размеров могилы была удалена центральная часть бровки длиной в 3 м. Яма имела форму прямоугольника с закругленными углами размерами 4,0x1,5 м и была ориентирована по линии ЮЗ-СВ (225-45 градусов). В придонье яма сужалась уступом высотой 0,30 м шириной до 0,3 м (на концах ямы) и 0,26-1,28 м вдоль ее стенок. Поверх уступа были положены 8-9 горбылей поперек ямы, а на них - продольные бревна толщиной 0,25-0,30 м и длиной около 3,80 м. В центральной части могилы перекрытие рухнуло вниз, а концы

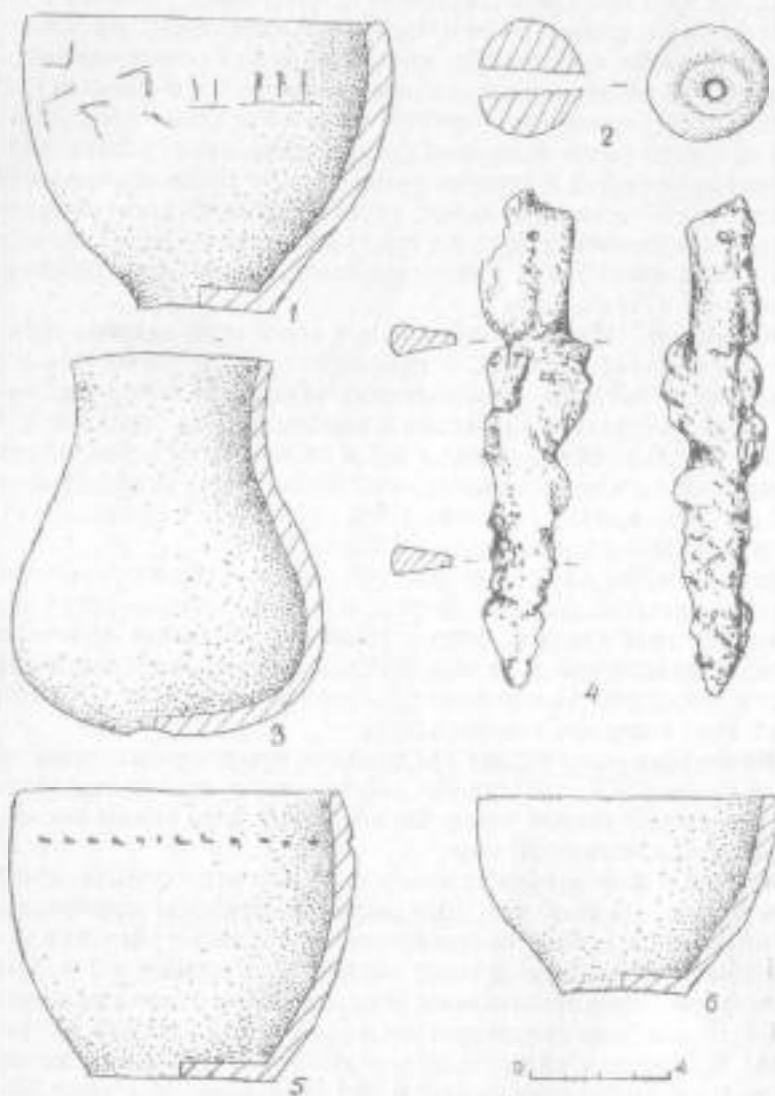

Рис. 4. Инвентарь могильников Раздумье VI (1-4, 6) и Раздумье IV (5).
 2, 4 - кург. 1, мог. 3; 1 - кург. 2, мог. 5; 3 - кург. 1, мог. 2; 5 - кург. 2, мог. 1; 6 -
 кург. 1, мог. 4, 4 - железо; 1-3, 5, 6 - глина.

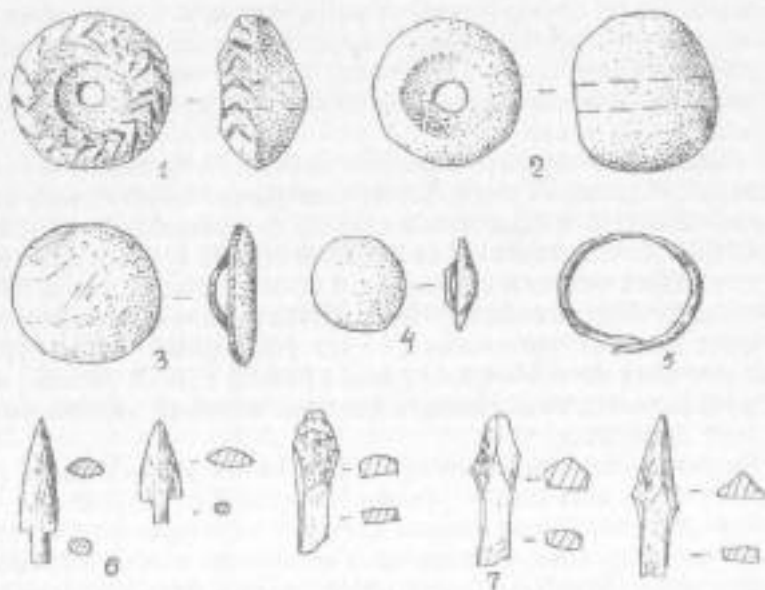

Рис. 5. Инвентарь могилы № 1 Раздутье VI: Кург. 1, мог. 1 (3-5); кург. 1, мог. 2 (2); кург. 2, мог. 1 (6, 7); кург. 2, мог. 2 (1)
1, 2 - глина; 3-5 - бронза; 6, 7 - железо.

бревен остались на уступе, задравшись хверху. Ниже уступа могильная яма была обложена бревнами в три венца. Надо отметить, что в головной части могилы были обгорелые бревна. Здесь за черепом погребенного на площади в 1,3 м x 1,3 м оказалось много углей, бурого тлена, земля сильно прокалена - впечатление такое, что прямо на перекрытии или над могилой был разведен погребальный костер. Наряду с ребрами овцы в засыпке также было много встречено углей и золы.

На дне ямы на спине, головой на ЮЗ, левая рука и нога - прямо, правая рука чуть отведена в сторону, а правая нога несколько согнута в колене. лежал скелет женщины 45-50 лет. Сохранность костей ее плохая - череп раскрошился на мелкие части, позвонки, ребра, фаланги пальцев вообще отсутствуют.

Инвентарь: в южном углу могилы лежали кости животного, среди которых был найден железный нож; в ногах погребенной наклонно стоял высокогорлый отличной работы (формовка, обжиг)

кушин (на дне его есть яма, что означает, что он изготовлен на гончарном круге типа кружала и представляет собою предмет импорта с юга); при снятии скелета под костями черепа и среди позвонков шеи и груди найдены две серьги из бронзовой проволоки и шесть бусин от ожерелья.

Могила N 4 вскрыта вблизи от центра, на границе ЮЗ и СЗ секторов. Могильная яма в форме подпрямоугольного овала размерами 2,40x1,10 м была ориентирована по продольной оси линии ЮЗЗ-СВВ, почти строго с З на В (264-84 град.). В 20 см выше дна яма сужалась уступом шириной в 0,30 м на концах ямы и 0,08-0,10 м вдоль боковых стенок. Ниже уступа могила была перекрыта поперек тонкими горбыльками, от которых остался только бурый глин. Глубина могильной ямы равна 1,70 м от УПГ. В засыпке могилы встречались угли и мелкие косточки человека, видимо, вытщенные гризунами.

На дне могилы головами на ЮЗЗ на спине рядом лежали два скелета: оба с вытянутыми руками и ногами, расставленными несколько в ступнях. Сохранность костяков очень плохая: у скелета N 1 череп раздроблен, подавляющее количество костей вообще не сохранилось (за исключением костей правой руки и костей ног ниже колен); у скелета N 2 череп также раздавлен, кости рук, позвоночника, ребра сохранились лишь частично.

Скелет N 1 принадлежит ребенку лет 7-8, скелет N 2 - взрослому, но сравнительно молодому субъекту, у которого еще не прорезались зубы мудрости.

Инвентарь представлен небольшим горшком (стоял у колена скелета N 1 между левой ногой и обвязкой могильной ямы).

Могила N 5 обнаружена в западной половине кургана между могилами N 4 и N 6. Могильная яма почти овальной формы размерами 0,9 x 0,4 м, была ориентирована по линии ЮЗ-СВ (225-45 град.), глубина ее - 0,80 м от УПГ. Внутримогильной конструкции не обнаружено. На дне ямы ца спине, головой на ЮЗ (225 град.), ноги вытянуты и расставлены в ступнях, лежал скелет ребенка 1,5-2-х лет. Сохранность костей его скелета неудовлетворительная: сохранились лишь фрагменты бедренных, больших берцовых костей и ребер.

Инвентарь: У левой ноги найден развал глиняного сосуда.

Могила N 6 вскрыта в западной половине кургана, в 0,5 м к С от могилы N 5. Яма в форме прямоугольника размерами 2,00x1,04 м имела ориентировку строго по линии З-В. В придон-

ной части она сужалась уступом со всех сторон высотой 0,20 м, а шириной по 0,10 м на концах имы и по 0,17 м вдоль боковых стенок. Но внутренней конструкции не обнаружено: возможно, по верх уступа могила была покрыта какой-то тканью или войлоком и труп был закрыт покрывалом?

Размеры могилы по дну - 1,80x0,70 м, глубина ее 1,00 м от УПГ.

На дне могилы на спине, головой на В (90 град.), череп прямо, руки вытянуты, ноги согнуты в коленях (ступни вместе) лежал скелет человека (пол не определен) преклонного возраста (не моложе 65 лет). Сохранность костей человека очень плохая: череп в состоянии крошева, истдели многие ребра и позвонки, а также все фаланги пальцев рук.

Инвентарь: у берцовых костей правой ноги наклонно стоял небольшой кувшинчик с выщербленным венчиком, у левой ступни - также наклонно стоял кувшин размером побольше.

КУРГАН N 2. Расположен на северной стороне канала, на ЮЗ конце цепочки из четырех курганов. Насыпь его земляная, поросшая травой, диаметр ее около 15 м, высота визуальна около 0,5 м. Почти половина насыпи была уничтожена при сооружении водотводного канала, при этом обрушилась большая часть одной из могил в часть другой могилы. А вообще, судя по расположению и количеству могил, выявленных под остатками насыпи, можно предположить, что в канал обрушились целиком как минимум еще две-три могилы. При раскопках была оставлена бровка толщиной в 0,5 м, ориентированная не строго по линии С-Ю, а с отклонением от этого направления на 50 градусов (СВВ-ЮЗЗ:50-230 грда.), т. е. параллельно кромке канала.

Насыпь хорошо задернована, она сложена из интенсивно гумусированного песка; подлинная высота ее (по бровке) равна 0,70 м. Признаков ограбления кургана визуальна не обнаружено. Всего под насыпью вскрыто 6 могил.

Могила N 1. Обнаружена по костям скелетов, торчавшим из стенки канала. Размеры сохранившейся части могилы - 0,90x1,40 м от УПГ.

На дне могильной ямы в ряд лежали на спине, головами на ССЗ, руки вытянуты, три скелета. Кости ниже пояса - тазовые, ног и частично предплечий обвалились в канал, где некоторые были нами подобраны. Сохранность костей неудовлетворительная: а) у скелета N 1 полностью разрушен череп (например, челюсти распались на 4 части), большинство костей выпало в канал и

исследовано; возраст этого субъекта не моложе 60 лет, пол неопределен; б) у скелета N 2 череп раздавлен на несколько частей, кости до пояса в основном сохранились; возраст этого человека около 50-55 лет; в) у скелета N 3 - череп в обломках, нет многих ребер, костей предплечья, кости ниже пояса, как и у первых двух, обрушились в канал.

Инвентарь: за головами скелетов N 2 и N 3 лежали кости животного; слева у черепа скелета N 2 кучкой лежали (видимо, были в колычане) грубо исполненные костяные черешковые наконечники стрел разового пользования (для охоты на пушного зверя?); на ребрах этого костяка слева лежали еще два костяных черешковых наконечника стрел, сделанных более тщательно, а напротив их справа - костяная трубочка с отверстием (игольница); у левого виска скелета N 3 найдена костяная палочка трехгранного сечения, а за черепом этого скелета в углу ямы на боку лежал плоскодонный темносерый (закопченный, серый по тесту) горшок, орнаментированный по поверхности верхней части тулова рядом подвесных треугольников, образованных глубокими ямками. В осыпи напротив могилы подобраны два фрагмента толстостенного грубо сформованного сосуда.

Могилы N 2 обнаружена в ЮЗ секторе кургана, у самой бровки. Могила имела форму прямоугольника размерами 1,0x0,35 м, ориентированного по линии ССЗ-ЮЮВ (354-174 град.). В придонной части могила сужалась уступом со всех сторон высотой около 10 см и шириной около 10 см, на которые были положены вдоль ее основные жерди толщиной 9-10 см и длиной до 0,95 м (перекрытие провалилось и лежало прямо на костяке). Глубина могилы от УПГ равна 1,20 м.

На дне ямы на спине, головой почти на С (354 град.), ноги вытянуты, руки чуть разведены в стороны в локтях, лежал скелет ребенка (судя по инвентарю, девочки) 1-1,5 лет. Сохранность костей в целом неплохая, но череп распался на мелкие кусочки.

Инвентарь. У правого бедра лежало пряслице, у правой стопы наклонно стоял кушник, между левым боком и костями левой руки - кусочек железа неопределенной формы (нож?); между берцовыми костями найден фрагмент другого сосуда (видимо, попал в могилу случайно).

Могилы N 3 обнаружена в СЗ секторе кургана, у самой бровки, напротив могилы - 2. Своим юго-восточным углом могила чуть-чуть заходила под бровку. Для выявления полного контура

могила часть бровки длиной в 0,5 м до средней линии была вырезана. Размеры могилы 0,65x0,30 м, по форме это овал, ориентированный по длинной оси строго с С на Ю. Глубина могилы - 0,50 м от УПГ. Внутримогильной конструкции не обнаружено.

На дне могилы, в северном ее конце найдено несколько костей черепной крышки и челюстей (зубы), от остальных костей остался только тлен, судя по которому можно утверждать, что умерший был положен головой на С в вытянутом положении, на спине. Скелет принадлежал ребенку до 2-х лет.

Инвентарь могилы представлен небольшим круглодонным кувшинчиком с двумя налепными ушками под венчиком, стоящим наклон к южной стенке.

Могила N 4 расположена в 0,3 м к СВ от могилы N 2. Северо-западный конец ее слегка заходил под бровку. Для выявления контуров могильной ямы в бровке был сделан вырез длиной в 0,5 м до средней линии. Юго-восточный конец могилы обрушился в канал. Могила имела форму прямоугольника с закругленными углами, длина ее сохранившейся части - 1,70 м, ориентировка по линии ССЗ-ЮЮВ (325-145 градусов). Глубина ее от УПГ 1,15 м. Никакой конструкции внутри ямы не было.

На дне могилы на спине, головой на ССЗ (320 град.), руки чуть согнуты в локтях, ноги вытянуты и расставлены в ступнях, лежал скелет человека (женщина?) в возрасте не моложе 60 лет. Сохранность костяка неудовлетворительная: череп раздавлен на мелкие куски, нет многих ребер, отсутствуют фаланги рук, стопы обвалились в канал.

Инвентарь: за черепом в углу могилы наклонно стоял (почти лежал) плоскодонный горшок, орнаментированный под венчиком рядом жемчужника, а по остальной поверхности - рядами ямок; цвет теста - черносерый; на левой ключице лежал крупный черепок от другого сосуда; между позвоночником и левой рукой найден камень (кремь).

Могила N 5 выявлена в СЗ половине кургана, в 1,5 м к СЗ от бровки. Яма прямоугольной формы с округленными углами размерами 1,40 x 0,80, ориентирована по продольной оси по линии ЮЗЗ-СВВ (225-75 град.), глубина ее равна 0,90 м от УПГ.

В заполнении могилы встречались угольки, неорнаментированный черепок, обломки дерева. Возможно, могила имела продольное или поперечное перекрытие или обвязку стен, однако

более четких указаний на интритомогильную конструкцию (например, в виде уступов у дна) не обнаружено.

На дне могилы найдены кости взрослой женщины (определение В. А. Дремова). Судя по сохранившимся костям, умершая была положена на спину, но с подогнутыми ногами, головой на ЮЗЗ (255 град.). Сохранность костей плохая - череп раздроблен на множество мелких частей, большинство позвонков, ребер, фаланг истлело.

Инвентарь: в ЮЗЗ углу могилы и между плечевыми костями найдено несколько черепков от сосуда, орнаментированного парными насечками; у правого локтя лежало пряслице, орнаментированное точками-ямками; в СВ углу могилы с наклоном во внутрь ямы стоял кувшинчик с выщербленным венчиком и орнаментацией поверхности в виде имитации шва на кожаном сосуде.

Могилы N 6 обнаружена в СЗ секторе кургана в 0,80 м к ЮЗ от могилы N 5 и в 0,75 м к СЗ от могилы N 3. Могильная яма в форме прямоугольника с округлыми углами размерами 1,80 x 0,92-0,98 была ориентирована по линии ЮЮЗ-ССВ (201-21 град.), глубина ее - 1,05 от УПГ. В засыпке встречались угольки; никаких признаков интритомогильного сооружения не обнаружено.

На дне могильной ямы ближе к СЗ стенке, на спине, головой на ЮЮЗ (195 град.), череп прямо, позвоночник изогнут, руки чуть разведены в стороны, левая нога вытянута, а правая слегка согнута в колене и откинута в сторону, лежал скелет мужчины 35-45 лет (определение В. А. Дремова). Сохранность костей плохая: череп раздавлен на множество частей, отсутствуют кости левого предплечья, часть ребер, почти все кости кистей и стоп.

Инвентаря в могиле не было.

Таким образом, в результате работы экспедиции фонды краевого музея были пополнены материалами, которые практически раньше в них отсутствовали: орудия труда - пряслица, ножи, проколки, наконечники охотничьих стрел и др.; предметы быта - керамика разных форм и типов - кувшины, горшки, бочонковидный сосуд и др.; украшения - серьги, бляшки и др.; предметы снаряжения - ворнорка, игольница и др.; материалы духовной культуры - алтарики-курильницы, фрагменты зеркала и др. Аналогии этим вещам и комплексам широко известны в Горном Алтае, в сопредельных регионах Западной Сибири, Восточного Казахстана, в широкой полосе евразийский степей, населенных в I-м тыс. до н. э. многочисленными скотоводческими племенами, сходными по

образу жизни, роду занятий, по материальной и духовной культуре. Материалы из Раздумья IV и VI датируются IV - I вв. до н. э. (2).

ПРИМЕЧАНИЯ:

* 1. УМАНСКИЙ А. П. Археологическое памятники урочища Раздумье // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 81-92.

2. УМАНСКИЙ А. П. и другие. Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. Барнаул, 1998. С. 48-51.

**ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ФОТОДЕЛА В БАРНАУЛЕ
(По материалам фондов Алтайского краевого
краеведческого музея)**

Фотография, как известно, была изобретена в 1839 году Луи Дагерром и Вильямом Талботом. Первые снимки - "дагерротипы" - были, конечно, очень далеки не только от совершенства, но даже от удовлетворительного качества. "Дагерротипия" имела ряд существенных недостатков, главным из которых была невозможность тиражирования снимков - их делали только в одном экземпляре. Однако уже к 1860 году дагерротипия была вытеснена из практики процессом, в котором использовалась позитивная печать с первичного негатива, появилась возможность тиражирования снимков. Фотография, зародившаяся в Англии и Франции, быстро проникла в другие страны Европы и Америку. С первых дней своего существования она стала известна и в России. Перспективное новшество прежде всего заинтересовало Российскую Императорскую Академию Наук, а вскоре и активных предпринимателей и ученых. "Моментальные портреты и пейзажи" сразу же стали столь популярны в русской жизни, что заполнили улицы Петербурга, Москвы, Варшавы, Киева фотостудии и салоны вскоре стали обычными на улицах губернских, а затем и уездных городов Российской империи. Не был исключением и центр Алтайского округа - г. Барнаул, тем более, что горные инженеры, по делам службы посещавшие столицу, были в курсе всех модных веяний, культурных и технических новинок. Поэтому появление фотоаппарата в Барнауле не было долгим делом. Фотоаппаратами и фототехникой торговали магазины А. Г. Морозова, И. Ф. Смирнова, А. Ф. Второва и ряд других. Барнаульской интеллигенции, хорошо знакомой с работой оптических и геодезических приборов, не так уж трудно было овладеть технически не сложным, хотя хрупким и громоздким фотоаппаратом. Он стал обязательным участником многих геологических, землеустроительных и прочих экспедиций, а фотографии прилагались к отчетам наравне с текстовыми материалами. Например, экспедиция по геологическому

исследовательнице юго-восточного Алтая 1885-1888 гг. оставила после себя три роскошных - в духе того времени - фотоальбома, изготовленных из ткани, кожи, с бронзовыми замками. На темном фоне золотом вытеснен текст: "Альбом видов Юго-Восточного Алтая, составленный горным инженером Н. Н. Кокшаровым - 2-м в 1885 - 1888 гг.". Инженера Николая Кокшарова интересовали не только "Выходы известняков" или "Осыпь кремнистых сланцев" и другие геологические причуды, но что особенно важно - это этнографические и исторические фотоснимки - шаманы, летние и зимние жилища алтайцев, каменные бабы. В одном из альбомов находятся наиболее ранние фотоснимки русских населенных пунктов - Кош-Агач, Онгудай, встречаются "типы старожильского и инородческого населения" Горного Алтая. Некоторые снимки рассказывают о взаимоотношениях алтайцев с соседями, например, фото: "Монголы, приехавшие на Алтай в поисках угнанных лошадей". Сохранность многих фотографий, несмотря на почтенный столетний возраст, довольно хорошая, хотя из помещенных в альбомах 144 снимков некоторые уже выцвели и находятся в стадии "умираяки". Горный инженер Н. Кокшаров был не только хорошим фотографом, но и неплохим ретушером - часть снимков, на которых запечатлены ледники и снежные горы, отчетливо сохраняли следы мастерской ретуши.

Немало прекрасных фотографий было среди землеустроительных чинов Кабинета Его Императорского Величества, т. е. попросту говоря, среди землемеров и топографов. Многие из них были не чиновниками, не чертежниками, в душе они были в первую очередь путешественниками. По делам службы они проникали в самые труднодоступные места, отсюда и уникальность снимков, ими сделанных. Особенно ценились в то время фотографии и негативы топографа первого разряда, коллежского регистратора Георгия Ивановича Иванова. Он и сам к ним относился очень бережно, в одном из писем просил жену Клавдию Васильевну, чтобы хранила их и до его возвращения из Горного Алтая никому не отдавала. Коллекция Г. И. Иванова - 218 снимков и 59 негативов, в фондах краеведческого музея складывалась годами: первые попали еще в дореволюционное время, последние поступили в 1989 г., и все они - свидетельство высокого мастерства. Не расставались в экспедициях с фотоаппаратами и другие землемеры В. И. Лапин, Б. Е. Бегичев, Власов. Их сохранившиеся фотоработы донесли до нас внешний вид варварски разрушенных в годы

социалистического строительства памятников истории и культуры: Чулышманский монастырь, старообрядческие поселения и церкви в горах Алтая, народные гуляния и ярмарки, на них запечатлены давно ушедшие и забытые события городской жизни Барнаула - первые после свержения самодержавия первомайские митинги на Соборной и Демидовской площадях, митинг в поддержку проведения "Займа Свободы", уголки города, не удостоившиеся чести быть сфотографированными профессиональными фотографами.

Были среди фотолюбителей врачи, юристы, чиновники, преподаватели, представители других профессий. В фондах Алтайского краеведческого музея хранится не очень обширная коллекция фотоснимков врача Ивана Ивановича Лубяных, переданная его сыном Игорем Ивановичем. Коллежский Советник (6 класс, что соответствовало воинскому званию полковника) И. И. Лубяных был выпускником 1884 года медицинского факультета Московского Императорского Университета. С 1885 года работал на Алтае, вскоре стал "барнаульским городовым врачом", так было записано в его формулярном списке. В Барнауле, где он прожил до 1920 года, прошли лучшие и наиболее плодотворные годы его жизни... Среди барнаульских врачей он по праву считался одним из ведущих специалистов. Медицинский кабинет дома по улице Пушкинской между Московским проспектом и Мостовым переулком, где он жил, был оборудован новейшими по тем временам приборами, приобреталась самая современная медицинская литература, например, сохранился его двухтомный "Новый способ лечения" Платена, выписывалась газета "Практикующий врач". В барнаульской периодической печати предреволюционного времени регулярно публиковались рекламные объявления "частнопрактикующего врача" И. И. Лубяных. За свой многолетний труд на ниве народного здоровья он был награжден орденами Святого Станислава 2 и 3 степени, Святой Анны 3 степени, рядом медалей. Как видно, времени свободного у него было не так уж много, находясь на государственной службе, даже в отпуск он уходил на две недели, редко на два месяца, да и то не каждый год. Путешествуя по Алтаю, И. И. Лубяных часто брал с собой фотоаппарат, да не обычный, а для объемных стереоснимков. Увлечение стереофотографией было очень популярным в начале XX века. Промышленность Англии, Германии, Франции производила довольно широкий ассортимент фотоаппаратуры для стереосъемки, посто-

вино в продаже были стереоскопы для просмотра стереодиапозитивов, покупателям предлагался огромный выбор комплектов стереоснимков, причем самого разного содержания - от религиозно-этических, вроде "Путешествия русских паломников ко Гробу Господню", до естественно-научных, исторических, и даже эротических, правда, последние, как правило, продавались либо подпольно, либо уличными торговцами с рук. Сохранилась небольшая коллекция стереоснимков И. И. Лубяных с видами Горного Алтая. Пожар 2 мая 1917 г. не пощадил его дома, сгорело все имущество, оборудованные медицинского кабинета, библиотека. Сгорели и фотографии, лишь незначительная часть чудом уцелела.

Конечно, фотодело на рубеже веков не носило чисто любительский характер, в Барнауле работало довольно много прекрасных фотографов - профессионалов, владельцев фотоателье. Одним из первых фотографических заведений Барнаула была "Фотография И. М. Богословского", открытая в первой половине восьмидесятых годов XIX века и считавшаяся тогда лучшей. Богословского, как наиболее известного в то время фотографа, неоднократно приглашали на свои мероприятия деятели "Общества попечения о начальном образовании". Сохранился датированный 1888 годом групповой снимок наиболее активных членов этого общества во главе с его основателем и руководителем - В. К. Штильке. Кстати, это наиболее ранний из известных снимков Штильке, остальные относятся к более позднему времени.

В начале второго десятилетия XX века в Барнауле было около десяти фотоателье. Один из них, проработав год-два, закрывался, не выдержав довольно жесткой конкуренции - так было с фотографией Жданова - другие все же сводили концы с концами, держались "на плаву" за счет работы разъездных фотографов, отличавшихся очень посредственным уровнем своих работ, но проникавших даже до удаленных казачьих станиц, вроде Чарышской или Тулаты. Но из этой десятки выделялись две фотостудии, которые были на голову выше других и считались как бы "фотографической" визитной карточкой Барнаула. Это фотографии Т. П. Новоселова и С. И. Борисова. Эти фотостудии работали в одно и то же время, в работе использовали самые качественные фотоматериалы, например, и Новоселов, и Борисов заказывали паспарту для своих мастерских известнейшей русской фотографической фирме Иосифа Покорного в Москве. Каждый старался быть новатором в своем деле: Борисов, экспериментируя, вместо солей

серебра, использовал соли платины и добивался потрясающих результатов - фотоснимки семьи известного алтайского краеведа Гуляева выглядят так, будто только вчера они вышли из его мастерской, а Новоселов пытался даже организовать производство цветных фотоснимков. И тот, и другой участвовали в Российских фотовыставках: фотография С. И. Борисова за участие в Санкт-Петербургской выставке 1898 г. была удостоена похвального отзыва, а студия Т. П. Новоселова на своих фотографиях с гордостью демонстрировала своим заказчикам лицевую и оборотную стороны золотой медали Всероссийской фотовыставки 1909 г. в Ростове-на-Дону. Но если бы в предреволюционное время в Барнауле проводился опрос с целью назвать лучшего и наиболее известного фотографа города, без всякого сомнения было бы названо имя С. И. Борисова - он все же был вне конкуренции.

Сергей Иванович Борисов родился в Сибирске в середине XIX века. Подростком работал осветителем в театре. Затем, имея приятный голос и хороший слух, стал артистом оперетты. С одной из артистических трупп в конце 80-х годов XIX века приехал в Барнаул, где и остался. С этого времени его судьба была неразрывно связана с Барнаулом и Алтаем. Вскоре он открыл свое фотоателье, которое впоследствии стало наиболее крупным и популярным в городе. Прежде, чем начинать работу, Борисов основательно ознакомился со всеми техническими новинками в области фотографии, для чего совершил несколько поездок в русские столицы и даже за границу. Во время одной из таких поездок приобрел рецепт технологии изготовления фотобумаги и по возвращению в Барнаул пытался наладить ее производство.

Ателье Борисова располагалось на одной из центральных улиц города - Бийской (Никитина) между Московским (Ленинским) проспектом и Соборным (Социалистическим) переулком. В конце XIX в. Барнаул еще не имел электрического освещения, магниевые вспышки не всегда были возможны, и фотографы в работе старались максимально использовать естественное освещение, поэтому фотоателье Борисова даже внешне выделялось из общей застройки улицы своей застекленной крышей и южной стеной.

С 1907 года С. И. Борисов начинает свои фотоэкспедиции по Горному Алтаю, продолжавшиеся до первой мировой войны. 9 января 1911 года барнаульская газета "Жизнь Алтая" писала: "Летом минувшего года местный фотограф С. И. Борисов совершил продолжительную поездку по Горному Алтаю со специальной целью

фотографировать его в возможно большем масштабе и затем познакомить широкую публику с Алтаем при помощи волшебного фонаря. В план его съемочной работы кроме пейзажа, который является главной работой, входили также и жанровые этюды, рисующие жизнь алтайских инородцев... За время поездки сделаны им до 1000 снимков для стереоскопа и открытых писем... Господин Борисов намерен в 1000 ядях продемонстрировать Горный Алтай с севера до юга, с востока до запада... В скором времени выйдут заказанные им художественной фирме В. Нейберт в Праге открытые письма с видами Алтая в количестве 100 сюжетных оригиналов по 1000 штук каждого*.

Экспедиция 1910 года, о которой писала "Жизнь Алтая", была наиболее плодотворной. За одно лето удалось сфотографировать села Черный Ануй, Улалу, Чергу, Элекмонар, Чемад, Онгудай, реку Кагуль с притоками на значительном протяжении, реки Оро-Чаган, Коргон, Арасанка, Кучурла, Чибит, Нижний Кураган, Карагем и ряд других, мосты и паромные переправы через них. Борисов сумел подняться до горы Белуха и сделать серию уникальных снимков самой горы и ледников в ее районе. Нужно помнить, что съемка велась не современным фотоаппаратом, с гибкой пленкой на 36 кадров, а тяжелым, громоздким деревянным ящиком типа "Премо 1", "Виктор" или "Кодак" с хрупкой оптикой, не менее хрупкими стеклянными фотопластинками, которые нужно было менять после каждого снимка, да и сам деревянный штатив, на котором крепился фотоаппарат, был не из легких. Итогом трехмесячной работы было более 1000 снимков отдаленных труднодоступных уголков горного края.

Вернувшись из экспедиции, Борисов считал своим долгом познакомить барнаульцев с результатами своей работы. Для этой цели был приобретен "волшебный фонарь" - диапроектор, который мог освещать экран площадью 7 квадратных яршин (3,5 квадратных метра), и вручную раскрашены все диапозитивы. Демонстрация состоялась 14 и 16 января 1911 года в зрительном зале Народного Дома, причем, ежедневно давалось 2-3 сеанса. Комментировал диапозитивы сам автор снимков. Вслед за Барнаулом с первою красотою Горного Алтая смогли познакомиться иркутяне, а затем жители других сибирских городов. Результатом поездок по Горному Алтаю были многочисленные открытки. Борисову, видимо, не удалось довести переговоры с пражской фирмой Нейберт до положительного конечного результата, так как мы не знаем ни

одной открытки, изданной в Праге. Более успешными были переговоры с одной из наиболее крупных европейских полиграфических фирм начала XX века - Акционерным обществом Гравберг в Стокгольме. Шведские акционеры выпустили серию в 50 открыток с видами Горного Алтая в цветном и черно-белом изображении, причем, тираж был весьма значительным, а впоследствии открытки несколько раз переиздавались. Шведские открытки отличались очень высоким качеством печати и прекрасно сохранились.

Сергей Иванович Борисов как фотограф уделял внимание не только Горному Алтаю. Он был, видимо, неплохим коммерсантом, и очень тонко сумел уловить зарождавшийся тогда в русском обществе интерес к открыткам с видами городов и сел обширной Российской империи. Работа в этой области еще более подняла престиж его студии, а известность Борисова вышла далеко за пределы Алтая, так как на многих открытках с видами дореволюционного Барнаула указывалось и имя автора снимка - "Фотограф С. Борисов", а по его негативам издавали цветные открытки такие барнаульские фирмы, как "Торговый дом А. Г. Морозов с сыновьями", "Писчебумажный магазин Н. А. Трубицина", "Книжный магазин В. К. Сохарева" и другие. И хотя открытки стоили недорого, С. И. Борисов у себя в студии организовал выпуск сверхдешевых, так называемых "народных" открыток. Они готовились способом фотопечати, многие на оборотной стороне снабжались небольшим клеймом с буквами "ФСИБ" в круглой рамке, то есть "Фотография Сергея Ивановича Борисова". Краеведы и ученые, все, кто интересуется архитектурой старого Барнаула, отдают предпочтение именно этим дешевым, народным, борисовским изданиям. Они предельно информативны и лишены дополнительной ретуши и раскраски, значительно снижающих познавательную ценность цветных открыток, хотя последние без всякого сомнения радуют глаз именно своей яркостью.

Фотографии Борисова с видами Барнаула и Горного Алтая часто публиковались в периодической, научно-популярной и коммерческой печати, например, редакция "Сибирского торгово-промышленного календаря на 1911 год" выражала признательность господину Борисову за предоставленные ей фотоматериалы.

Как видно из вышесказанного, С. И. Борисов был очень интересным человеком. Интересным, и, нужно добавить, любозна-

тельным. В фондах краеведческого музея хранится альбом с видами Зырянской выщелачивательной и Змеевской электролитической фабрик. Каждый снимок снабжен пояснительным текстом, например: "Американский шлюз для вымывки золота из остатков после выщелачивания". Снимок свидетельствует о многом: в первую очередь, о применении передовой технологии, да и покоряет забота тогдашних промышленников о глубине переработки. Что греха таить, ведь долгое время уровень развития техники дореволюционного Алтая в экспозициях музея ограничивался лишь фотографиями типа "Конная мялка кожи на одном из частных заводов" или "Цех по обезжириванию овчин", что должно было убедить посетителя музея в том, что дореволюционный Алтай не намного ушел вперед от уровня промышленного развития Киевской Руси.

Но Борисов был не только прекрасным фотографом. Будучи человеком разносторонне образованным, по воспоминаниям современников, обладавшим недюжинными артистическими способностями, Борисов был постоянным участником всех благотворительных спектаклей "Общества попечения о начальном образовании", созданным в Барнауле в 1884 году. Средства, полученные от спектакля, шли на строительство новых школ, библиотек. Благодаря деятельности "Общества", в Барнауле открылись Нагорная и Зайчанская школы для детей малообеспеченных слоев населения, бесплатная общедоступная библиотека, построено здание Народного Дома.

Своим участием в работе драматических кружков, высоким профессиональным качеством, личным обаянием Борисов был хорошо известен различным общественным кругам города, и не удивительно, что барнаульцы по достоинству оценили его подвижнический труд, широко отметили 25-летие его спенической деятельности. Поздравление юбиляра состоялось 29 января 1917 года в Народном Доме. В многочисленных памятных адресах, дошедших до нас, горожане "выражали чувства сердечной признательности" своему земляку, называли его "неутомимым, бескорыстным тружеником", "смелым инициатором и умелым руководителем". Поздравляли Борисова учащиеся мужской и женской гимназий, женской гимназии М. Ф. Будкевич, прогимназии Красулиной, Барнаульского Императора Николая II Реального Училища, благодарили его за безвозмездное участие в постановке ученических спектаклей и вечеров.

Продолжал Борисов работать и после революции. Правда, предвоенные годы не позволяли ему совершать поездки по Горному Алтаю, и он полностью отдался работе и любимому увлечению - любительскому театру. В двадцатые-тридцатые годы Борисов работал в фотоартели "Объединение", по праву считался одним из лучших фотографов Барнаула, наиболее эрудированным и дисциплинированным сотрудником, регулярно перевыполнял производственные планы, за что неоднократно награждался премиями, почетными грамотами ударника первой пятилетки, нагрудными знаками. Умер С. И. Борисов в 1935 г., место погребения его неизвестно.

В двадцатые годы на ниве фотолюбительства плодотворно работал известный барнаульский журналист, автор многих фельетонов дореволюционного времени, редактор журнала "Алтайский крестьянин" П. А. Казанский. Благодаря ему мы можем увидеть уникальные снимки весеннего разлива р. Барнаулки и апрельское наводнение 1928 г., когда были залиты водой весь базар, территория лесозавода и прилегающие к ним улицы. Сохранился и ряд других его снимков.

Тридцатые годы не были благоприятными не для профессионалов, не для фотографов-любителей. Для первых - потому что из свободной продажи исчезли качественные фотоматериалы и реактивы. Ну, а для вторых... Захлестнувшая страну волна шпиономании и поиск вредителей не могли не сказаться на фотолюбительстве. Фотографировать стало опасно. Ведь если человека, отправившегося на рыбалку за Обь, могли обвинить в попытке подрыва железнодорожного моста - так было с барнаульским врачом Смирновым - то гражданин с фотоаппаратом, да еще фотографирующий улицы города и его дома, по меньшей мере должен быть японским или германским шпионом. Видимо, поэтому фонды Алтайского краеведческого музея довольно бедны фотоснимками с видами Барнаула и Алтая предвоенного времени.

В настоящее время фотофонд музея насчитывает более 20 тысяч экспонатов. Это огромное богатство, наглядно иллюстрирующее отечественную историю, подчас неизвестно не только широкому кругу краеведов-любителей, но зачастую и историкам-профессионалам, поэтому начиная с настоящего выпуска, в "Алтайском сборнике" появится новая рубрика "Фотоархив Алтая", в которой будут регулярно помещаться редкие фотографии из фондов Алтайского краеведческого музея.

ФОТОАРХИВ АЛТАЯ

(ИЗ ФОНДОВ АЛТАЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

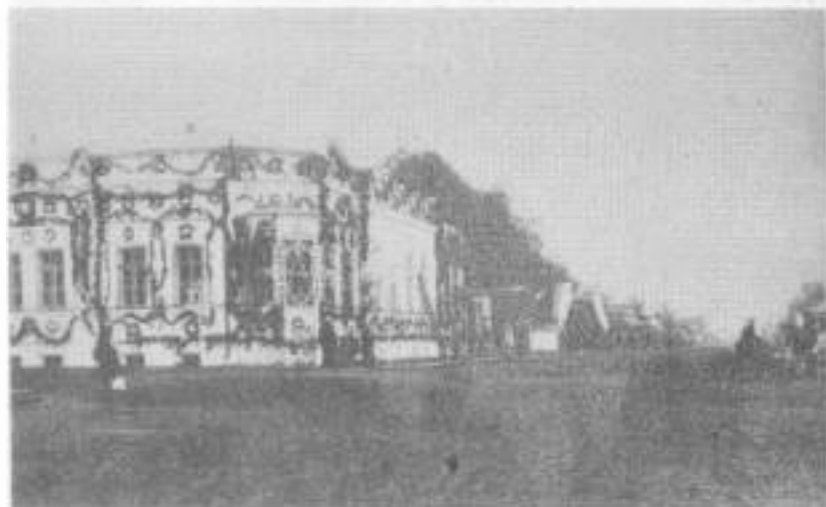
Зыряновская выщелачивальная фабрика.
Американский шлюз для вымытия золота из остатков рудной породы.
Фотография Борисова С. И.

Дом барнаульского купца Ходкина С. Д.
Сузунская (Интернациональная) улица. и. XX в.

Дача начальника Алтайского округа. и. XX в.
Фотография "Шерер, Набсольт и Ко".

Праздничное убранство ул. Пушкинской, в XX в.
Фотографии Борисова С. И.

Рабочие сального завода "Любимов, Сольва и Ко" (бывший "М. Б. Притт").
В центре сидит управляющий заводом К. Л. Вилкен.

Сцена из спектакля "Дикичий первоход", поставленного членами Общества
вспомоществования о начальном образовании. Первый слева С. И. Борисов.
Фотограф С. И. Борисов.

**ПРИРОДА АЛТАЯ В ФОТОКОЛЛЕКЦИИ
В. В. САПОЖНИКОВА**

Особое место в фотофонде Алтайского краевого краеведческого музея занимает коллекция фотоснимков по природе Алтай конца XIX - начала XX в. профессора Томского университета, ботаника, географа Василия Васильевича Сапожникова (1861-1924 гг.), поступившая в музей в 1904 году. Продолжив исследования высокогорного Алтая, начатые К. Ледебуром (1826), А. Бунге (1826), Ф. Геблером (1835), Н. Ядринцевым (1880), В. Сапожников с 1895 по 1911 год совершил 5 экспедиций в Алтайские горы. Он открыл важнейшие центры современного и масштабы древнего оледенения Алтая, первым взобрал на седло Белухи (1898), дал систематическое описание бассейна р. Катунь, составил список растений Русского Алтая.

По результатам экспедиций были написаны книги "По Алтаю" (1895), "Катунь и ее истоки" (1900), сделаны научные сообщения, создан первый туристский путеводитель "Пути по Русскому Алтаю", не превзойденный до сих пор по детальности и точности описания. По образному выражению академика, орнитолога П. П. Сушкина, "путешествия В. В. Сапожникова знаменуют собой целую эпоху в исследованиях Алтая" (1).

Высоко оценив работу ученого, Русское географическое общество в 1897 г. наградило В. В. Сапожникова серебряной медалью, в 1900 г. - медалью имени Н. М. Пржевальского, в 1912 г. присудило ему золотую медаль имени П. П. Семенова-Тян-Шанского. Его именем названы пик на Тянь-Шане, а также один из ледников Южного Алтая.

Во всех экспедициях В. В. Сапожников сам вел фотосъемку. Вот что он писал: "В течение всего путешествия я довольно широко пользовался фотографическим аппаратом - этим неизменным для путешественника орудием... При помощи фотографии нагляднее передается характер природы в описании, но и для самого автора значительно облегчается процесс передачи виденного. Иногда даже на фотографии потом случается увидеть какую-нибудь

Подножья горы Белуха.
Устье реки Кани-Айры, г. XIX в.

Река Катунь, г. XIX в.

подробность, упущенную при непосредственном, нередко спешном осмотре". (2).

Имея огромное количество фотоснимков, В. В. Сапожников не мог не откликнуться в 1903 г. на предложение музея г. Барнаула при Совете Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Как видно из документов, в Барнауле В. В. Сапожников бывал неоднократно. Возвращаясь из первого путешествия по Алтаю, 24 августа 1895 г. он посетил барнаульский музей, о чем свидетельствует автограф в книге почетных посетителей "Собственноручные подписи особ, почтивших посещение своим Барнаульский музей". (3).

Барнаульцы знали В. В. Сапожникова как отличного лектора. Имели удовольствие слышать его лекции. В протоколе заседания Совета Общества любителей исследования Алтая от 7 февраля 1897 года отмечено, что "... Ф. Е. Засс сообщил о письме профессора Томского университета Сапожникова, который ведет с г. Засс переговоры о прочтении двух общедоступных лекций в г. Барнауле. Сапожников просит "Общество любителей исследования Алтая" назначить время для его приезда и просит организовать лекции. Совет решил просить г. Сапожникова приехать в Барнаул на первых днях масляной недели. В этом смысле ему составлена телеграмма". (4) Но в протоколах заседаний Совета и Общества за 1897 г. нет сведений о том, когда прочитаны лекции В. В. Сапожниковым. Позднее находим информацию: "В 1898 г. по приглашению Совета Общества профессор Томского университета прочел две публичных лекции (18 и 19 февраля), одну на тему о природе Горного Алтая и другую по физиологии растений" (5). Фамилия лектора не указана, но ясно, что речь идет о В. В. Сапожникове.

Более точные сведения находим в кратком отчете тридцатипятилетней деятельности Краеведческого Общества в Барнауле (1891-1926 гг.): "Достоинно упоминания, что 18 и 19 февраля 1897 г. по приглашению Совета Общества, профессор Томского университета В. В. Сапожников в первый раз перед барнаульской публикой выступил со своими лекциями о природе Алтая и по физиологии растений ("Для чего растениям нужен свет"). Затем приезды профессора начали повторяться, и барнаульцы имели удовольствие слышать его блестящие лекции еще несколько раз" (6).

На траурном заседании членов Алтайского отдела РГО 17 декабря 1924 г., посвященном памяти В. В. Сапожникова, бывший

слушатель лекций В. В. Сапожникова в Томском университете, участия экспедиций в Семиречье А. П. Велижанин поделился личными воспоминаниями: "В 1897 г. по уланам г. Барнаула было расклеено объявление о том, что в зале Горного училища профессор Томского университета В. В. Сапожников прочтет лекции "Зачем растению нужен свет?" Позднее, сопровождая свое изложение опытами, провел аудиторию от простого сгорания угля в кислороде до процесса разложения углекислоты в листьях растений. Это было первое знакомство публики Барнаула с профессором как с блестящим лектором и знатоком науки физиологии растений" (7).

П. А. Казанский, краевед, слышал его отчетные лекции о поездках по Алтаю: "Лекции были оригинальны и не забывались. На кафедре тушили свет и при первых словах профессора на экране появлялись картины и так во время всей лекции. Каждая мысль иллюстрировалась картиной. Лекция производила неизгладимое впечатление простотой языка и легкостью изложения" (7).

По предложению члена Совета Н. Я. Овчинникова в 1903 г. в музее приступили к формированию фотографических коллекций. От имени Совета были отправлены письма любителям и профессионалам, в том числе и В. В. Сапожникову, с просьбой передать фотографии музею. "Профессор выразил согласие приискать в Томске лицо, которое сделает для музея отпечатки с его негативов (до 600 шт.) под его наблюдением, на средства подотдела. Подотдел ассигновал на это 100 руб.", - говорилось в отчете Алтайского подотдела за 1903 г. (8). Кто выполнил заказ, неизвестно, но фотоколлекция поступила в музей. Она состояла из 355 снимков разной величины. В состав этого количества вошли 82 снимка, изображавшие ледники Алтая в их целом или по частям; 64 снимка представляли виды рек, ручьев, потоков, водопадов Горного Алтая, 35 - виды хребтов, перевалов и отдельных горных вершин, около 100 - виды на долины, истоки рек, лесные горные поросли, так называемые "бомы" и другие горные ландшафты, 23 снимка представляли виды горных озер; 16 - отдельных населенных пунктов и 55 снимков - смешанного содержания (9). В последней группе снимков были представлены этнографические материалы. В приложении N 2 отчета за 1904 г. указан список фотоснимков, находящихся в коллекции музея Алтайского подотдела на 1 января 1905 г. (10). Подотдел поддерживал связь с исследователем и позднее, в 1904 г. ему был отправлен V том "Алтайского сборни-

ка", о чем свидетельствует запись в отчете (II). В протоколе N 13 заседания музейного совета при Алтайском губернском музее от 3 апреля 1924 г. отмечено: "В связи с исполняющимся в апреле г. 30-летием научно-педагогической деятельности доктора ботаники, профессора В. В. Сапожникова послать юбиляру приветствие от музея и озаботиться помещением в музее портрета В. В. Сапожникова" (12).

В фотофонде музея сохранились все снимки, переданные В. В. Сапожниковым, но в тридцатые и послевоенные годы эти уникальные фотографии были наклеены на листы больших альбомов, что повлияло на сохранность и затруднило работу с ними.

В 1992 г. с работ Сапожникова были изготовлены негативы, предпринята первая попытка их классификации по экспедициям.

Точно установлено, что снимки Телецкого озера, долины рек Чулышман и Башкаус выполнены во время путешествия 1895 г., вторично эти места исследователь больше не посещал. В коллекции музея представлено 16 снимков Телецкого озера и прителецкой тайги, по материалам первой экспедиции Сапожниковым составлена детальная карта-схема с указанием пройденного маршрута, что значительно облегчает работу современного исследователя с фотографиями 1895 г. Вместе с путешественником мы проходили по долине р. Башкаус, так поразившей В. В. Сапожникова своей дикой природой, трудно проходимым ущельем и отвесными стенами скал, вилотную подходившими к реке. До Алтайских экспедиций среди сибирских ученых В. В. Сапожников был известен, как ученый-ботаник, его интересовало в первую очередь разнообразие местной флоры. Путешествия в высокогорья Алтая значительно расширили круг его интересов, он в какой-то момент изменил направление своих работ и стал проводить не только ботанические, но и географические исследования, именно они сделали имя В. В. Сапожникова широко известным далеко за пределами Сибири.

Во время путешествия 1895 года В. В. Сапожников, изучив флору прителецкой тайги, отправился в Катунские белки, причем, был выбран самый трудный перевал, ближе к Белухе. Своими исследованиями он не только доказал наличие крупного ледникового центра г. Белуха, но и открыл новый ледник, получивший название "Черный". Позднее в своих работах высказал предположение, что в Чуйских белках, в районе г. Ик-Ту должен

находиться второй ледниковый центр. Правда этого предположения блестяще подтвердилось во время экспедиции 1897 года.

Это путешествие было самое продолжительное по срокам и богатое по открытиям. Удалось достичь главной цели экспедиции - были исследованы северные и восточные склоны г. Белухи, а также истоки р. Чеган-Узун и Чуйских белках. Члены экспедиции сумели подняться до истоков р. Кочурлы, но обстоятельства сложились таким образом, что эта река была исследована только во время путешествия 1899 г.

После неудавшейся попытки исследовать р. Кочурлу, путешественники переместились к Ак-Кемскому озеру и леднику. Четыре дня посвятил В. В. Сапожников изучению и фотофиксации природы этого района. Среди снимков особо можно выделить:

1. Прорыв р. Ак-Кем через морены.

2. Вид на Ак-Кемское озеро.

В. В. Сапожников не переставал удивляться первозданной красоте Алтая, его поражала природа р. Аргут, долина которой располагалась в узком ущелье, и обрыв к реке доходил до тысячи метров и более. В подборке фотографий, изготовленных Сапожниковым для Барнаульского музея, можно увидеть несколько снимков р. Аргут и ее притоков: Иедытема, Бортулдага, Канра. В это же путешествие был открыт ледник Талдуринский и 7 ледников в истоках р. Калгуты. Восемь дней отдано изучению, фотофиксации Берельского, Катунского, Черного ледников. Впервые проведена фотофиксация Тайменьего, Мультинских озер, за свою уникальность объявленных сегодня памятниками природы.

Каждая последующая экспедиция открывала неизвестную страницу в малозученной тогда географии Горного Алтая. Не была исключением и экспедиция 1898 года, в результате которой В. В. Сапожников закончил работу по изучению ледников в Чуйских белках, провел их фотофиксацию.

На протяжении трех экспедиций 1895—97-98 гг. В. В. Сапожников уделял внимание изучению г. Белухи с ее ледниками. В 1895 году, обойдя крутой ледопад Восточного потока Катунского хребта, поднялся на высоту 2850 м, дальнейшее движение было остановлено вторым ледопадом. В 1897 году экспедиция, изменив маршрут, подвигалась несколько выше, до вершины Раздельного гребня, до высоты 3000 м. И вот победа, 19 июля 1898 года, снимок на память, участники экспедиции первыми в истории освое-

Восхождение на седло г. Белухи. 1898 г.

ния Алтайских гор поднялись на седло г. Белухи - 4050 м. Без сомнения, это было самое знаменательное событие в жизни исследователя.

И последнее путешествие 1899 г., снимки которого вошли в общую подборку фотофонда Сапожникова, также было богато интересными открытиями. Ученый повторно поднялся к истокам р. Кочурлы и подробно описал Кочурлинское озеро, составил его план, определил высоты окружающих вершин, сделал снимки. Исследовавшим Кочурлинского ледника ученый закончил изучение г. Белухи и ее ледников.

Полученные материалы были использованы им при подготовке плана ледников г. Белухи.

За четыре путешествия по Алтаю В. В. Сапожниковым были изучены, описаны и запечатлены ледники г. Белухи:

1. Ледник Геблера (Катунский).
2. Черный.
3. Мюшту-Айры (Кочурлинский).
4. Родзевича (Ак-Кемский).

Ледник Геблора, г. Белуха, к. XIX в.

5. Мен-Су (Иедыгемский).

6. Берельский.

Для исследователя характерная черта - наблюдательность, сопоставление фактов и происходящих явлений. Изучая ледники, В. В. Сапожников сделал вывод, что они (ледники) "...представляют ничтожные остатки предшествовавшего оледенения" (13). Открывая новые ледники, исследователь старался сохранить местные названия, по названию вытекающих рек. Отсюда двойные названия ледников.

В. В. Сапожников одним из первых оценил широкие возможности работы с фотоаппаратом - им была проведена фотофиксация всей долины реки Катунь, причем, по словам самого исследователя, для удобства работы со снимками пройденный путь разделен на три части: верхнюю, среднюю, нижнюю. "Катунь была пройдена Сапожниковым на всем ее протяжении в 600, примерно, верст, за исключением одной небольшой теснины" (14).

Побывав в самых недоступных местах, В. В. Сапожников провел фотофиксацию р. Катунь и ее обширного водосборного бас-

сейна. И как результат - более 100 снимков. Среди этих уникальных снимков можно особо выделить:

- восток р. Катунь из ледника Геблера;
- водопад Рассыпной;
- р. Чуя - правый приток р. Катуня.

В данной статье дано краткое описание музейной фотоколлекции путешественника, исследователя В. В. Саложникова.

В 1994 г. исполняется 90 лет с момента поступления снимков в музей, ранее не экспонировавшаяся коллекция будет представлена на выставке "В. Саложников и Алтай".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. П. П. СИШКИН. Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии. Академия наук СССР, 1938. Т. 1. - С. 22.
2. В. В. САЛОЖНИКОВ. По Русскому и Монгольскому Алтаю. Москва 1949. (Сокращенное издание под научной редакцией и с комментариями В. В. Обручева.). С. 34.
3. АКЖМ. Книга почетных посетителей. Л. 4.
4. Отчет Совета Общества любителей исследования Алтая за 1897 г. Барнаул. 1898. С. 19.
5. Краткий очерк 10-летней деятельности Общества любителей исследования Алтая (1891-1901). Барнаул. 1903. С. 8.
6. Алтайский сборник. т. XII. Барнаул. 1930. С. 88.
7. ГААН, ф. 140, оп. 1, д. 12, л. 138.
8. Отчет Алтайского подотдела за 1903 г. Барнаул. 1904. С. 25.
9. Отчет Алтайского подотдела за 1904 г. Барнаул. 1905. - С. 23.
10. Приложение N 2 к отчету подотдела за 1904 г. Список фотографических снимков, находящихся в коллекции музея Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества к 1 января 1905 года (с 54 по 408 - перечень снимков В. В. Саложникова).
11. Отчет Алтайского подотдела за 1904 г. Барнаул. 1905. С. 30.
12. АКЖМ, ф. р-7, оп. 1, с. 54.
13. В. В. САЛОЖНИКОВ. По Русскому и Монгольскому Алтаю. М. 1949. С. 230.
14. Там же, С. 15.

Попова

Н. В. ПОПОВА

КОЛЛЕКЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОДЕЖДЫ В ФОНДАХ МУЗЕЯ

Коллекция крестьянской одежды русского населения Алтай складывалась в 20-80 гг. XX в.

Самые ранние поступления можно отнести к 20-30 гг., точные сведения, к сожалению, отсутствуют. Среди первых предметов старообрядческие женская и мужская рубахи из холста, богато украшенные вышивкой, датируемые второй половиной XIX в. Несомненно, что они являются "золотым" фондом нашей коллекции.

Основу фонда составляют полевые материалы, собранные в экспедициях по Кытмановскому, Петропавловскому, Тогульскому, Красногорскому, Залесовскому, Чарышскому, Троицкому, Тюменцевскому районам края в 70-80 гг.

Наиболее удачной оказалась одна из последних экспедиций в Троицкий район (1991 г.). Порадовала работников музея встреча с жительницей с. Хайрюзовка Скибой Анисьей Гавриловной (1910 г. р.). В ее заветном сундуке лежали трубки с неотбеленными холстом и пестрядью, сатиновые и ситцевые "парочки" (юбка с блузкой), бархатный сачок (верхняя женская одежда), изготовленные в 20 гг. Особенно хороша розовая сатиновая "парочка", отделанная кружевом, шитая в 1928 г. к свадьбе. Предметы переданы в музей. Часть материала поступила от дарителей. Так, в 1990 г. коллекцию пополнил дар фольклорного коллектива "Песнохорки" из г. Барнаула (худ. рук. Абрамова О. А.). Переданные предметы собраны в период экспедиций по Алтайскому, Солонешенскому, Ключевскому районам края и Змряновскому району Восточно-Казахстанской области (бывшая территория Алтайского округа) в 70 гг.

Музейное собрание включает преимущественно крестьянскую одежду конца XIX - начала XX в. Всего 125 предметов одежды, в том числе: 13 женских рубах, 5 сарафанов, 15 юбок, 14 кофт, 2 нарукавника, 5 мужских рубах, 2 штанов, 25 поясов и др. В основном предметы женской одежды.

В небольшой по размерам коллекции представлена как традиционная крестьянская одежда (сарафанный комплекс), так и крестьянская одежда, заимствованная от городской культуры (юбка с кофтой).

Целью данного сообщения является описание наиболее ценных предметов традиционного женского костюма старообрядческого населения (старообрядцев).

На рубеже XIX-XX вв. основу женской одежды старообрядцев Алтайского округа составляет традиционный сарафанный комплекс, включающий рубаху, сарафан, пояс, передник и сложный головной убор.

Писатель Гребенщиков Г. Д., описывая старообрядцев с Шемонаихи начала XX в., обращает внимание на живописность одежды: "полянки в летние праздничные дни представляют из себя грандиозное зрелище по своей живой пестроте. Вся площадь усеяна живыми движущимися красными, синими, желтыми, голубыми и другими яркими цветами" (1). Алтайский округ оставался одним из немногих районов, где носили традиционную одежду. Перейдем к рассмотрению основных элементов одежды, используя музейные сборы.

В коллекции - пять полковых рубах общеславянского типа. Они выполнены из домотканного льняного полотна и ситца. Все рубахи составные: верхняя часть - "рукава", нижняя - "становина". В трех рубахах становина отсутствует. Датируются второй половиной XIX в. - 30 гг. XX в.

Самую раннюю рубаху (оф 91) без становины можно отнести ко 2-й половине XIX в. Сшита на руках из белого холста с древней формой рукава - "кулем" - из двух прямых неровных полотен; "полянки" (прямоугольные вставки на плечах, соединяющие переднее и заднее полотна) из кумача, соединены с рукавом при помощи полосок белого кружева ручной работы. По горловине - боры, набранные на прямую нитку, воротник - узкая стойка. Рубаху украшает богатая и сложная вышивка, расположенная на плечах, по вороту, низу рукавов и соединительным швам, выполненная в бело-красных тонах в технике набором или крестом. Орнамент геометрический. К сожалению, информация о месте изготовления отсутствует.

Подобные рубахи бытовали у старообрядцев - "поляков" *, в конце XIX в. вытесняются другими формами, в которых меняется

* "Поляки" - русские староверы, проживавшие на территории Польши до прихода в Алтайский округ во II половине XVIII в.

материал, крой, упраздняется вышивка. Исследователь Швецова М. В., посетившая "полячек" Змеингорского округа в конце прошлого века, отметила, что "холщовые вышитые рубахи так же вышли из употребления, и женщины даже на работу надевают рубашки, верхняя часть которых и рукава шьются из ситца, и только нижняя часть - "стань" - сделана из холста" (2).

Согласно общепринятой классификации, в коллекции представлены основные типы сарафанов: косоклиный и круглый. Выполнены из разных материалов: холста, ситца, сатина, шелка. Датируются концом XIX - 50 гг. XX в.

Наиболее архаичный косоклиный с. сарафан (оф 14666 - 1) - дубас - из домотканного холста черного цвета. Сшит на руках из трех прямых полотнищ: два спереди, соединенные швом, одно сзади; по бокам вставлено по одному большому клину, доходящему до лямок, между прямым полотном и клиньями - маленькие клинышки. Спинка вырезана из одного куска с задним полотном; проймы отделаны узкой полосой ткани красного и желтого цветов. Сарафан на подкладе. Длина 112 см, ширина по подолу 380 см. Датируется концом XIX в. Сарафан из с. Глазырино Тогульского района, поступил в музей в 1982 г.

В конце XIX в. подобные сарафаны носили в основном пожилые женщины и чаще всего на моление. На смену косоклиному сарафану приходит круглый: "косоклинные" сарафаны - "дубасы" - заменились обыкновенными русскими сарафанами со сборками сверху; шьются они из пестрого ситца ярких цветов" (3).

Необычайно красив кошенный сарафан (оф 14771 - 3) с "рукавами" (парочка) из ситца в коричнево-желтой гамме, датируемый началом XX в. Его можно отнести к переходной форме от косоклиного к круглому.

Сарафан обычной для старожилы Верхнего Приобья конструкции - спереди и сзади прямые полотна, по бокам клинья, обращенные кошеными срезами к спинке. Спинка несколько длиннее переда и образует небольшой "хвост", на груди и спинке боры. Всего на его изготовление пошло пять полотен. Грудь и спинка украшены вышивкой, выполненной в технике "по борам", в отделке использованы тесьма (вьюнчик) и машинное кружево. Сшит на машинке. Длина 108 см, ширина по подолу 232 см. По ряду элементов - крою, вышивке - сарафан близок к бухтарминскому типу, по другим - использование в отделке вьюнчика - к "поляцким".

Праздничные сарафаны бухарминских крестьянок
(из коллекции АКМ) в. XIX - в. XX в. в.

Необходимо отметить, что "рукава" в комплекте с сарафаном шиты полностью на руках. По-видимому, это можно объяснить тем, что для крестьянского мировоззрения характерно особое отношение к рубахе, которая "ближе к телу", чем сарафан, поэтому для ее изготовления применяется более архаичная технология.

"Парочка" досталась дарительнице Коротковой Т. Г. из г. Барнаула от бабушки Мякушевой А. П. (1886-1940 гг.) - жительницы с. Большая Речка Бухтарминской волости. Была шита для приданого. Передана в музей в 1986 г.

Сарафан подвязывали поясом, искусно вытканым из разноцветной шерсти, льна, с кистями или бахромой на концах. Он был обязательным элементом женского костюма. В начале XX в. данную традицию полностью сохранили только старообрядцы, ее остатки можно проследить вплоть до наших дней. Пожилые старообрядцы из с. Уривка Тюменцевского района подвязывают тканый пояс на моление.

В музейном фонде 21 пояс, выполненный из домашней шерсти, льна и гаруса, шириной от 2 до 8 см, длиной до 320 см. По способу изготовления пояса делятся на тканые и вязаные. Орнамент строго геометрический, с преобладающим мотивом в виде ромбов, крестов с крючьями, полос, елочка. Отдельно можно выделить именные, с буквами. На таких поясах чаще всего вытканы имена мастериц, владельцев, поговорки.

Очень наряден праздничный пояс (оф 15699 - 2), тканый из гаруса четырех цветов: черного, малинового, желтого и голубого, переданный жительницей с. Уривка Тюменцевского района Архиповой К. В. (1898 г. р.). Ширина 4 см, длина 210 см. На поясе текст: "Хитрая моя работа подарить мне вас охота кого люблю того дарю люблю сердечно дарю навечно" (орфография подлинника). На поясе кроме текста соларные знаки. Концы венчают пышные кисти длиной 15 см, выполненные из разноцветной шерсти.

Более строго выглядит пояс (оф 14771 - 2) из с. Большая Речка бывшей Бухтарминской волости. По фиолетовому фону идет оранжевый текст: "1880 года 28 января дня сочиняется сей пояс крестьянке Парасколье Ивановне жене Овдохима Мекушева". Слова даны с разбивкой, состоящей из ромбов и соларных знаков, по краям узкие многоцветные дорожки. На концах пышные кисти.

Не менее красивы пояса бухтарминского типа, выполненные в более сдержанной манере, как правило двухцветные.

Примером может служить красно-белый пояс (оф 15598 - 2) из с. Сибирчиха Солонешенского района, начала XX в. Тканый из льна и шерсти на краснах, шириной 7,5 см, длиной 318 см. Узор рельефный, двухсторонний, геометрический: ритмично повторяющийся ромб со свастикой внутри. Для образования клеючков по краям пояса пропущена узкая голубая дорожка. Концы обрамляет короткая бахрома.

Женский костюм дополнялся передником. На Алтае кроме фартука девушки и молодухи носили "нарукавники" - фартук с рукавами, закрывающий верхнюю часть спины, которые надевали поверх сарафана. Будничные шили из холста, выходные - из покупных тканей.

"Нарукавники" (оф 15524 - 5,8) в нашей коллекции из сел Тургусун и Снегирево (Бухтарминской волости), датируются 20-30 гг. XX в. Сшиты из машины из кумача и сатина, покроем одинаков: перед из двух полотнищ, соединенных вместе, внизу волан, верхняя часть пришита к кокетке, в центре которой прямоугольный вырез для головы. Рукав широкий из прямой полосы и клина, присборен внизу, на манжете. Для отделки использована вышивка, выполненная гладью и крестом (на груди, верх рукава), промышленное кружево, полосы цветной ткани. Кокетка и низ на подкладке.

Женский костюм был бы не полон без сложного головного убора, состоящего из нескольких предметов: самшур, кокошника, позатыльника и платка. Правда, в таком полном наборе его можно было увидеть только в праздничные дни. В начале XX в. он становится редкостью.

Мы можем представить только один "поляцкий" головной убор, состоящий из кички (самшур) и кокошника (оф 15524 - 3), датируемый началом XX в. Поступил из с. Сибирчиха Солонешенского района.

Кичка сшита из красного ситца в крапинку. Лобная часть высотой 6 см состоит из пяти жгутиков из холстины; пропитанные жидким тестом, они образуют жесткий каркас. Макушка убора выполнена из полоски ткани, собранной снизу и сверху с отверстием по центру. Кичку впервые одевали во время свадьбы, замужняя женщина носила ее всегда под платком.

Кокошник выполнен в виде круглой шапочки из синей хлопчатобумажной ткани с твердым очельем, расшитым золотой тесьмой, на подкладке. В праздничные дни женщины надевали на

кличку кокошник, сзади подвязывали позатыльник, сверху платок. Кроме того, "поляки" любили украшать головной убор цветами, они были завершающим элементом костюма: "... цветы на головах, милостивые цветущие лица девушек, яркие колера одежды - все это гармонирует одно с другим и не режет глаза, составляя художественное целое с зеленой лужайкой" (4).

Небольшая коллекция нашего музея несет определенную информацию о традиционном женском костюме старообрядцев Алтайского округа, особенно "поляков", конца XIX - начала XX в. и несомненно является источником изучения для исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГРЕБЕНЩИКОВ Г. Д. Река Уба и убийские годы // Алтайский сборник. Барнаул. 1912. С. 21.
2. ШВЕЦОВА М. В. "Поляки" Змеиногорского округа. Зап. ЭСОРГО, Омск. 1898. кн. 26. С. 31.
3. Там же. С. 31.
4. Там же. С. 34.

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА В ФОНДАХ АЛТАЙСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В течение многих лет в музей поступали материалы участников Великой Отечественной войны, переданные самими фронтовиками, их родственниками, знакомыми. Создавались личные комплексы сдатчиков, в которых хранились и фронтовые письма - яркие, живые документы военного времени. Общеизвестно, что изложение факта участником событий или его очевидцем по горячим следам непосредственно по происшествии и описание того же события в воспоминаниях, составленных какое-то время спустя, имеют разную историческую ценность. Поэтому фронтовые письма, без сомнения, можно отнести к одной из наиболее информативных групп музейных коллекций.

До недавнего времени фронтовые письма, хранящиеся в фондах АКМ, не были выделены в специальную и самостоятельную коллекцию. Возможно, поэтому они недостаточно изучены, мало известны исследователям, не в полной мере использовались в самом музее.

В настоящее время письма военных лет систематизированы, выявлена степень их сохранности, они объединены в коллекцию, которая постоянно пополняется. Во время работы с ними встречаются трудности чисто технического характера: неразборчивый почерк, сокращение слов, опiski, грамматические ошибки, испорченные военной цензурой места. Письма, написанные карандашом полвека назад, также читаются с трудом. Есть письма недатированные, с размытыми надписями на почтовых штемпелях, но от этого они не теряют своей исторической ценности, т. к. речь в них идет о войне.

Коллекция фронтовых писем в фондах Алтайского краевого краеведческого музея представлена более чем двумястами письмами. "Наше дело правое, мы победим!" - вот лейтмотив всех писем войны. Они немногословны, предельно просты и правдивы. Под пулями и бомбами не кривят душой, не думают о форме изложения. Боец, взявший в руки карандаш, озабочен

лишь одним: донести свои думы и переживания родным и близким.

“...Сейчас я нахожусь в Новосибирске в командировке с 23.3. Получил имущество и дожидаясь своего эшелона, с которым и уеду на фронт бить и уничтожать проклятых фашистов, чтобы не было на нашей земле всякой нечисти, мешающей свободно процветать нашему многонациональному народу. Наконец-то выпало на мою долю счастье быть участником Великой Отечественной войны”. Это из письма Шуклина Илья Захаровича от 31.03.42 г. В музее хранятся восемнадцать его писем (подлинников), написанных им за период с июля 1941 г. по июль 1943 г., и 28 ксерокопий с писем, хранящихся у его родственников. Все они адресованы родителям Шуклиным З. И. и М. Г., г. Ойрот-Тура, ул. Бийская, 10. В них - последние два года жизни героя: летний военный лагерь после поступления в Томское артиллерийское училище, благодарности за отличное учение, принятие присяги (письмо от 11 сент. 1941г.), фронт - ранение - фронт, вступление в партию. В письмах от 17 мая и 14 июня 1943 г. он сообщает, что награжден двумя орденами Красной Звезды и медалью “За оборону Сталинграда” и получил именные часы с надписью: “За нашу советскую Родину в день 25-й годовщины РККА Шуклину И. З. от ЦК ВЛКСМ”. В своих последних письмах Илья Захарович сообщает родителям о подаче документов на присвоение ему звания Героя Советского Союза (Указ от 26 октября 1943 г., посмертно). Похоронен в Святогорске Донецкой области.

Вместе с письмами с фронта здесь же хранятся письма-благодарности родителям Шуклина И. З. по поводу героического подвига их сына от комсомольцев Ойрот-Туры, от коллектива сельхозбанка (Усть-Кокса) и др.

Тридцать девятью письмами представлена переписка Цимбадей Матвея Семеновича с женой Лидией Степановной Шиловой и сыном Юрием, длившаяся с декабря 1941 г. по декабрь 1944 г. Матвей Семенович (1901 г. р.) воевал в составе 87-й кавалерийской дивизии, сформированной на территории Алтайского края. После войны жил и работал в Барнауле. Письма с фронта шли по адресу: г. Рубцовск, Мельничный, 52.

На Воронежском, Волховском, Степном, 1-м и 2-м Украинских, Калининском фронтах сражался наш легендарный земляк Герой Советского Союза военный летчик Гузькин Иван Тихонович (1923-1945 гг.). В течение трех лет с июня 1941 г. по август

1944 г. в дом по ул. Профинтерна, 55 кв. 8 Гулькину Тихону Васильевичу шли письма от сына. К сожалению, только 7 писем И. Гулькина с фронта хранятся в музее. "Война, сам знаешь, делается в первую очередь руками солдат... - писал он 24.X.44 г. - Солдат на войне расходует силы, здоровье, нервы, жизнь. Я уже больше половины всего этого потерял, осталась в моем распоряжении сама жизнь... Я бью немецкие танки, артиллерию, пехоту, автомашины и т. д. Но в это время и меня бьют. Это зенитная артиллерия всех калибров. Это истребительная авиация противника. Это танки из своих современных пушек, пулеметчики, автоматчики, противотанковые ружья. И это каждый раз опасность упасть в руки противнику страшнее самой смерти. А так было у меня 170 раз..."

4 марта 1945 г. капитан И. Т. Гулькин погиб при выполнении боевого задания. На его счету 170 боевых вылетов, 3 сбитых вражеских истребителя, 26 сожженных танков, 112 разбитых автомобилей с пехотой и грузами, много другой техники и живой силы противника.

В средствах массовой информации время от времени вспыхивают жаркие перепалки по поводу того, что же стало главной причиной стойкости советского солдата: боевой дух или введенные сталинскими приказами заградотряды, штрафроты, приказы с угрозами беспощадной кары за отступление, бегство, паникерство, сдачу в плен. Ответ дан всей объективной картиной войны, отмеченной огромным взлетом патриотизма, подъемом духа, массовым героизмом и добровольчеством. Это весьма характерно для таких войн - отечественных, освободительных, справедливых.

"Еду на фронт, пишу в вагоне в г. Омске. Выехали из расположения 30.01.43 г. ...Если придется умереть, то умру героем. Не может быть, чтобы я был последним". Это строки из письма выпускника Рубцовского военного училища Баталова Александра (1923-1944 гг.). Около 80-ти его писем, написанных матери П. И. Баталовой в Змеиногорский район с 1942 по 1944 гг., поступило в фонды музея в начале 1993 г. Именно они - единственный источник сведений о нашем земляке: ушел на фронт в звании сержанта, командовал отделением, был ранен, лечился в госпиталях, награжден медалью "За отвагу", орденом Красной Звезды. "Буду бить фашистов по-гвардейски, по-сибирски", - писал Александр матери после первого боя. Свои последние письма он подписывал

так: "... Гвардии старший лейтенант..." Место и время гибели Александра Баталова не установлено.

Неоправимо и непростительно упущена в нашей стране работа по установлению судеб пропавших без вести военных. Директив об "упорядочении учета безвозвратных потерь" издано немало. Но сделано для этого, к сожалению, далеко не все. До сих пор в стране нет единого координационного центра по розыску не вернувшихся с войны. Поисковая работа переложена по существу на самостоятельных следопытов да родственников павших, каждый из которых действует по своему разумению и своим возможностям. (Работа по УЧЕТУ погибших и пропавших без вести должна завершиться изданием "Книги памяти", которая выйдет в 1995 г. к юбилею Победы).

Более полувека пролежал в земле солдатский медальон барнаульца Костюкова Федора Федоровича, пропавшего без вести в боях под Ржевом в 1942 году. Ржевско-Вяземский выступ - самое страшное место Великой Отечественной войны. Бои здесь начались зимой 1942 г., упорные, затяжные. Дрались буквально за каждый метр нашей земли. А после войны весной поля под Гжатском не один еще год белели солдатскими костями.

В 1988 году в районе прежних боев работала поисковая группа "Шапкино" под руководством Борзова И. И. Найдены десятки солдатских медальонов, и лишь в немногих из них сохранились адресные ленты. Среди них вот эта: "Костюков Федор Федорович, рядовой, 1908 г. р., г. Барнаул, Октябрьский р-н. Жилплощадка, дом 34 кв. 38". На солдатских треугольниках, которые отправлял боец с фронта, адресат тот же: "Костюкова Таисья А.; г. Барнаул, Жилплощадка, дом 34, кв. 38.". В письмах-забота о близких, скупые строки о фронтовой жизни (письма от 6 и 10 марта 1942 г.). Это все, что осталось от солдата, да почти 50 лет неизвестности и надежды для родных.

"Останки Вашего отца нашли мы в мелком небольшом окопчике, совсем близко от немецких основных позиций, метров 40-50, - пишет руководитель следопытов сыну Костюкова Ф. Ф. Александру Федоровичу. - Сейчас это место заросло лесом. На участке 200 метров - 50 человек... Окопы многократно переходили из рук в руки: наше и немецкое железо - вперемежку".

"Русские не похожи на людей, они сделаны из железа, они не знают усталости, не ведают страха, не боятся огня", - так записал в дневнике один из гитлеровских солдат под Сталинградом. У не-

го были основания для такого заключения. Наши воины действительно выдерживали сверхчеловеческое напряжение, являя мужество самой высокой пробы. Но это наблюдение все-таки поверхностное. Самое существенное состоит в том, что они, наши воины, и были при этом настоящими людьми. С высокими помыслами, благородными сердцами, нежными чувствами. Разве могло бы в ином случае в перерыве между боями родиться вот такое письмо: "Дорогая Катя! Я живу все по-прежнему, т.е. по-старому занимаюсь боевой работой. Сегодня после короткого отдыха я вышел на палину, которая находится под постоянным обстрелом. И вот там, несмотря на все бомбежки и артиллерийский обстрел, существует жизнь. Эти цветы, несмотря на все, угрожающее их жизни, растут, они хотят жить, они борются за свое существование, они воюют вместе с нами, их фашистская бомба не берет. Посылаю тебе этот скромный боевой букет цветов, взятых на поле брани. ... Мы очень часто вспоминаем о вас, женах и детях, каждый говорит, какие вы переносите трудности в тылу. Я могу хоть возле самолета в товарищеском кругу отдохнуть. Я представляю, как тебе приходится тяжело переносить непривычный физический труд, но чем я могу тебе помочь, не знаю. Я с удовольствием бы перенес всю тяжесть на себя, только бы было легче тебе. Ну пока, я сейчас иду снова в ночной рейд. Передавай привет родителям. Крепко-крепко обнимаю и горячо целую тебя и дочь. Твой Коля. 28.6.43." (Грамматика и стиль сохранены).

Эти сорванные на поле боя полевые цветы разрастаются до размеров символа, когда размышляешь о причинах "прекрасного безумия" и "бессмысленного избытка мужества" наших солдат на фронтах Отечественной. В них соединилось и отразилось все то святое и справедливое, все хрупкое и незащищенное, за что проливали они свою кровь.

Страшным грузом легла война на плечи женщин, работающих в тылу, растивших детей и вместе с мужчинами защищавших страну на фронте. Мир еще не видел такого массового участия женщин в вооруженной борьбе и такого героизма, который показали они в годы Великой Отечественной войны. Только за 1941 г. 1377 тружениц промышленности, сельского хозяйства и учреждений края овладели специальностью медицинских сестер и ушли на фронт. То, что мы сейчас называем героизмом, тогда было поступком честных людей. Это письмо написала Леонова М., операционная сестра, ушедшая на фронт в составе

Жертковский Н. Е. (справа), 1912-1943, военный летчик, капитан.
г. Крестцы, госпиталь, март, 1942 г.

Письмо Жертковского Н. Е. с фронта. 1943 г.

107-й (5-й гвардейской) дивизии. Оно адресовано Актипиной Т., старшей операционной сестре 463-го медсанбата 372-й стрелковой дивизии. Оба соединения формировались на территории Алтайского края. "За время войны, особенно в первые месяцы, пришлось пережить многое. Много было хорошего и много плохого, особенно при работе в МСБ (медсанбате). ...Мы с Тоней Чернышовой считаемся Барнаульской бригадой усиления: как только большой наплыв работы, мы с ней работаем самостоятельно, обработки иногда проходят без контроля врача. Я теперь смело делаю ампутации плеча, голени, бедра, не говоря уже о пальцах. А в первые дни и месяцы работы средний медперсонал ведь никто не умел делать даже переливание. Нас с Тоней Чернышовой просто разрывали на части: нужно было учить и операционному делу, и везде с переливанием.

... В настоящее время я продолжаю работать над собой, неплохо стреляю из револьвера, винтовки и пулемета. По медицинской части тоже работаю, учусь. На конференции сестер уже делала в санотделе 3 лекции: "О аэробной инфекции", "Организация операционно-перевязочного блока" и "Переливание крови". Сейчас готовлю тему: "Лечение огнестрельных ран". На днях буду докладывать. Вообще все свободное время посвящаем повышению своих знаний. Работа госпиталя несколько отличается от МСБ. В медсанбате интересней было работать, но ничего не поделаешь. Я ведь после контузии была глухая некоторое время, а сейчас - ничего, все в порядке".

Письмо написано на двойном тетрадном листе бумаги, сложено вчетверо, отправлено в конверте или передано через знакомых.

Среди писем есть письма-благодарности командования воинских частей, в которых воевали наши земляки, правлениям колхозов и родным за безупречную службу бойцов. В разное время шла с фронта письма от однополчан воинов с Алтая с сообщениями об обстоятельствах их гибели: Сигиды В. И., 1943 г., Фурцева М., 1944 г., Радогина, 1944 г., Грекова П. Н., 1943 г., Коробейниковой Р., 1944 г., Каменева П., 1945 г. Письмо с сообщением о гибели Каменева П. пришло из Берлина.

Хранится в музее и переписка фронтовиков. С Карельского фронта из района боев на р. Свирь написал своему фронтовому другу Клыкову Ю. Г. Енин И. - о фронтовой жизни, однополчанах, другие письма.

По схеме, рекомендованной главным архивным управлением, составлена опись фронтовых писем: номер по порядку, инвентарный номер единицы хранения, краткое содержание единицы хранения (в данном случае: письмо...), дата, количество листов, примечание (сведения о сохранности, об авторе письма). Такая опись дает возможность работникам музея и исследователям свободно ориентироваться в данной коллекции и более эффективно ее использовать.

ПУБЛИКУЕТСЯ
ВПЕРВЫЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ К. П. ПЕРЕТОЛЧИНА

Имя Константина Павловича Перетолчина известно на Алтае весьма узкому кругу краеведов. Между тем человек этот, его дела, несомненно, достойны благодарной памяти потомков.

К. П. Перетолчин родился в декабре 1873 г. в Иркутске. После окончания в 1899 г. промышленного училища стал студентом Петербургского лесного института. Был удостоен Большой золотой медали института за научное исследование. Выпущен осенью 1903 г. со званием ученого лесовода первого разряда и направлен в Алтайский округ. Лесоустроительной деятельности на Алтае отдал четверть века, проявив себя эрудированным и исключительно преданным делу специалистом. В 1933-1943 гг. работал в Барнаульском естественно-историческом музее. По сути дела, воссоздал отдел природы, находившийся в состоянии упадка. Кроме того, составил инвентарные книги по всем фондам музея, с паспортами. После переезда в Тюмень в 1944-1948 гг. трудился в тамошнем музее, где провел каталогизацию библиотеки (14 тыс. томов), составил библиографический указатель краеведческой литературы, получивший высокую оценку специалистов. Летом 1948 г. вследствие ухудшения здоровья переехал к родственникам в Бийск, где и умер в 1957 г.

Публикуемые ниже воспоминания К. П. Перетолчина - о приезде из Петербурга в Барнаул в начале 1904 г., первых впечатлениях о городе и Алтайском округе - являются собой небольшой фрагмент из его обширных мемуаров. Написаны они были в Тюмени и Бийске в 1946-1949 гг. и хронологически охватили почти весь жизненный путь автора. Мемуары хранятся в личном фонде К. П. Перетолчина в Алтайском краевом краеведческом музее (ф. Р-3, оп. 1, дд. 2, 3; рукописный подлинник и машинописная копия). К ним для удобства исследователей работниками музея составлен именной указатель.

При подготовке текста к опубликованию возникли трудности, связанные прежде всего с тем, что в рукописи в одних случаях абзацы трудноразличимы, в других - автор выделением абзацев

несколько злоупотребляя. Поэтому часто приходилось в определении границ абзаца исходить из соображений целесообразности. Орфографические, синтаксические и механические ошибки, допущенные К. П. Перетолчиним, в данной публикации исправлены без специальных оговорок; не общепринятые сокращения раскрыты в угловых скобках; слова, следующие по смыслу, но пропущенные автором, восстановлены в квадратных скобках. Остальные особенности оригинала сохранены.

А. А. КОЛЕСНИКОВ,
научный сотрудник АЭКМ.

Мы подъезжали к Ново-Николаевску или ст. Обь. Здесь выяснилось, что багаж наш следовал до ст. Кривошеиново, а мы едем до Ново-Николаевска! Между этими станциями несколько верст и они на разных берегах Оби.

Поезд в Кривошеиново стоит несколько минут! Надо успеть получить багаж, а то мы останемся без него. Возмущение и целая сумятица; прошу проводника - он успокаивает меня, что успеем, а поезд уже дает свисток после третьего звонка... Но, наконец, кое-как багаж получили, но большой сундук не вошел в вагон и мне пришлось ехать с ним на площадке в мороз! Памятен мне этот сундук. Но всему бывает конец. Мы в Ново-Николаевске. До Барнаула трактом 280 верст. Здесь существовала у ямщиков "веревочка" - это значит ямщики друг другу передают пассажиров на вольных лошадях. На земской тогда не ездили. Нам рекомендовали хорошего ямщика, у которого кони и кошева первый сорт. С каким удовольствием мы поехали в кошеве на хороших лошадях с "вадайскими" колокольчиками! Кони как львы несут; дикой ямщик весело покрикивает на лошадей! Мне в первый раз пришлось так ехать и ей понравилась сибирская езда, после железнодорожного "хуритника" вагона.

Мы ехали 3 января 1904 г.; мороз был изрядный, но мы укрыты в глубокой кошеве и нам было тепло. Так мы ехали до ст. Койновой. Дело было под вечер, начался буран; ямщик не советовал нам ехать дальше; предлагал ночевать, но мы спешили к сроку и потому решили продолжать путь. Нам запрягли лошадей и дали ямщика - старика лет 80.

Выехали мы из деревни; буран все усиливался и усиливался; проехали поскотину. Скоро в чистом поле не стало видно ни зги. Кони сблизь с дороги, завезли нас в сугроб и стали... Ямщик наш совсем застыл. Я вылез из кошевы, чтобы поискать дороги, и провалился в сугроб по пояс и едва выкарабкался из снега. А буран все дует и крутит снег, наша кибитка на глазах засыпается снегом. Темно, совсем ночь непроглядная. Что делать? Неужели моя родная Сибирь манила нас на погибель?

Старик ямщик совсем околел и еле смотрит через забитые снегом глаза; говорить он уже не может. Попробовал я последнее

средство. Кое-как я повернул лошадей из сугроба и предоставил им самим найти дорогу. Умные животные не обманули меня. Через каких-нибудь четверть часа они подвезли нас к покотвине деревни, оказалось той, из которой мы выехали! Хозяин лошадей попенял мне за то, что я не послушал его и не переждал ночь. Старика ямщика сняли с козел полуживого. Я дал ему стакан спирта и он благополучно отогрелся на печке.

На следующий день мы продолжали путь, но тут под Барнаулом, ночью, нас застал опять буря. Мы ехали по реке Балдину, протоке Оби. Темно. Вдруг наши лошади провалились в ледяную яму и так сильно, что выбраться никак не могли, кругомничкого. Я с ямщиком не можем помочь выбраться лошадям... Ямщик говорит, что здесь поблизости есть займка и предложил "сбежать" туда. Он "побежал", а мы остались ждать. Однако это "сбежать" стоило нам два часа на ветру при морозе. Но, наконец, спасители наши пришли и выручали нас из беды - вытащили лошадей из ямы, и мы поехали. Спасибо вам, молодцы. Даже ничего не взяли за помощь; как великодушен бывает сибирский крестьянин!

Мы в Барнауле. Ночью мы города не видели. Ямщик привез нас к гостинице Флягина. Нам предложили хороший, теплый номер, и мы, расплатившись с ямщиком и угостив его спиртом, принялись устроиваться. После столь мучительной дороги мы рады были отдохнуть в тепле. Наш номер оказался нам раем земным, а чай и закуски необыкновенно вкусными.

Мы у преддверия самостоятельной жизни. Мы вступаем в нее полные сил и надежды на будущее! О, сколько в нас было любви к людям, сколько беззаветного доверия! В каждом человеке видели только хорошее и доброе! - и как мы ошиблись во всем... Но это еще впереди, а тогда нам было незнакомо разочарование. Жизнь учит людей. Моего дядю старика однажды спросила женщина: "Вы учитесь?". "Да, - ответил старик генерал, - век живи и век учись. Я живу - значит, учусь".

III

На другой день я, облекшись в парадную форму Алтайского округа (форма у нас была красивая: сюртук черного сукна, золотые погоны и пуговицы с короной; воротник - темно-синий бархат ("алтайский"), золотой кортик на портупее; через год эту форму

изменили: кортик заменили гражданской шлягой, а вместо погон наплечные знаки, а потом - петлицы), пошел представляться начальству.

Главное управление Алтайским округом помещалось в большом деревянном доме на углу Петропавловской и Соборной площади. Весь квартал между Петропавловской и Пушкинской улицами и Демидовской площадью был застроен кабинетскими домами, лучшими в городе в то время. Вдоль Петропавловской до Подгорной расположена огромная заводская площадь, на которой стоит Барнаульский сереброплавильный завод. Очень длинное здание завода было построено по проекту знаменитого в свое время архитектора Растрелли. Заводский двор бы обнесен оградой, от которой сохранились, как остатки старины, каменные столбы времен Анны Ивановны. Против Управления А «Алтайского» о «Круга» - большое каменное здание. Народный дом - это бывшая заводская тюрьма. Рядом с Управлением помещалась аптека Округа, затем две квартиры горных инженеров. Золотосплавочная лаборатория (ныне музей). Затем чертежная земельно-лесной части, красивое двухэтажное здание с массой окон; и на углу типография А «Алтайского» о «Круга»; далее к Пушкинской - здание контроля, бухгалтерии и кассы; здесь же помещалась Кабинетская церковь Гурьевская (Дмитриевская). По Пушкинской улице были расположены длинные флигеля - квартиры служащих.

Начальник Округа жил в каменном двухэтажном доме по Московскому проспекту, а помощник его - на Петропавловской улице в каменном доме против типографии, низ которого занимал склад геодезических инструментов и чертежный архив. На Демидовской площади два больших двухэтажных здания - одно против контроля, это больница и богадельня, а второе по Пушкинской - это горное училище для детей служащих. Огромный архив (демидовский) и библиотека помещались в специальном здании у входа на заводский двор. Такова главная ситуация кабинетских построек была в мое время. Начальник округа Кублицкий - Пиоттух принимал по службе в Главном управлении, и я направлялся туда. Большой зал с востертым паркетом, увешанный портретами императоров и императриц, сразу перенес меня в обстановку столицы. У дверей кабинета начальника сидел курьер, на обязанности которого лежало докладывать о посетителях. Служащие принимались вне очереди, так что мне не пришлось долго ждать.

Огромный кабинет начальника опять завешан многочисленными портретами покойных императоров и прежних начальников Горного округа. Уставлен книжными шкафами. Большой письменный стол, английские часы и бархатный ковер дополняли убранство солидного кабинета. Кублицкий принял меня величественно, как вельможу. Он был большого роста, полный, с нерусским выговором, в вицмундире и со звездой. Долгим разговором он меня не удостоил, а передал для дальнейшего своему помощнику Розанову.

А. В. Розанов - межевой инженер по образованию, произвел на меня другое, более благоприятное впечатление. Он, как человек дела, обрисовал мне современное состояние лесного хозяйства в Округе и перспективы его в ближайшем будущем. Из его рассказа мне стало ясно, что это хозяйство находится в зачаточном состоянии, что Округ переживает начало земельно-лесного хозяйства после рухнувшего горного. После освобождения крестьян горные заводы Алтая один за другим начали закрываться. Хотя еще в 1904 году и существовала горная часть и округ именовался горным, но это было так сказать по привычке. Все горное дело сводилось к одному Гурьевскому заводу, на котором отливалось несколько печных плит и чугунов, да еще 3-4 золотиносных прииска. Штат горной части состоял из трех инженеров и нескольких мелких служащих.

От Розанова я пошел в 4-е делопроизводство, т. е. лесное. Здесь встретил старших лесничих Великолюд С. М., Гарвидт А. А., Дорошевского В. П., Буловаса А. С., Орлова Г. В., Терлецкого Г. А. Великолюд совмещал обязанности заведующего лесоустройством, и я сразу получил назначение к нему заведующим лесоустроительной партией. Так определилось мое служебное положение. Три дня мне дали на устройство домашних дел, надо было отыскать себе жилье и обзавестись необходимым хозяйством.

В Главном управлении и познакомился с переписчицей М. Г. Васильевой. Она обратила на себя мое внимание как вполне интеллигентная и весьма развитая девушка. Происходя из семьи горного инженера Васильева Г. П., эта даровитая девушка очень недурно писала стихи; есть сборник ее стихов, выпущенный под редакцией Вейнберга, "Песни Сибирячки", в которых она мило и правдиво воспеваает природу Алтая и вместе с ней рано погибшую свою любовь к одному молодому горному инженеру. Ее отец, ста-

рик 70 лет, был деспот и самодур в семье и не позволил дочери выйти замуж по своему выбору. Кончилось тем, что она осталась старой девой. Впоследствии, много лет спустя, она уже старушкой в 60 лет вышла замуж за известного публициста Потанина Г. Н., тоже старика 65 лет, и жила с ним до его смерти.

Так вот эта барышня предложила нам квартиру в доме своего отца. Дом Васильева был на Пушкинской улице недалеко от Главного управления, и потому это предложение мы приняли. Мы устроились в двух больших комнатах. Заказали мебель, кое-что купили в магазине. Здесь купцы были предупредительны к служащим кабинета и снабжали их заборными книжками из своих магазинов: бери, что угодно хоть на тысячу рублей, а деньги ждуть.

Одним словом, мы устроились хорошо. Служба начиналась с 9 часов и кончалась в 3. На это лето лесоустроительные работы ставились в Урской даче и Гавриловском бору. Мне предстояло составить проект разбивки квартальной сети, таксировки и лесоустроить эти бора. Предварительно я ознакомился с ранее произведенными здесь работами. Лесоустройство на Алтае началось с 1886 г. и велось по инструкции Тонкова Р. Н. Лесоустройство до моего приезда производилось лесничим Чагиным, Терлецким и Орловым. С моим приездом оно возложено было на меня и второго, тоже новичка, Шуневича Ф. Ф. Так что мы, два начинающих работника, приняли на себя обязанности заведующих партиями.

IV

Теперь я опишу то впечатление, которое я вынес об Алтайском округе по своим наблюдениям и рассказам местных старожила.

Округ назывался горным, но это название было лишь на бумаге, тогда как фактически из горного дела осталось полтора завода - это Гурьевский завод чугунолитейный и Барнаульский сереброплавильный да несколько умирающих приисков. Павловский, Сузунский, Локтевский и Гавриловский (заводы) давно закрылись. Я приехал к началу земельно-лесной политики.

Уезжая из Петербурга в 1903 г. на службу в Алтайский округ, я составил на основании рассказов высокопоставленных лиц иное мнение об этом. Я думал, что встречу здесь образцовое лесное и

горное хозяйства. Имена мне рисовались как культурные, вполне благоустроенные единицы. Штат служащих - соответствующим территории хозяйственных единиц. Я полагал, что охрана леса и его эксплуатация поставлены образцово... и много, много хорошего я полагал встретить в алтайских лесах... Но всего этого в них не оказалось. Лесоустройство находилось в эмбриональной стадии.

Леса представляли заведельные пространства при землеустройстве крестьян. Наиболее крупный Верхне-Обский боровой массив по всей своей кромке обрезан крестьянскими наделами без выходов на сплавную реку Обь. Ленточные боры истощены рубками, несмотря на их огромное защитное значение, а Локтевский бор благодаря поредению совсем сгинул под грудой песков, наносимых юго-западными ветрами. Последнюю сосну этого бора я видел на второй год своего приезда в Округ; торчала только вершина сосны.

Эксплуатация здесь велась тоже необыкновенно. В этом отношении надо отметить два периода: когда Округ был горным и леса служили топливом для заводов, тогда понятия о рубках лесосеками не было. Уголь выжигали в "куреньях". Было особого вида рубка - "куренная". Выбирался подходящий лесной массив и вырубался участками шириной в версту и более. Я застал конец таких рубок в устраиваемой нами Урской даче, тяготевшей к Гурьевскому заводу.

Я помню тот случай, когда вследствие производимого устройства этого бора управляющий заводом обратился ко мне с вопросом - почему лесоустроители не позволяли его рабочим произвести в Урской даче куренную рубку на несколько верст? Он был страшно поражен, когда его познакомили с правилами лесных рубок. Он ничего подобного не слышал. В результате таких беспощадных рубок Урская дача была истощена и ее весьма ценные лиственничные насаждения пошли на уголь и на крепи заброшенных шахт. Но не одна Урская дача подверглась такой хищнической рубке Горного управления. Такая же участь постигла Озерский бор; здесь от старого леса остались одни "маяки", или редкий перестой. Но хорошее возобновление здесь скрасило картину леса. Почти всюду второе поколение леса образует дачи Озерскую, Кислянскую и Кокуйскую.

Леса округа делились на боровые массивы и черневые или тайгу. Боровые в свою очередь по преобладающему типу (тогда

еще учения о типах Морозова не было) насаждений делились на бора плотные с густым травянистым покровом и бора ленточные с покровом из суклолюбов и даже мертвым. Главные массивы плотных боров были Верх-Обские бора и Нижне-Обские. Здесь сосредоточено было главное лесное богатство Округа.

Ленточные бора залегают в балках степной части Округа и имеют защитное значение, сдерживая пески,двигающиеся от Иртыша юго-западными ветрами, преобладающими в Округе. Наиболее длинными лентами будут две, которые тянутся не прерываясь от Барнаула в юго-западном направлении на Семивалатинск, где они сливаются в один лесной массив - Сро-стинскую дачу. Есть еще несколько коротких лент - Бурлинский бор, Прословухабаевский, Трезвоновский и пр. Это уже мелкие. Бора степной части Округа - Гатские Малый и Большой, Горгинный, Ключевской, Шудьбинский, Тополинский - находясь в безлесной местности, но сравнительно густо населенной, расточили свои лесные богатства и в будущем ждут реставрации. Тайга расположена на предгорьях Алтая. Она делилась на тайгу с преобладанием теневыносливых пород - пихты, ели, осины - это чернь, ею занят Салаирский хряж, бассейн Кондомы, Терси и восточная окраина Округа, бассейн Абакана, и тайгу светлую, из светолюбивых пород - лиственницы, березы. Эта тайга преобладает в южной части Алтая, в бассейне Башелака. Кедровые леса, очень богатые, были по р. Пыже, но много их погорело. Как примесь кедр встречался в дачах около Томска (Калтайская), около Кузнецка. Как остатки старины реликтовые насаждения липы встречаются у деревни Кузедеевой. Эти липняки мне впоследствии в 1935 г. пришлось осмотреть. Липа Кузедеевская отличается низким древесным стволом, она не образует типичных липняков, а дает впечатление вымирающей породы. По форме листа эта липа отличается от *Tilia**-[...]. Разбросана на очень большой площади в смеси с осиной и березой. Обращало на себя внимание варварское пользование население диком, которое дралось с деревьев беспощадно.

Неправильной эксплуатацией бора были попорчены; они были усиленно вырублены в своих кромках и вдоль сплавных рек, т. е. в местах наиболее удобных для доставки леса, тогда

* следующее слово не разобрало

как в глубине массива накопился перестой. Как образно выражал это лесничий NN, "Свечка горит с двух концов". Это заставляло делать требование кабинета: повышать доходность. Управляющие говорили: "Лесу много, на наш век хватит, а после нас - хоть потоп!" И много не думали и рубили где поближе и по выгодней...

Чернь почти не эксплуатировалась. Незначительный отпуск был местному населению и проходил через руки старшего объездчика. Эти леса считались бездоходными. Вся огромная территория Округа делилась на 12 имений. В каждом имении был управляющий и при нем помощник, смотритель, старший объездчик и несколько человек младших; все конные, да иначе и не могло быть, ибо площади объездов в борах были по 5000 - 8000 десятин, а в черневых лесах и того больше.

Старший объездчик имел поднадзорную территорию необозримую - она исчислялась в несколько тысяч десятин! Конечно, при такой площади обзора об охране леса говорить не приходится. Лес себе рос, валялся, гнил, горел сколько положено ему, без призора, а объездчик жил сам по себе, своим хозяйством, спокоен, что к нему управляющий не заглянет за дальностью пути.

Историческое прошлое, по рассказам стариков, было здесь ужасно, но тогда на леса смотрели, как на топливо горных заводов, а не как [на] объект лесного хозяйства. Горное дело находилось под управлением иностранцев, главным образом немцев, обращение которых с населением было жестоко. Государственные крестьяне селений, приписанных к заводам, находились в полном распоряжении управляющих. Произвол царя страшный. Беззащитное крестьянство терпело всевозможные притеснения обязательного труда. Кнут, плеть и страшная тюрьма - вот prerogative власти того времени! Мне рассказывал один почтенный старичок, служивший в Округе уже 50 лет, о крутых нравах древнего управления. Так, например, за какую-нибудь провинку рабочего, подвозившего в домку "калосу" для засыпки, вместе с лошастью и тачкой бросали в домну! И все это сходило с рук. Хороша также была и тюрьма. Это здание переделано впоследствии в Народный дом; в нем от старой тюрьмы осталась одна стена, на которой видны знаки прикрепления цепей для приковывания людей, как в средневековых замках.

Все это было... давно, правда, а было. Я не думал, что могу встретить, хотя и в прошлом, такие ужасы... и где - в вотчине государя, где должно бы преобладать самое гуманное обращение с народом. Я жестоко ошибся. Правда, в мое время это все миновало, но воспоминания о тех временах в народе были еще свежи. Живые люди все это вынесли на своих плечах... Мир вашему праху, безвестные страдальцы!

V

В старину, как рассказывали мне старожилы, для низших чиновников Управления мерой наказания служила розга, а легким наказанием простых рабочих служил кнут. Так как штатного чиновника пороть было нельзя, а выпороть его надо, то отдавали приказ о его предварительном увольнении, а после того породи и затем, вторым приказом, его ставили на прежнее место. И так к этому привыкли, что ни у кого не было ни удивления, ни возмущения.

Управляющий заводом держал себя неприступно. Кабинетские дома, выстроенные ему по всем правилам современного искусства, со всеми удобствами и затеями барства, комнат 10-12 хорошо обставленных, занимали большую площадь с садом. Все это было обнесено основательной изгородью. Это "поместье" в селе носило название "светлицы". Был установлен для заводских рабочих проходить мимо светлицы, снимая шапки, зимой и летом. Замеченные в непослушании подвергались наказанию розгами.

Приезд нового управляющего сопровождался деланием им визитов всем штатным служащим завода, для чего они должны быть дома и ждать его. После визита управляющего подчиненные должны отдать ответные визиты... Но управляющий принимал визитеров несколько своеобразно: в гостиной выставлялся манекен в мундире управляющего со всеми знаками отличия. И вот визитеры, раздевшись в передней, проходят в гостиную и перед манекеном воздают все свои "решпекты" - кланяются и откланиваются... Горе тому чиновнику, который этот церемониал выполнит недостаточно подобострастно, с вольнодумством! Все видит и слышит управляющий, и непочтение - отомстит. Конечно, такой прием практиковался по отношению к низшей чиновной братии.

Такое сумасбродство свойственно было помещикам, а здесь оно проявлялось не помещиками, а нередко горными чиновниками. Злоба крестьян на управляющих доходила до абсурда. Так, рассказывали мне старики про рабочих Сузунского завода, что они, не будучи в состоянии выжить свою злобу при его жизни, исполняли это после его смерти. Они вырыли его из могилы, посадили в гроб и надавали ему плюх с причитанием своих многочисленных обид и опять зарыли!

Рассказывали мне также, как в старину здесь делали кирпич. Надо сказать, что старинный кирпич был настолько крепок и прочен в постройках, что их с великим трудом разбивали ломами; искры сыпались при ударе лома в монолитную стену! Такой кирпич получали особым способом: выделка его сопровождалась периодическими телесными наказаниями до тех пор, пока кирпич не достигнет определенных качеств. В Змеиногорске крестьянам задавался "урок" - сделать определенное количество кирпича в определенный промежуток времени. Когда "урок" выполнен, то особой комиссией производилось испытание давлением на его крепость и прочность. Если от давления кирпич развалится, то работникам следует порка и повторение "урока". Если второй раз повторится то же, то порка усугубляется и т. д. Желаемая крепость кирпича зависела от субъективного взгляда работодателя, ибо никаких индексов крепости и прочности официально не было.

VI

Горные заводы были вдали от рудников; руда для них доставлялась крестьянами на лошадах. Это тоже был Сизифов труд. Доставка, например, с Зыряновского или Риддерского рудников на Локтевский или Барнаульский заводы, руды по убийственным лесным дорогам, 200-250 верст являлась делом нелегким. А между тем население это должно выполнять, ибо не повинующимся грозил кнут и тюрьма. Обратные подводы нагружались лесом для рудничных крепей. От такой жизни многие обращались в бегство. Только освобождение крестьян от крепостной зависимости облегчило их положение, и то не сразу, а только через 3 или 4 года после Манифеста.

Такое жестокое "воспитание" крестьян на протяжении столетия, конечно, породило среди них своеобразные и весьма грубые

правы, которые встречались среди горнорабочих. С падением обязательного труда падает и горное дело: заводы один за другим закрываются, остается одна Кольванская шлифовальная фабрика, примитивного устройства, которая пробывала в действии до окончания Алтайского округа, т. е. его реорганизации в 1917 г.

Кражи в древнем Округе были обычным явлением, по рассказам старожил. Несмотря [на] такие тяжелые условия труда, среди рабочих горных заводов выявлялись такие самородки, как механик-самоучка Ползунов И. И., прославившийся изобретением первой в мире двухцилиндровой паровой машины, в применении ее в воздуходувном деле при плавильных печах. До этого изобретения воздух в печи подавался мехами, которые приводились в действие вручную, где не было водяных установок, для чего назначались подростки. Подача воздуха в печи была непрерывной круглые сутки, это был непосильный труд работавшим. Ползунов, желая облегчить это дело, задумал целью изобрести такую машину, которая заменила бы ручной труд. И он изобрел. В 1766 году его машина была готова и пущена в ход. Хотя при этом Ползунов И. И. и не стало, он погиб от скоротечной чахотки, полученной им во время построения своей машины, благодаря всевозможным препятствиям со стороны начальства, но слава об этом изобретении осталась вечной. На 20 лет раньше он опередил иностранцев! А на месте как оценили его изобретение? Да никак! Несмотря [на то], что эта машина произвела большой эффект в плавильном деле. После смерти изобретателя она, проработав несколько месяцев, поломалась; исправить не могли или, вернее, не желали и ее забросили, разобрали и части раскрали. Екатерина II за это изобретение наградила Ползунова премией в 400 рублей, которых он при жизни не получил.

Второй изобретатель был Фролов. Он работал на Змеиногорском руднике. Его изобретение есть штанговая машина для отлива рудничных вод. Она приводилась в действие огромным водоналивным подземным колесом. Модель этой машины имелась в Барнаульском музее.

VII

Из старых горных служащих я застал только трех глубоких стариков NN. Все трое были уже в отставке, горные инженеры старинной горной академии в Екатеринбурге. Они отличались своей оригинальностью. Так, один имел большой каменный дом и не топил его зимой.

В огромной гостиной и в столовой царил мороз; визитеры на рождестве долго не засиживались у скупого хозяина! У него была мания скупать на базаре бычьи головы к празднику! Жил он замкнуто.

Второй оригинал имел дом в 8 комнат; жил с семьей, состоящей из жены, сына и 2 дочерей. Жизнь их была особенная. Жена вела хозяйство с одной из дочерей; он сам вел свое хозяйство отдельно и старшая дочь свое отдельно, а сын примыкал то к матери, то к сестре. Таким образом, в одной семье велось 3 хозяйства. Если у старика нет лука или керосина, то он просит жену одолжить. Все это записывалось и потом отплачивалось. Обедая готовилось - 3. Начинал обедать старик. Перед обедом он имел обыкновенные выпить 3 рюмки водки и чихнуть 3 раза, - когда этого не случится, он ходит убитым; это предвещало болезнь. Второй обед съедала жена с младшей дочерью, третий - старшая дочь одна. Прислугу никто не кормил; кухарки менялись каждую неделю. Печи топил сам старик и закрывал их с немилосердным угаром. У парадного крыльца был керосиновый фонарь. Этот фонарь старик собственноручно зажигал 2 раза в год: в Рождество и Пасху. Выезжая в гости с супругой, он нарядил ее и навешивал на нее драгоценности [из] своего дарца. По возвращении из гостей он снимал все украшения и прятал в дарец. Горе было супруге потерять какой-нибудь камень из кольца или брошки!

Но все это отжившее и погребено временем.

Мы начинали молодую жизнь и нам казалось все это дико, а вот пройдет и наше время, и наша жизнь новому поколению покажется дикостью и подвергнется злой критике.

VIII

Все это относится к отдаленному прошлому Алтайского округа. Но всему бывает конец.

С назначением начальником Алтайского округа Николая Николаевича Журина все порядки резко изменились к лучшему. Все жестокости прежнего управления и производства прекращены. Журин был весьма энергичный и справедливый начальник. Решительными мерами он боролся с веками создавшимся здесь самоуправством и лихоимством служащих, а это было не легкое дело. С глубоким уважением вспоминали на Алтае Н. Н. Журин, как справедливого начальника и реформатора. Он преобразовал Округ и облегчил труд рабочих. После него был назначен начальником Василий Ксенофонтович Болдырев, который укрепил все сделанные Журиним преобразования, прибавил к ним новых, и таким образом оба эти начальника, можно сказать, вывели Округ из тьмы производства и самоуправления на более торную дорожку полезной деятельности. Вот мои впечатления об Алтайском округе в начале моей службы в нем.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ.
КРАЕВЕДЫ.

А. П. УМАНСКИЙ

О ТРЕХ НИКОЛАЯХ

Первый раз я побывал в Алтайском краевом музее осенью 1942 года, когда приезжал в Барнаул из трудармии за теплой одеждой. Единственное, что тогда запечатлелось в моей памяти, это был трофейный немецкий шестиствольный миномет, стоявший в вестибюле первого этажа прямо напротив входных дверей.

Более близкое знакомство с экспозицией музея и его сотрудниками состоялось у меня уже после демобилизации из армии в 1946 году. В 1946 году на Алтае работала Северо-Алтайская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института истории материальной культуры (так тогда назывался Институт археологии), руководила которой доктор исторических наук М. П. Грязнов. Мне с группой студентов исторического факультета пединститута посчастливилось принять участие в работе этой экспедиции в урочище Ближние Елбаны близ с. Большая Речка (Топчихинский район). Закончив полевые исследования, экспедиция приехала в Барнаул, и до отъезда в Ленинград ее участники ютились в конторе краевого музея. Вот в это время (а я почти каждый день навещал археологов) я ближе познакомился с ведущими научными сотрудниками краевого музея - Николаем Яковлевичем Савельевым и Николаем Александровичем Камбаловым.

Н. Я. Савельев как-то сразу, как говорят, бросался в глаза: небольшого роста, subtilный, подвижный как ртуть, ироничный, а иногда и язвительный, "заводной", он мог часами рассказывать о все новых архивных документах, разысканных им в госархиве, о жизни и деятельности И. И. Ползунова, К. Д. и К. П. Фроловых, об их изобретениях, об алтайских рудниках и заводах дореволюционной поры. Говорил он об этом обычно с большим воодушевлением, вжалоб, тут же демонстрировал подлинники или фотокопии архивных документов, а то и макеты, модели рудников и машин, изготовленных под его руководством для экспозиции. Уже с первой беседы становилось ясно, что это фанат, бесконечно влюбленный в историю края, особенно в историю горнозаводского производства в нашем крае, и в тех замечательных наших зем-

ляков, которые жили и творили в XVIII-XIX вв., облегчая труд последующих поколений, и составляют нашу гордость.

Когда он спорил с кем-нибудь из коллег (а спорщиком он был заедлым), он засыпал оппонента ворохом фактов и аргументов. При этом редкий хохолок волос над его лбом победно вздрагивал в такт его речи, и он чем-то неуловимо напоминал А. В. Суворова. Из научных споров, как правило, он выходил победителем. Но в очень редких случаях, когда оппонент, что называется "прижимая" его к стенке, Николай Яковлевич (в зависимости от того, о чем шел спор), говорил: "Ну, что вы хотите, я же физик, а не историк" или наоборот... "я историк, а не физик" и при этом заразительно хохотал.

В конце 40-х - начале 50-х гг. жить было очень трудно: музеи буквально влячили жалкое существование, средств на научно-исследовательскую, собирательскую и экспозиционную работу отпускали мало, заработная плата научных сотрудников была мизерной. В конторке музея обстановка была убогой - несколько грубых столов и стульев, единственная пишущая машинка системы "Ундервауд", на которой по очереди печатали своиopusы научные сотрудники; в одной комнате работали директор и бухгалтер, все научные сотрудники. И тем не менее музей жил полноценной научной и методической жизнью. Ежегодно здесь проводились совещания научных работников краеведческих музеев Алтая. На эти совещания приезжали директор Горноалтайского облмузея М. В. Чевалков, директор Бийского музея, известный археолог С. М. Сергеев, директор Каменского музея неутомимый собиратель раритетов, хитрый яко змий, Г. А. Саранцев, научные работники разных отделов.

По инициативе Н. Я. Савельева изредка, но достаточно регулярно стали проводиться краеведческие чтения, на которые собиралось обычно не более 10-15 любителей истории края - работники вузов (Худяков А. А., автор этих заметок), краевой библиотеки (Н. Я. Стерлин), отдела архитектуры крайисполкома и др. учреждений. Запомнились интересные доклады Н. Я. Савельева о водном пути из Барнаула в Нерчинск, так сказать продолженном П. К. Фроловым, жаркие споры вокруг доклада писателя В. Филова о возникновении русских сел и деревень на Алтае и др.

Н. Я. Савельев был большим оригиналом: это проявлялось даже в его общении с экскурсантами, посетителями музея. Он

ходил проводить экскурсии, вооружившись двухметровой указкой. Перед началом своего рассказа он очерчивал этой указкой невидимый полукруг, внутрь которого он строго запрещал "вторгаться" посетителям, а когда такое случалось, он довольно бесцеремонно выдворял нарушителя "границы".

Прямой противоположностью Николаю "первому" (Н. Я. Савельеву) был Николай "второй" - Николай Александрович Камбалов. Он был, примерно, такого же роста, как и Н. Я. Савельев, но несколько рыловат и флегматичен, движения его были плавными и округлыми, неторопливыми. Н. А. Камбалов был замечательным знатоком алтайской флоры и фауны - казалось, он буквально

Савельев Н. Я., краевед, музейный, архивный работник

все знал и об обитателях ленточных боров, и Горного Алтая, и предгорной зоны. В отличие от Н. Я. Савельева, который стремился "насытить" экспозицию своего отдела фотокопиями архивных документов, макетами и моделями, Н. А. Камбалов старался заполнить отдел природы подлинными экспонатами-чучелами птиц, зверей рыб, различными представителями алтайской флоры. Ему хотелось показать посетителю "живые уголки" алтайской природы. Меня он всегда поражал своими фенологическими наблюдениями. Весной он мог "по-дневно" рассказывать, как раскрывается природа, говоря, например: "Сегодня слышал, как впервые пела синица (он говорил "била"), потом: "Вчера видел первого скворца" и т. п. То он приносил в музей черепахи, то где-то найденное гнездо ремеза и, рассказывая об этой хитрой птице (в гнезде ремеза на случай опасности есть отдельные вход и выход), заключал: "Ремезов до войны в Сибири не было, они обитали в европейской части страны".

Всем, наверное, известна страсть Н. А. Камбалова к коллекционированию природных редкостей. Тот, кто бывал у него дома, не мог не поразиться, в частности, десятками разновидностей кактусов, которыми была заполнена квартира.

Камбалов Н. А., краевед, зав. отделом природы музея с 1944 по 1974 г.г.

Н. А. Камбадов был мягче по характеру, более склонен к компромиссу, но, если его задевало "за живое", то и он мог стоять на своем что называется "на смерть".

Николай "третий", Николай Григорьевич Ерошкевич, был знаком мне еще по институту: он учился на историческом факультете, когда я там работал. Высокий, болезненно худой, в белой застиранной рубашке, пузырившейся на его сутулой спине, он выделялся из студентов своей "провинциальной" застенчивостью, несколько своеобразным говором. Когда он серьезно заболел от полуголодной студенческой жизни, врачи ему посоветовали сменить климат - уехать в Крым. Он так и поступил, но года через два возвратился на Алтай: целительный воздух Крыма не помог излечить открытую форму туберкулеза. Вот тогда-то он и поступил на работу в музей, где стал заведовать отделом советской истории.

Музейную "тройцу" Николаев своеобразно дополнял тогдашний директор музея Александр Захарович Рясик. Бывший партийный работник, он пришел в музей из краевого лекционного бюро, которое возглавлял. А. З. Рясик не был музейным работником по призванию, но в меру своего понимания задач музея старался соответствовать своему новому посту. Научным сотрудникам он, может быть, не столько помогал, сколько не мешал заниматься делом их жизни. О назначении своем на пост руководителя музея он отзывался с некоторой долей иронии. Прищурив глаза и хитро улыбаясь, он не раз говаривал: "Меня партия всю жизнь бросает на самые опасные и трудные участки идеологической работы, совсем как Иосифа Виссарионовича в годы гражданской войны с одного фронта на другой".

Еще ближе узнал я "краевых музейщиков", когда был назначен инспектором по музеям и охране памятников истории и культуры управления культуры крайисполкома (конец 1955-1963 гг.), последние два года я даже работал младшим сотрудником отдела дореволюционной истории на подставке. В эти годы я бывал в музее чуть ли не каждый день, и всегда контора музея меня встречала веселым стрекотом пишущих машинок. Сначала в музее была одна-единственная машинка старинной марки "Ундервуд". Работать на ней было страшно тяжело: клавиши были тугими, кончики пальцев быстро начинали болеть. Но на этой машинке искусству машинописи обучились и три Николая, и остальные научные сотрудники музея. При Т. И. Анисимовой музей разбогател -

Ерошневич Н. Т. (1928-1959),
историк, архивист, зав. отделом советской истории музеев с 1950 по 1959 г.

появились новые машинки, в конторе стало уютнее. Постоянный стрекот машинок объясняется просто: все Николай печатал свои научные статьи, информации на краевое радио и в газеты. Конечно, главная цель при этом ставилась глобальная - пропаганда краеведческих знаний, но надо понять и другое - зарплата научных работников была нищенской (моя полуставка, например, составляла 27 руб.), а потому приходилось подрабатывать в средствах массовой информации. Н. А. Камбалов постоянно вел фенологические заметки в "Алтайке", Н. Я. Савельев часто рассказывал читателям краевых газет о своих новых находках в архиве, проливающих свет на жизнь замечательных изобретателей и техников Алтая - И. И. Ползунова, К. Д. и П. К. Фроловых и др. наших славных земляках. Старался не отставать от коллег и Н. Г. Ерошкевич, публиковавший в основном в "Молодежке" статьи по истории алтайского комсомола, о гражданской войне на Алтае, о развитии промышленности в годы пятилеток и др.

Хотя отношения музея с краевым издательством далеко не всегда складывались благоприятно, три Николая сумели написать за время работы в музее и опубликовать несколько монографий. Правда, Н. Я. Савельев, пожалуй, больше книг напечатал за пределами края - в Свердловске, в Новосибирске, в Кемерово, ибо сказано: "в своем отечестве нет пророков". Н. А. Камбалов в основном издавал свои книги в родном крае. Это были книги о природе края, об его исследователях, о туристских маршрутах по Алтаю. Пару книг по истории комсомола и послевоенному развитию Алтайского края написал и опубликовал Н. Г. Ерошкевич. Особенно упорно трудился за машинкой Н. Г. Ерошкевич: он как будто хотел догнать своих старших товарищей или боялся, что не успеет что-то сделать при жизни. А жизнь в нем угасала буквально с каждым днем, но этот удивительный человек, уже не встававший с постели, в последние дни жизни еще мечтал, как он, немного подлечившись, будет работать над новой книгой - он все еще строил новые планы...

Конечно, нельзя сказать, что отношения в коллективе музея, а также между мною, инспектором, и коллективом всегда были безоблачными. Бывали стычки и ссоры внутри коллектива, временами возникали противоречия между администрацией и научными сотрудниками. В конце 50-х - нач. 60-х повсеместно шла перестройка работы краеведческих музеев - строились новые экспо-

зиция, активизировалась научно-исследовательская и экскурсионная работа.

Мы не могли отставать в этом деле от других, этой перестройки требовали не просто директивные органы, но и сама жизнь. Новый директор музея Т. И. Анисимова хорошо понимала необходимость преобразований всей работы музея. Умная, волевая, с большим опытом руководящей работы, она в то же время умела подобрать "ключики" и к взрывному Н. Я. Савельеву, и к "кункатору" Н. А. Камбалову, и к болезненному Н. Г. Ерошкевичу.

Много приходилось спорить и убеждать Н. Я. Савельева, что в экспозиции дореволюционного отдела надо экспонировать больше вещественных экспонатов - орудий труда, предметов быта, личных вещей и т. п. и освободить стены от многочисленных фотокопий архивных документов, которые не привлекают внимания посетителей, "не смотрятся", как говорят. Но для этого надо было выезжать в экспедиции. Н. А. Камбалов обогатил отдел природы новыми диорамами, в связи с 40-летием Октябрьской революции и установлением советской власти на Алтае постепенно была в корне переделана экспозиция отдела советской истории.

Надо отдать должное Т. И. Анисимовой: именно при ее руководстве музеем он превратился из довольно убогого, бедного и захламленного заведения в подлинно культурно-просветительное учреждение с полнокровной научно построенной экспозицией, исполненной на хорошем художественном уровне. При Т. И. Анисимовой был издан второй выпуск "Краеведческих записок" (к сожалению, большая часть тиража его была уничтожена по личному указанию первого секретаря крайкома КПСС А. В. Георгиева). При поддержке зам. нач. управления культуры К. С. Владимирского и Т. И. Анисимовой в 1959 г. автору этих строк удалось организовать первую за годы советской власти археологическую экспедицию музея в долину нижнего течения Чумыша. Затем археологические экспедиции проведены были в урочище Раадумье (Каменский район, 1961 г.), в Кытманово (1962, 1963 гг.), в Нечунаево (Шидуновский район, 1962 г.), в Тугозюново (Белоглазовский район, 1962 г.), Нижнюю Суетку (Благовещенский район, 1964 г.). В результате этих экспедиций фонды пополнились хорошими археологическими материалами, на основе которых фактически впервые была построена небольшая экспозиция по первобытно-общинному строю на Алтае. Именно Т. И. Анисимова сделала пристройку к основному зданию, в которой теперь размещается

часть отдела советской истории. Воспользовавшись приездом на Алтай зам. нач. отдела музеев т. Герашенко, мы выпросили 200 тыс. рублей на капитальный ремонт здания музея (тыльная стена его была расколота трещиной сверху донизу), а затем Т. И. Анисимова использовала эти деньги на сооружение пристройки, в которой теперь размещаются и фонды, и научные сотрудники.

Стремясь активизировать собирательскую работу научных сотрудников личным примером, автор воспоминаний старался быть максимально полезным музею, собирая все, что могло пригодиться музею: из Горного Алтая привез три каменных бабы, а в областном музее выключил чучело снежного барса, в Парфеновском районе нашел старый трактор иностранной марки (каменные бабы и трактор выставлены во дворе музея), из Родинского района - катки для обмолота хлебных злаков, веялку кустарной работы, ступы разных видов, плуг и др., даже фонарь эпохи ТОЗов...

... Оглядываясь назад, вспоминая ушедших из жизни трех Николаев, я все чаще задумываюсь над вопросом: что же двигало этими скромными слугами науки? Уж только не материальные блага, дивиденды от своей работы они получали более чем скромные. Тщеславие? Нельзя сказать, что они были напрочь лишены честолюбия, но тщеславие - нет, этого не было. Тогда что же? Думаю, что это прежде всего была какая-то беззаветная, почти фанатичная любовь к родному краю, к своей стране и страстное желание во что бы то ни стало поделиться своими богатыми познаниями о природе и истории края с земляками, с приезжими посетителями музея.

Мир вашему праху подвижники науки! Грядущие поколения жителей края не забудут ваш подвиг, ваши светлые имена.

Т. Н. БУКИНА

"...КАК ПЕДАГОГ И МУЗЕЙНЫЙ РАБОТНИК"

*Блажен, кто рядом
славных дел
свой век украсил
быстротечный...*

А. К. Толстой

Ботаническая коллекция Алтайского краевого краеведческого музея насчитывает 6000 экземпляров. Из них 1673 гербарных листа принадлежат человеку, посвятившему свою жизнь изучению Алтая, его природных богатств, ботанику, Виктору Ивановичу Верещагину.

"В. И. Верещагин сделал на Алтае и в прилежащих к нему местах... 17 экспедиций, продолжительностью в среднем 2,5 месяца каждая, изъездив в общей сложности... 20000 верст пути преимущественно по горным верховым тропам. Им было собрано на Алтае около 2000 видов растений... Из этого числа свыше 50 видов новых для Алтая и 5 видов совсем неизвестных ранее, новых для науки...", - так писал известный ученый, член-корреспондент АН СССР профессор Томского университета П. Н. Крылов (1).

Связь Виктора Ивановича Верещагина с музеем началась задолго до его работы здесь в качестве штатного научного сотрудника. Это можно проследить по сохранившимся в фондах отчетам Совета Общества любителей исследования Алтая за 1894-1904 гг.

Первое упоминание мы находим в отчете Общего собрания "Общества..." от 4 мая 1900 г.: "Приступлено к баллотировке новых членов общества, после которой оказались избранными в действительные члены следующие лица: 1... 2... 3, Верещагин В. И." (2).

Нелишне вспомнить, что Виктор Иванович приехал в Барнаул в 1899 году и сразу окупнулся в водоворот общественной и научной жизни. Более 20 лет он проработал преподавателем естественных наук в реальном училище. По многочисленным отзывам учеников и преподавателей, занятия его всегда были интересными и насыщенной информацией. Но это лишь одна сторона его

Сотрудники музея (слева направо): Верещагин В. И.,
Рода Е. Г., Сурия М. А., начало 20-х годов.

деятельности, все свое свободное и каникулярное время он отдавал изучению природы Алтая.

Шел 1901 год. В отчете Совета Общества любителей исследования Алтая говорится о том, что наряду с геологическими исследованиями А. А. Бобятинского совершил экскурсию на собственные средства в Горный Алтай действительный член В. И. Верещагин. Результаты его трудов выразились в довольно обширном гербарии. Большая часть растений собрана около Черного Ануя, Тюдралы и Верхнего Уймона, а также и в других местах Уймонского и Чуйского трактов.

Виктор Иванович выразил желание пожертвовать гербарий Обществу, за что Общим собранием Совета ему была выражена благодарность (3).

Это были первые ботанические экспонаты музея, существовавшего при Обществе любителей исследования Алтая.

1902 год. Деятельность Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества за истекший период несколько расширилась, так, член Совета В. И. Верещагин с пособием от подотдела исполнил ботаническую экскурсию в долину р. Чарыш от с. Усть-Кан до с. Коргонского.

Исследования в долине Чарыша должны были доставить новые данные для решения одного весьма интересного вопроса по географии растений, именно: вопроса о распространении сосны на Алтае.

"Приняв слева значительную реку Кумир и справа Талицу, Чарыш сразу становится настолько подноводным, что река намывает по берегам уже не гальку (как выше Кумира), а довольно мелкозернистый песок, образующий здесь значительные отмели и острова. К этим скоплениям наносного песка и приурочены, по мнению экскурсанта, последние сосновые рощицы (между деревнями Чечулихой и Тюдралой)" (4). В долине Чарыша между Усть-Каном и селом Коргонским в Коргонском ущелье, на Тюдралинских белках (верховья речек Бичея, Мендоя и Ярюла) и на Воровском белке близ с. Коргон (верховья речки Воровской) ботаником собрано до 800 видов растений. Гербарий находил широкое применение. Часть его, содержащая однодольные, хвойные и высшие споровые, была отправлена во временное пользование в Ботанический Музей Императорской Академии Наук в качестве материала при издании "Гербария Сибирской Флоры", другая часть гербария обрабатывалась профессором П. Н. Крыловым в Томске.

Для своих поездок Верещагин выбирал большей частью малоизученные и труднодоступные места, подвергаясь опасности на крутых боках долины р. Чулышман, трещинах ледников на Катунском хребте, на перевалах через бурные горные реки.

Эти красивейшие места привлекали внимание не только ученых. По воспоминаниям дочери Ирины Викторовны Верещагиной, однажды отец вытщил из трещины ледника известного художника Г. Гуркина, писавшего в Горном Алтае эскизы картины "Озеро Горных духов". Место было безлюдное, мрачное, и если бы не помощь ботаника, случайно оказавшегося рядом, жизнь художника могла бы окончиться трагически (5). В знак глубокого уважения Гуркин подарил Верещагину один из вариантов будущей картины. И по сей день со стены комнаты кабинета ученого смотрит на гостей таинственное и чарующее "Озеро Горных духов".

В. И. Верещагин был личностью многогранной, собирал кроме гербария зоологический, энтомологический материал, отмечал географический характер местности и следы ледниковой деятельности. Часто отправлялся в экспедиции и походы вместе с энтомологом Е. Роддом и зоологом А. Велижаниным, и эти совместные выходы в природу давали наиболее ценные материалы и сведения.

Так, среди сборов Алтайского подотдела за 1903 год можно выделить экзонаты, сданные Верещагиным:

Спиртовых препаратов	
а) насекомые, черви, моллюски	- 3
е) земноводные	- 3
Спиртовых препаратов - 1904 год.	
в) пресмыкающиеся	- 4
д) рыб	- II

Образцов горных пород из окрестностей Кольванского озера - 7 штучков.

Гербарий пополнился сборами из окрестностей Кольванского озера и коллекцией мхов, собранных в окрестностях Барнаула также им.

Фотографическая коллекция выросла 9 снимками Виктора Ивановича, относящимися к местности по верхнему течению р. Чарыш и по р. Коргон. Часть из них хранится в фондах музея и служит еще одним доказательством широкого кругозора автора, т. к. снимки носят этнографический характер.

В дальнейшем им совершены многочисленные "ботанические экскурсии". В 1905 году состоялась большая поездка по долине р. Чулышман до ее верховьев. В среднем течении реки были места, где до В. И. Верещагина не ступала нога путешественника. Вот так описывается переход через 3 трудных бома: "Тропа местами делится здесь по узким карнизам, нависшим над рекой. Чулышман бурлит на подводных камнях в мрачном коридоре с почти отвесными стенами. Особенно жутко на Малом Берт-боме. В опасных местах шли пешком, а лошадей предоставляли самим себе" (6).

В 1907 году основные экспедиции проходили в районе Чуйской котловины до верховьев реки Чун.

В 1908 году путешественник частично повторил свои маршруты по Северо-Восточному Алтаю, посетил Телецкое озеро. Побываем на одной ночевке: "Здесь, у устья реки Кокша, на песчаной кайме речной дельты мы заночевали. Около полуночи были разбужены страшным шумом и криками "низовка, низовка". Озеро яростно бушевало. Лес гудел. Налетевший вдруг от северного конца озера ветер сорвал палатку наших проводников и развел громадные волны на озере, залившие плоский берег дельты и обдававшие брызгами нашу палатку..." (7).

В 1909 году внимание исследователя привлек Центральный Алтай, и экспедиционные поездки были совершены через Канскую и

Уймонскую степи на вершины Катунских безжов. Здесь он мог наблюдать любопытные явления "красного снега", который образует микроскопическая снежная водоросль, живущая высоко в горах и в полярных странах.

Начиная с 1907 года, В. И. Верещагин публикует результаты своих путешествий, пишет популярные очерки и статьи, которые привлекают внимание к богатейшим растительным ресурсам края и их использованию в практической деятельности. Целая серия работ посвящена вопросам методики проведения занятий и ботанических экскурсий, сбору гербария, организации краеведческой работы в школе.

Собираемые коллекции растут с каждым днем, и мысль показать их широкому кругу людей, сделать народным достоянием не покидает просветителей и интеллигенцию города.

И вот долгожданное сообщение (датированное 1913 годом) "Кабинета Его Величества" о высочайшем соизволении на передачу Алтайскому подотделу на все время его существования здания лаборатории в Барнауле и участка земли в количестве 360 кв. м, где музей существует и поныне.

В комиссию для составления подробного технического проекта и сметы на ремонт здания лаборатории среди прочих вошел и Виктор Иванович Верещагин. Переезд и перевоз музейных коллекций состоялся в 1915 году.

Виктор Иванович занимался не только приведением в порядок гербария, но и озеленением участка земли, под его руководством высаживались деревья и кустарники, а на огороде - лекарственные растения. В это же время составляется для музея показательный гербарий альпийской флоры Алтая, лекарственных растений и список растений окрестностей Барнаула. Не чурался Виктор Иванович физической работы и на домашнем участке. Много растений выписывал у любителей, привозил из поездок, а манчжурский орех, актинидию, синий овощ - баклажан впервые завез в Барнаул. И сейчас у старожилов нагорной части под окнами цветут ландыши, огоньки, кусты ирги, посаженные легкой рукой ботаника.

В. И. Верещагин потратил много времени на создание обменного гербарного фонда, насчитывающего сейчас 250 листов. Это экземпляры растений из Томской, Новосибирской, Иркутской, Рязанской, Московской, Курской, Тобольской губерний. Большую ценность сборов В. И. Верещагина, точность, тщательность

определения, хорошее оформление гербарных листов отмечали в своих работах многие известные ботаники Б. К. Шишкин, А. В. Куминова, В. В. Резердатто.

Шли годы. Имя барнаульского ботаника становилось все более известным в научном мире, рос его авторитет среди учеников и горожан. В 1925 году он был в районе Зыряновского рудника, откуда поднимался на хребет Холзун. На следующий год предпринял поездку в Катон-Караган с включением боковой экскурсии в Коростелевскую степь, в окрестности с. Красный Яр Рубцовского уезда из-за отсутствия в музее гербарного материала из степей Южной части Алтая.

Совмещая работу педагога и исследователя, Виктор Иванович не мог каждый год выезжать в длительные экспедиции по краю, но детально изучал ближайшие замки (Кулинченко, Горетовского, Давидовича), окрестности сел Власиха, Озерки, Павловское. Часто проводил практические занятия по ботанике в музее, привлекая учащихся к сбору коллекций. В это сложное время, когда не было четкого разграничения сфер деятельности между музеем и Барнаульским Подтипросветительным отделом, Виктор Иванович возглавил ботанический отдел (1928).

Сохранилась анкета от 31 мая 1930 года, где на вопрос, в какой отрасли считали вы свое использование наиболее целесообразным, В. И. Верещагин отвечает: "Как педагог и научный сотрудник музея". И этим даум "сестрам" он оставался верен всю жизнь.

Волею судьбы оказавшись в Красноярском крае (1933-1938 гг.), проквел флористическое обследование заповедника "Столбы", собрал и определил гербарий высших растений, а также лишайников и мхов. В 1947 году по ходатайству ряда сибирских ученых ему была присуждена степень кандидата биологических наук.

В краевом музее создана экспозиция, посвященная ученому, помещены его фотографии, личные вещи (пресс для засушивания растений, пинцет, компас), установлен бюст.

Он оставил нам 40 научных работ и еще около двух десятков неопубликованных. Коллеги - ученые назвали в честь барнаульского ботаника 7 видов растений и 2 вида насекомых.

И еще осталась память... Память, которую бережно хранит и по крупицам передает нам сегодняшним его дочь - Ирина Викторовна Верещагина, которая унаследовала талант отца и тоже стала ботаником, ведущим специалистом Института садоводства Сибири им. Лисавенко по интродукции культурных растений,

кандидатом сельскохозяйственных наук... Доктором сельскохозяйственных наук стал сын, Борис Викторович, живущий в Молдавии и навсегда сохранивший в сердце любовь к Алтаю.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ВЕРЕЩАГИНА И. В. Биографический очерк // Материалы для ботанического экскурсия в Алтайском крае. Барнаул, 1922. С. 105.

2. Отчеты Совета Общества любителей исследования Алтая: Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1900 г. Барнаул, 1901. С. 12.

3. Отчеты Совета Общества любителей исследования Алтая: Алтайского Подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1901 г. Барнаул, 1903. С. 7.

4. Отчеты Совета Общества любителей исследования Алтая: Алтайского Подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1902 г. Барнаул, 1904. С. 3-4.

5. ВЕРЕЩАГИНА И. В. Личные воспоминания.

6. Верещагин В. И. Очерки Алтая. Новосибирск, 1927. С. 24.

7. Алтайский сборник. Т. X. Барнаул, 1910. С. 20.

О музее с любовью.

Н. Бородаева.

БОРОДАЕВА Н. А.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ ИВАНОВ

Коллекция дореволюционных фотографий и негативов - одна из наиболее интересных в собрании краевого краеведческого музея. Почти все эти стеклянные пластинки достались сегодняшнему музею от Общества любителей исследования Алтая в Алтайского подотдела ЗСО ИРГО. Среди авторов фотоснимков наряду с именами признанных исследователей Алтая (В. В. Сапожникова, В. И. Верещагина) есть немало фамилий, за пределами музея практически неизвестных. Топографы, статистики, врачи, горные инженеры и геологи-испытатели - рядовые члены Обществ, каждый из которых в меру своего таланта, образования, эрудиции способствовал делу "всестороннего научного исследования Алтая".

Более 277 этнографических, бытовых, географических снимков коллекций сделано в 1902-1916 гг. членом Общества, топографом Канцелярии землеустройства Его императорского Величества Георгием Ивановичем Ивановым.

Георгий Иванов был типичным разночинцем, интеллигентом "в первом поколении". Он родился в Омске 23 апреля 1876 года в семье "омского мещанина Ивана Александровича Иванова" и был крещен в Омской Крестовоздвиженской церкви (1). Имя матери Георгия Ивановича - Агриппины Савельевны известно из метрического свидетельства, о других родственниках, как и об омском периоде жизни вообще, нет никаких сведений, за исключением того факта, что уже находясь на службе в Барнауле (Канцелярия Землеустройства), ежегодные отпуска 1901-1904 гг. Г. Иванов проводил в Омске и Томске.

Двенадцати лет в 1887 году Георгий поступил в Омское уездное училище, которое закончил 3 июня 1893 года, "окончив полный курс обучения и обнаружив следующие знания по предметам:

- арифметике

геометрии

чистописанию

черчению

рисованию

отлично (5)

- истории гимнастике фронтовому обучению хорошо (4)
- русскому языку бухгалтерии географии удовлетворительно (3)
- пению неудовлетворительно (2).

14 марта 1897 г. Г. И. Иванов "назначен старшим межевщиком по образованию переселенческих участков в Западной Сибири". (2)

Переезд Георгия Иванова в Барнаул состоялся, вероятно, в начале 1900 года. По данным формулярного списка, с 19 апреля 1900 года "не имеющий чина" Г. И. Иванов переведен на службу в Кабинет Его Императорского Величества с назначением на должность топографа II разряда. (3). Службу в Барнауле, таким образом, Георгий Иванов начал в возрасте 21 года и уже достаточно опытным специалистом, пройдя ступени временного техника и топографа III разряда.

С 1900 по 1909 гг. Георгий Иванович работал в пятой землеустроительной партии Канцелярии Землеустройства Алтайского округа (4). Заведующим этой партией в 1901 г. был Порфирий Николаевич Соболев, затем (с 1902 г.) - Павел Михайлович Юхнев - крупные специалисты в области землеустройства (тот и другой впоследствии поочередно занимали пост заведующего землеустройством Алтайского округа), видные члены Алтайского подотдела ЭСО ИРГО, как, впрочем, и многие другие сослуживцы Г. И. Иванова (Н. Я. Овчинников, А. П. Борзов, М. Н. Львов, Г. М. Колубанский, В. И. Лапки, С. Л. Чернов, П. Е. Семьянов и другие).

С 28 апреля для членов землеустроительных партий ежегодно начинались летние полевые работы. Зимой производилась камеральная обработка результатов топографических съемок, составлялись карты, уточнялись размеры земельных и лесных наделов, подготавливались документы на владение землей. "Чертежные" пятой землеустроительной партии (зав. - П. М. Юхнев), в которой служил Георгий Иванович, вместе с третьей (заведующий Иосиф Петрович Выдран) в 1907-1908 гг. находились на первом этаже здания "народного дома". Землеустройство арендовало это

помещение у Общества попечения о начальном образовании (5). Ежедневно с 9 часов утра до 3 часов дня "чины" этих землеустроительных партий являлись на службу.

Маршруты полевых работ Г. И. Иванова в десятилетие 1900 - 1910 г.г. проследить по годам не всегда удается.

В 1900 г. Г. И. Иванов побывал в "межумых селениях" Булниха, Ново-Еловка, Терская, Большая Речка, Белая, Боровлянка, Южаково, Вершинино Бийской волости, Ново-Чемровка, Фоминская, Комарово Шубинской волости (6).

В 1901 г. пятая партия работала на съёмке земель и проектировании земельных наделов в селах Бийской волости: Усть-Гавриловское, Верхне-Шубенка, Кипешная, Булниха, Сошниково, Плещково, Боровлянка, Ельцовка, Татарский поселок, Хайрюзовка, а также в селах Шубинской волости: Луговское и Шубинское (7).

Вероятно, в эти годы Г. Ивановым были сделаны фотоснимки, отражающие практику землеустройства в лесостепи и предгорьях Алтая.

"Уполномоченные крестьяне с. Хайрюзовка Бийского уезда на меже" (ОФ 15119/59).

"Большая группа мужчин за обедом у костра" (ОФ 15119/72). (К работе землеустроительных партий привлекались крестьяне окрестных деревень - прорубка просек и визиров, заготовка и установка межевых столбов, уточнение границ соседних деревень).

В 1902 году пятая землеустроительная партией велись большие лесоустроительные работы в Верхнеобском, Бобровском, Бийском борах Бийской черни, которыми руководил крупный специалист-лесовод Михаил Николаевич Львов. Георгию Иванову была отведена средняя часть Обского бора с опорным пунктом в деревне Вершинино (8). (Фотографии ОФ 686, 15119/44 - "Изба рыбака в деревне Вершинино"). Практика лесоустроительных работ 1902 года и личное общение с М. Н. Львовым (9) (в 1920 году - заведующий Лесным отделом Барнаульского музея) - способствовали профессиональному росту Георгия Ивановича, а в 1916 г. после увольнения из Землеустройства позволили ему перейти на работу в лесничество.

Зимой 1904 года (1 февраля - 1 апреля) Георгий Иванович Иванов получил "за выслугу лет" в возрасте 31 года чин коллежского регистратора (11), а в апреле 1909 г. назначен топографом I разряда (12). Вероятно, в это время фотообъектив запечатлел Г. И. Иванова с группой сослуживцев-землеустроителей в моторной лодке.

приставшей к пойменному берегу Оби недалеко от Барнаула (ОФ 15119/21). На светлом тенте - название "Ласточка". На носу лодки в белом кителе сидит Георгий Иванович, на берегу в небольшой группе других топографов стоит Н. Я. Овчинников. Фотография оставляет ощущение покоя, отдыха, благополучия, которые способствовали этим счастливым для Георгия Иванова годам.

В январе 1909 года тридцатидвухлетний Г. И. Иванов женился на молодой учительнице Клавдии Васильевне Поповой (13). Венчание состоялось 18 января 1909 года в церкви 12-го Сибирского Барнаульского полка, более известной сегодня как Никольская. Поручителями по невесте были П. Е. Семьнов и топограф А. Ф. Веронский. После свадьбы семья поселилась в красивом двухэтажном кирпичном доме по Сузунской улице (Интернациональная, д. 150, кв. 2), занимая две комнаты первого этажа с окнами, выходящими на улицу. Соседки Ивановых - Надежда, Августа, Елизавета Глушковы, в настоящее время преклонные старушки (14), сохранили теплые детские воспоминания о Клавдии Васильевне и Георгии Ивановиче: "Из летних поездок он привозил нам шишек, кедровых орехов, листовничной "самотечной" серы. На рождество в своем дворе строил горку, а для нас (в семье Глушковых было 8 детей) через забор делал перелаз, чтобы бегали на горку сразу со своего огорода, а не улицей. Вывешивал флажки, фонарики, выносил медвежью шкуру и катал нас с горки, завернул в нее". Двое детей самого Георгия Ивановича умерли в раннем детстве.

К 1911 г. относится создание Землеустроительной партии Горного Алтая, которая была усилена наиболее опытными кадрами топографов. Все работы возглавлял заведующий Землеустройством Павел Михайлович Юхнев, помощником заведующего по Горному Алтаю стал Николай Яковлевич Овчинников. Г. И. Иванов был назначен "исполняющим обязанности производителя работ" и помощником начальника съемочного отделения партии Ламонова (15).

В 1911 г. отряду Иванова было поручено произвести съемку и землеустройство так называемого "8-го района", включающего часть таежного Северо-Восточного Алтая - бассейны рек Кара-Кокши, Уймента, Пыжи, а также побережье Телецкого озера по рекам Ачылману и Б. Чили (16). Опорным пунктом руководителя отряда (8 человек) назначен поселок Ново-Троицк. Об условиях работ 1911 г. в черном районе Алтая можно судить из предварительного

доклада помощника заведующего Землеустройством Алтайского округа Н. Я. Овчинникова (17).

«...Выезд чинов партии Горного Алтая на работы начался с 5 мая. Ранее выехать на представлялось возможным. Препятствием служило весеннее водополье и снега, лежащие еще большими массами в лесистых местах по вершинам рек.

Внешние условия, среди которых протекает деятельность землеустроительных чинов в Горном Алтае, малокультурны, по местам даже суровы. Особенно трудны условия в районе реки Лебедь, в Большой Черни по Западную сторону Телецкого озера и по рекам Пыже, Уймену, Кара-Кокше, вершинам Кубы и Чемалл (район работ отряда Иванова - Н. Б.). В тех районах, в которых на многие десятки верст не встретишь жилья, чинов приходится жить в палатках по целым неделям, всеми съестными продуктами из населенных мест запасаются на длительные сроки. Очень затрудняют сообщение грязные скользкие тропы и речки. На таких больших реках, как Лебедь, Уймень, Саракокша брод сопряжен с опасностью.

Работа техников сильно затрудняется необычно высоким ростом трав и крайней лесистостью местности. Посадки черневого характера крайне засорены буреломом, травами, вьющимися растениями. Было несколько случаев тяжелых ушибов и ранений, потребовавших медицинской помощи (18). Ко всем этим постоянным неудобствам в текущем году присоединилось особое изобилие дождей, которые в некоторых местностях идут непрерывно по целым неделям. Следствием этого является необычайно высокий подъем вод в реках» - (смотри фотографию Г. Иванова, 1911 г. «На тригонометрическом пункте во время дождя и ветра» - ОФ 15119/7).

В этом году, видимо, были сделаны снимки «Алтай. Река Катунь у села Чемал в прорыве» (ОФ 3441), «Алтай. Телецкое озеро» (на берегу палатки топографов) - ОФ 3300, 15119/46.

«Телецкое озеро, Поселок Артыбаш» (ОФ 3320).

«Река Ян-Чиди, впадающая в Телецкое озеро» (ОФ 3330).

«Баркасы с гребцами-алтайцами на озере» (ОФ 15119/62, 66) и другие.

Есть основания полагать, что фотографии 1911 года выполнялись Г. И. Ивановым уже как членом Алтайского подотдела ЗСО и РГО по заказу подотдела или по собственной инициативе. В 1911 году среди действительных членов Алтайского подотдела появля-

ется фамилия Д. И. Иванова (вероятно, брата), а в 1912 г. в число действительных членов включен уже сам Георгий Иванович. Полевой сезон 1911 года был, очевидно, очень напряженным, что сказывалось на относительно небольшом количестве фотографий и почти полном отсутствии снимков этнографических. Гораздо более продуктивным в этом отношении был следующий полевой сезон и особенно Горно-Шорская экспедиция 1913 года.

По плану работ 1912 года Георгию Ивановичу Иванову был отведен "Уймонский район" - верховья Катуня (19). Район работ Иванова был сопредельным с участком В. И. Лапина (20), работавшего в верховьях Аргута и Шавлы. Резиденцией руководителя отряда была Катанда.

Верховья Катуня, Уймона, Архыта (Аргут), Чуйский тракт до Курая запечатлены на снимках лета 1912 года.

- "Береговая тропа у горной реки в долине Уймона" (ОФ 3450),
- "Алтай. Спуск с Синего Борма на Уймонском тракте" (ОФ 3102),
- "Алтай. Уймонская долина" (ОФ 3103),
- "Сливная плотина на реке Ак-Тру" (ОФ 3451),
- "Маральник в селе Шебалино" (ОФ 15119/25),
- "Курайский хребет. По дороге из Куяхтамира в Кош-Агач" (ОФ 15119/2),

"Брод через реку Чужу в Курае (ОФ 1511916 — отряд топографов верхом переправляется через реку) - всего около пятидесяти четырех снимков.

К 1912 году относятся и большинство этнографических снимков Г. И. Иванова, касающихся собственно алтайцев, теленгитов и, возможно, казахов ("киргизов") Горного Алтая. Фотографии

- "Той-свадьба алтайцев в Курайской степи" (ОФ 12414/3);
- "Свадебная юрта алтайцев" (НФ 630/12);
- "Зимние и летние жилища алтайцев" (НФ 1327);
- "Теленгит за пахотой "андазыном" в урочище Туралу Улаганского лймака" (ОФ 652);
- "Вовлачная юрта теленгитского типа и "андазы" - простейший конный плуг" (ОФ 643);
- "Алтайский шаман" (ОФ 630/13);
- "Изготовление араха алтайцами" (НВФ 558);
- "Верховой алтаец" (НВФ 652);
- "Жертвоприношение коня у алтайцев" - относится к лучшим этнографическим снимкам алтайцев коллекции АКМ.

Деятельность Землеустроительной партии Горного Алтая продолжалась до 1914 года. Однако основные работы в 1912 г. уже были завершены, и весной 1913 г. Г. И. Иванов в составе большой землеустроительной экспедиции был направлен в Горную Шорю.

Коллекция снимков Горно-Шорской экспедиции 1913 года чрезвычайно повезло. В 20-е годы она была предназначена для обмена (как не относящаяся к Алтаю), и выделенная в два конверта "Обменного фонда" сохранилась почти в неприкосновенности. (ОФ 15947/1-70; ОФ 15866/1-52 и др., всего около 130 фотографий). Она не разделяла судьбы других фотоколлекций (да если бы только их!), подвергшихся многочисленным переинвентаризациям, которые для 40% снимков привели к полной утрате сведений об авторе, объекте, времени и месте съемки. Именно поэтому по снимкам лета 1913 года с удивительной полнотой можно проследить весь путь топографов, начиная с апрельских дней в Кузнецке (Кузнецкая крепость, домик Достоевского) - уникальный для наших фондов пример монографического описания одной землеустроительной экспедиции.

По плану землеустройству подлежала обширная территория Кузнецкого уезда (ныне Кемеровская область) и часть Минусинского края. При распределении работ Георгию Иванову была определена "Мрасская волость", куда в качестве производителей работ направлялись также С. Л. Чернов и В. И. Лапин (2!).

Первая очередь работ планировалась совместно для этих трех топографов. С 1 по 25 мая они, двигаясь на лодке от Кузнецка вверх по Томи до устья Мрассо-су, должны были производить съемку и отвод земель шорским улусам и русским заможникам по левому берегу р. Томи.

Берега Томи в период весеннего половодья, многолюдные палаточные лагеря топографов, цепочки лодок экспедиции вдоль берега у улуса Валабынь, рабочие с шестами, проводящие лодки вверх по течению (их напряженные сосредоточенные лица будут сопровождать зрителя на всем протяжении экспедиции до верховьев Мрасса) - запечатлены на фотографиях тех дней (ОФ 15947/1-6).

Не прошли мимо внимания Георгия Ивановича и знаменитые реликтовые липовые рощи у улуса Сосновая гора (ОФ 15866/47), и шорская лодка с иконами и хоругвями - "Крестный ход на реке Кондоме" (ОФ 15119/3!).

После 25 мая, начиная от устья реки Мрасс, отряды разделились. Г. И. Иванову был выделен весь правый берег Мрасс-су с притоками до верховьев и устье Пызаса. В состав отряда Иванова входило 6 человек - топограф II разряда Аргунов, III-го разряда М. Н. Ягунов и А. Ф. Веронский и временные техники Добровольский, Назаров, Поздышев. Из них Аргунов, Ягунов и Веронский принимали участие в работах Георгия Иванова в Горном Алтае (1911-1912 гг.) (22).

Долина реки Мрасс - один из красивейших уголков Южной Сибири. В 1862 году от Кузнецка вверх по Мрассу поднялся В. В. Радлов, оставивший чудесное поэтическое описание природы, которому посвятил не одну страницу своей "Aus Sibirien" (23). Вероятно, те же чувства владели участниками экспедиции 1913 года в последние дни весны и благодатное время раннего лета. Безлюдные скалистые берега, чистая гладь реки, запахи цветов и трав навевали просветленное безмятежное настроение, которым проникнуты снимки тех дней. Улыбку вызывают беззаботно расположившиеся в лодках топографы и межвые техники, самым простодушным образом предающиеся выдававшемуся отдыху. Лица умиротворенные, фуражки сдвинуты набекрень, в руках цветы.

Многочисленные снимки берегов Мрасса, виды шорских улусов, рабочие моменты топографической экспедиции отложились в музейной коллекции. Фотографии

"Провод лодок экспедиции между камней Мрасского порога" (ОФ 15947/51-55, 15866/44);

"Разгрузка лодок" (ОФ 15947/46-47) и "Переноска багажа в обход порога" (ОФ 15947/48-50; 15866/43);

"Караван с хлебом для экспедиции у улуса Кобырза" (ОФ 15947/15);

"Техник с теодолитом в сопровождении шорского старосты" (ОФ 15866/41);

"Работа шорцев на прорубке просеки" (ОФ 15866/25);

"Шорский сход по отводу земельных владений" (в центре за столиком Г. И. Иванов) - ОФ 15866/46.

"Отдых и закуска топографов" (ОФ 15947/67);

"Отдых у палатки" (ОФ 15947/68) - отражают различные стороны работы экспедиции.

"... Лишь на четвертый день нашего путешествия увидели мы на голых прибрежных горах поля, засеянные ячменем, в реке - рыбачьи сети и другие признаки человеческого жилья, и вечером

благополучно прибыл в улус Челей" (24), - отмечал Радлов, описывая безлюдие долины Мрасса от улуса "Сосновая гора". В начале XX в. район среднего течения р. Мрасс, как и во времена Радлова, был малодоступен, отдален от ближайших русских поселков и сохранил основные черты традиционного шорского быта почти в полной неприкосновенности. Вероятно, это обстоятельство способствовало рождению серии талантливых этнографических снимков, которая наряду с алтайскими (1911-1912 гг.) и казахскими (1916 г.) и определяла лицо коллекции Г. И. Иванова.

Прежде всего привлекают внимание многообразно представленные на групповых и одиночных снимках виды традиционной одежды (ОФ 15866/28-29, 49-52; 15947/70 и другие). Холщовые халаты, украшенные вышивкой по вороту, рубахи, шалочки, штаны, длинные кожаные сапоги, затянутые ремешком под коленом - пока еще обычная одежда для шорцев, запечатленных на снимках. (Улусы, к сожалению, с точностью назвать нельзя из-за отсутствия аннотаций. Одно из мест плодотворной этнографической съемки - улус Кумыс). Но Георгий Иванович отчетливо осознавал преходящий характер момента, имея возможность наблюдать исчезновение традиционной одежды на Томи, у Нижне-Мрасских и Кондомских шорцев. Он спешил с максимальной полнотой использовать предоставившуюся ему возможность.

То же касается традиционного жилья и хозяйственных построек. Невысокое, прямоугольное в плане, однокамерное срубное жилище с двускатной крышей, крытой берестой, большие амбары на толстых бревнях-сваях, снятые с торца и фасада, являются самостоятельным объектом съемки (виды улусов - ОФ 15949/13, 24, II) и служат фоном для многочисленных групповых, портретных, сюжетных снимков и постановочных сцен. В данном случае жилище дано крупным планом, позволяющим показать особенности его конструкции. Избы русского типа сознательно не включаются автором в изобразительное поле снимка.

Колоритны фотографии, посвященные охоте. ОФ 15867/5-7 - "Снаряжение на охоту, инсценировка" (Шорцы-охотники в промысловой одежде на лыжах, с посохами "таяк" в руках и ручной нартой за спиной). Нарты и лыжи вынесли из амбаров летом по просьбе исследователя.

Широкие короткие охотничьи лыжи, благодаря которым только и была возможна зимняя охота в условиях глубокоснежья, и охотничий посох-лопатка, на который переносили тяжесть тела

во время спуска с горы, запечатлены и на других снимках (ОФ 15866/20).

Тему охоты дополняет фотография ОФ 15866/8 - "Шорский склад для лошадиного мяса", на которой запечатлен характерный охотничий амбарчик "тастак" на высоких сваях для хранения продовольственного запаса в местах промысла. Георгий Иванович тщательно прорабатывает фон, стремясь увеличить информативность снимка. По некоторым фотографиям можно проследить, как предметы, первоначально отсутствующие на крыше и стене жилища (связки кандыка, жгуты сена, седла и перекидные вьючные сумы, кожемляка и волокуша, туеса и рыболовные снасти) впоследствии вводятся в кадр.

Целенаправленно Г. Иванов характеризует шорское земледелие - лоскутки посевов на склонах за улусом (ОФ 15947/13), обработка "абылом" (мотыга) крохотного "поля" среди таежного высокогорья (ОФ 15866/18, НФ 803/93), "последовательность переработки ячменя на талкан (ОФ 15866/19, НФ 803/88 - представленные на одном снимке операции: "битие земли" абылом, обработка зерна в ступе, провеивание, поджаривание в котле, помол на ручной мельнице. Смотри также ОФ 15119/32 - "Шорка с ручной мельницей "тербень").

Внимание Г. Иванова привлекло также своеобразное орудие шорского собирательства "озул", корнекопалка (ОФ 15866/7, 19) - маленькая железная лопатка на мощной изогнутой рукояти с заступом-перекладной. Сезон заготовки кандыка уже прошел (длинные связки - ожерелья корней его, заготовленных на зиму, сфотографированы Георгием Ивановичем на снимках ОФ 15866/1-2), а сарану в июне еще копали. Это было то самое время, когда европейца Радлова повсюду в шорских улусах преследовал запах черемши.

Г. Ивановым запечатлены и многие другие попавшие в поле его зрения особенности хозяйства, быта и материальной культуры шорцев:

ОФ 15866/48 "Шорская лодка на реке Мрасс-су сравнительно с русской" (слаборазведенная, круглая в сечении долбленка);

"Горная Шория. Изготовление кож" (ОФ 15866/1-2);

"Шитье обуви" (ОФ 15866/4);

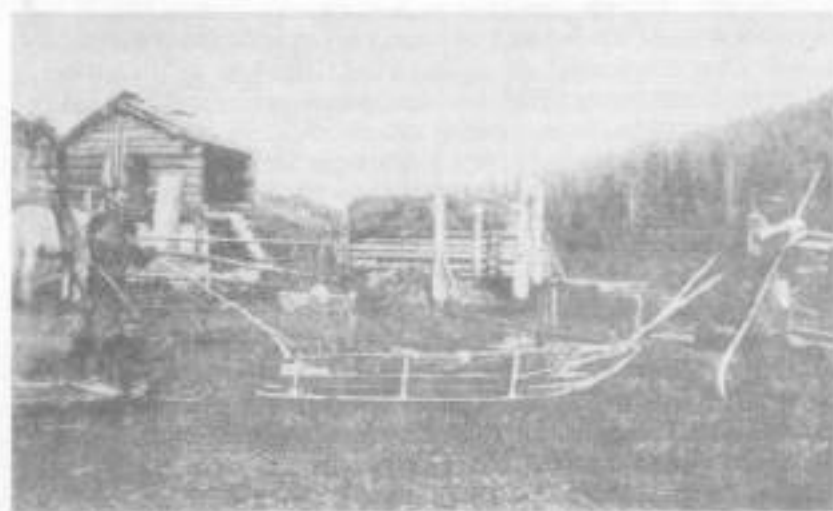
"Способ ношения маленьких детей матерями-шорками" (ОФ 15866/51) и другие.

Землеустроительная экспедиция в Горную Шорю.
Крайний справа - Г. Н. Иванов. 1913 г.
Фото Г. Н. Иванова

Способ पोшния маленьких детей матерями-шорками.
Горная Шоря, 1913 г. Фото Г. Н. Иванова

Сборы на охоту (исцелитровик) Горная Шория, 1913 г.
Фото Г. И. Иванова.

Фотографии Г. И. Иванова отличаются высоким качеством, художественной выразительностью и сознательно заложенной информативностью.

В построении снимка, вероятно, сказалось влияние популярной в кон. XIX - нач. XX в. великолепно изданной иллюстрированной этнографической литературы: таких многотомных изданий, как "Народоведение" и "Земля и Жизнь" Фридриха Ратцеля, "Народы мира" под редакцией А. Острогорского и Н. Берзина и др. (25).

Этнографические фотографии Г. И. Иванова не совсем знакомы широкой публике. Посетители музея 1960-1980-х гг. могут помнить фотографии в экспозиции зала "Алтай в период империализма": "Дети шорцев-бедняков", "Обработка земли абылом", "Орудия переработки зерна на талкан", "Заготовка дров женщинами-шорками". Это тоже снимки Г. Иванова, сделанные летом 1913 г. в Горной Шории.

Фотографии Георгия Иванова удивительно человечны. На них много выразительных лиц. Это чудесные детские снимки, это спокойные мудрые лица пожилых шорцев, полные глубокого внутреннего достоинства, это лица малоприятные, с признаками деградации и даже слабоумия, это лица по-детски доверчивые, открытые и простодушные.

В этих фотографиях Г. И. Иванов реализует себя как талантливый исследователь, незаурядный художник, как гуманист.

Землеустроительные работы Г. Иванова 1911-1913 гг. были вершиной его профессиональной деятельности. В феврале 1913 г. он был награжден Медалью в память 300-летия царствования дома Романовых; 6 апреля 1914 г. - орденом Святого Станислава III степени. 13 января 1913 г. Георгий Иванов был произведен в коллежские секретари (26).

Основные работы по землеустройству Алтая к 1914 г. были закончены и состав служащих канцелярии Землеустройства был сокращен до очень небольшого числа постоянных сотрудников. 25 ноября 1914 г. Г. И. Иванов "был командирован для временного заведования лесничеством округа с освобождением от "прямых обязанностей в Землеустройстве".

19 февраля 1915 г. приказом по Кабинету его назначили лесничим II разряда Алтайского округа (27).

Первую мировую войну Ивановы встретили в Барнауле. Об этом периоде жизни Г. Иванова говорит снимок ОФ 12418/6

"Обоз с медикаментами для отправки на фронт, 1915 г. На переднем плане Георгий Иванович Иванов - топограф, руководитель Красного Креста". В АККМ хранятся также принадлежавшие семье Ивановых марки и купоны благотворительных пожертвований, относящиеся к 1914 - 1916 гг.: "Русским пленным во вражеских странах", "Здравница раненым", "Для сирот воинов", "В помощь сражающимся и раненым воинам", квитанции на денежные переводы в фонд Красного Креста.

В 1916 г. семья Ивановых переехала в Семипалатинск, куда Г. И. Иванов был переведен лесничим. Клавдия Васильевна работала учительницей высше-начальной школы, а с 1920 г. - губернским инструктором по дошкольному воспитанию (28).

Часть фотографий из нашей коллекции сделана Ивановым во время службы в Казахстане. Это снимки ОФ 15119/15 "Выезд на охоту - цепочка подвод в казахской степи" (на обороте снимка карандашом написано письмо Г. И. Иванова, раскрывающее некоторые моменты жизни и службы в Семипалатинске - самовольные порубки леса местными крестьянами, посадка соснового молодняка в семипалатинских степях, ночные встречи с волками).

ОФ 15119/17 "Теренгульская аульская школа"

ОФ 15119/16 "Киргизский аул"

НФ 630/21 "К-Ботовская ярмарка. Казахи".

Не столь многочисленны, как алтайские, но все же очень интересны этнографические снимки Г. Иванова о казахах.

НФ 630/5 "Мастерица". Ручной ткацкий станок за работой.

НФ 630/14 "Устройство юрты. Казахи"

НФ 630/8 "Доение коз. Казахи"

НФ 630/17 "Верховые охотники - казахи с соколами"

НФ 630/20 "К-Ботовская ярмарка". "Кумысники" (казахи).

Среди материалов Г. И. Иванова имеется также интересная самодельная почтовая открытка с изображением казаха в национальной одежде (тушь, акварель, ватман). Открытка была послана кому-то в Барнаул, на обороте надпись рукой Георгия Ивановича "Тип киргиза из уезда, нарисованный пленным австрийцем и купленный мною за 6 коп. Австрийцев здесь 5-6 тысяч".

В 1922 году Ивановы вернулись в Барнаул. Клавдия Васильевна очень плодотворно работала в системе народного просвещения. (В 1923 году была избрана делегаткой на уездный съезд работников просвещения. 27 апреля 1923 г. поступила на службу в Губово в качестве инструктора детских учреждений и временно

заведовала отделением детских домов; работала учителем в 15-й школе, школе имени III Коминтерна, была членом правления педагогического клуба при союзе Всеработпрос, председателем музейной комиссии при Губоно). Георгий Иванович работал в лесничестве (29). Фотографий, сделанных Георгием Ивановым после революции, не сохранилось. Возможно, занятие фотографией к этому времени он оставил.

О последних годах жизни Иванова в Барнауле почти ничего не известно. Жили они с женой в прежнем доме на Интернациональной, 150, кв. 2.

Умер Георгий Иванович рано. О дате смерти имеются только косвенные свидетельства. По рассказу Людмилы Михайловны Остертаг (30), ее дедушка М. К. Петров, с которым Ивановы сдружились в Семипалатинске, в 1931 году приехал в Барнаул для того, чтобы устроить перевоз сюда своего семейства. Остановился он как раз у Ивановых, но Георгия Ивановича уже не было в живых. Нет в живых уже бабушки и деда Людмилы Михайловны, которые могли бы рассказать об этом человеке, а мама ее, в то время еще девочка, предполагает, что умер Георгий Иванович в 1928-1931 гг. Даже в лучшем случае ко времени кончины ему не было 55 лет.

Конец XIX - начало XX в. для России было временем накопления этнографических знаний, качественного роста и расцвета этнографической науки.

Связи академических музейных центров с Алтаем были самые разнообразные. В. В. Радлов, начавший научную карьеру как учитель немецкого языка в Барнауле, с 1894 по 1918 год заведовал Императорским Музеем Антропологии и Этнографии имени Петра Великого, заложив основу русской этнографической школы (31).

Д. А. Клеменц, участник археологических и этнографических экспедиций на Алтай, с 1903 г. заведует вторым крупным этнографическим музеем Империя, основанным в 1897 году, Этнографическим отделом Русского Музея (32). При сборе коллекций Радлов широко опирается на местные силы (В. И. Анучин на Енисее, А. Д. Арсеньев в Приамурье, А. В. Анохин на Алтае). Ученики его со временем становятся крупными самобытными этнографами.

Интерес к Алтаю, в том числе и с точки зрения этнографической, проявляет Томский университет и омские ученые, члены ЗСО и РГО; при участии Г. Н. Потанина восходит звезда Г. И. Гуркина - не только художника, но и талантливого исследователя

культуры и быта своего народа. Однако в самом Барнауле в первые десятилетия XX в. профессиональных этнографов не было. В деятельности Алтайского подоотдела преобладал статистико-экономический и естественно-географический уклон. В ряду исследователей Алтай Г. И. Иванов стоит обособленно. Не получив никакого специального образования, не связанный напрямую ни с кем из современных ему ученых-этнографов, Георгий Иванович оставил коллекцию ярких, информативных профессионально выполненных этнографических снимков, существенно дополнивших накопленный к этому времени научный материал о народах Алтай и Южной Сибири.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Формулярный список Г. И. Иванова, топографа 1-го разряда Канцелярии Землеустройства Кабинета Его И. Величества. ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 131.

2. Там же.

3. Там же.

4. ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1242. Л. 16, 22.

5. ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1232. Л. 7, 17.

6. ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1242. Л. 16.

7. Там же. Л. 22.

8. Там же. Л. 36-37.

9. В 1907-1908 гг. Г. И. Иванов жил "в доме Переходюкова на Гоголевской улице", арендуя комнату в квартире М. Н. Львова. - ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1242. Л. 18.

10. ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 102.

11. Самый низкий, 14-й чин в Российской "табели о рангах". К 1916 году Георгий Иванов имел чин коллежского секретаря (9-й класс), выше которого уже шли чины, предоставляющие право личного дворянства. - Большая Советская Энциклопедия. 3 изд. Т. 25. С. 159.

12. ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 131.

13. Там же.

14. ГЛУШКОВЫ НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА (1903 г. р.), ЕЛИЗАВЕТА ЯКОВЛЕВНА (1905 г. р.), АВГУСТА ЯКОВЛЕВНА (1913 г. р.) - с начала XX в. до ноября 1992 г. (исключая 1930 - 50-е гг.) жили по соседству с домом Ивановых на улице Интернациональной, 152). В настоящее время живут по адресу: ул. Партизанская, д. 82, кв. 81.

15. ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 131.

Для характеристики деятельности Г. И. в качестве помощника съемочного отделения показательно.

"Письмо Г. И. Иванова Заведующему Землеустройством Алтайского округа П. М. Юхнову о съемке земель в Горном Алтае по магнитным ходам. Январь 1911 г. (ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 684. Л. 2.), написанное в ходе подготовительных работ в предстоящему землеустройству Горного Алтая (1911-1914 гг.) Излагается теория магнитных работ, принцип нового метода топографической съемки, который предлагается применить летом в Горном Алтае.

Письмо сопровождается положительной рецензией М. П. Юхнова с перечислением мер, необходимых для реализации предложенной Иванова.

16. ГААК. Ф. 29. оп. 1. Д. 684. Л. 2,5.

В состав отряда Иванова (1911 г.) входили топограф 1-го разряда Бычков, III-го Магеров и А. Ф. Веронсен, временные техники А. М. Пилых, Карташов, Ермолаев, Литвиненко, М. Н. Ягунов - (ГААК. Там же).

17. ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 705. Л. 1.

18. В этой связи интересно упомянуть еще один документ ГААК (Ф. 29. оп. 1. Д. 1317. Л. 38.) - письмо Г. И. Иванова на имя заведующего партий Горного Алтая А. П. Борзова. (14 июля 1911 г.).

Высоко характерную работу подчиненных ему техника ("Все техники, несмотря на исключительно тяжелые условия, работают в горной тайге с большим усердием, благодаря которому я возможно лучше ознакомлен черновой района в августе месяце"), Г. И. просит пояснить им жалование в связи с высокой результативностью их труда, а также мотивную просьбу тем, что "одежда в этих условиях быстро рвется и техники вынуждены нести дополнительные расходы".

Это же единственный пример отношения Г. И. к людям, с которыми он оказывался связан по службе и в жизни и которым в составе был поочередно.

19. ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1319, 1317.

20. ЛАПИН Виктор Иванович (1878 - 19...) - топограф, инженер-строитель, служащий Канцелярии Землеустройства Алтайского округа (1911-1916 гг.), действительный член Алтайского подотдела ЗСО и РГО (1912 г.), автор снимков по природе и этнографин Горного Алтая и Горный Шорни в коллекции АККМ, участник экспедиций Землеустройства в Горный Алтай (1911, 1912 гг.) и Горную Шорню (1913 г.), с Г. И. Ивановым был связан тесными товарищескими отношениями.

21. ГААК. Ф. 29. Д. 768. Л. 67.

22. Там же.

23. Радлов В. В. Из Сибири. М. 1989. С. 49-54.

24. Указ. соч. С. 53.

25. РАТЦЕЛЬ Фридрих. Народоведение. Т. I-II. СПб. 1990-1901 гг. РАТЦЕЛЬ Ф. Земля и жизнь. Т. I-II. СПб. 1903-1906 гг.

Народы Земли. Географические очерки жизни человека на земле. Т. I-II, под ред. А. Острогорского и Н. Березина СПб.

26. ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 131.

27. Там же.

28. Характеристика на учительницу I группы 15-й школы г. Барнаула Иванову К. В., написанная директором школы Бедняковой (1923-1924 гг.). АККМ. ОФ 11694.

29. Там же.

30. ОСТЕРТАГ Людмила Михайловна - зав. литературно-просветительского музея школы № 27 г. Барнаула.

31. СТАНЮКОВИЧ Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978. С. 120-132.

32. Указ. соч. С. 136-143.

А. А. КОЛЕСНИКОВ

СЕРГЕЙ ШВЕЦОВ. НА ЗАКАТЕ ЖИЗНИ (1917-1930 гг.)

О Сергее Порфирьевиче Швецове (1858-1930) истинные любители прошлого родного края знают хорошо: ведь без этой яркой, самобытной фигуры трудно представить себе научную и общественную жизнь на Алтае в 80-90-е годы прошлого века. Постоянно горевший священным огнем познания, увлеченно работавший для науки и передовых идеалов эпохи, этот человек был у нас в свое время одним из наиболее крупных и профессиональных краеведов. Мы знаем и помним С. П. Швецова как одного из основателей Общества любителей исследования Алтая, активнейшего работника статистического бюро Главного управления Алтайского округа, неутомимого "исследователя народнохозяйственной жизни"...

Но Алтай не был единственной точкой приложения сил этой неуемной и деятельной натуры. И где только ни доводилось С. П. Швецову впоследствии жить и работать - в Омске, Томске, Новочеркасске, Петербурге и пр. - всюду оставлял он нечто значительное, крупное, достойное восхищения и продолжения. Оставлял прочную память о себе и делах своих...

Настоящие заметки посвящены последнему периоду жизни и деятельности С. П. Швецова - периоду, который можно отсчитывать с трагического, зловещего для народа нашего 1917 года. Интерес к "остаткам годам" этого человека возник у автора не случайно. Стала удивлять с некоторых пор загадочная "зона умолчания" в нашей краеведческой литературе вокруг последних лет Сергея Порфирьевича. В лучшем случае кое-какие данные можно было встретить, но весьма приблизительные, нечеткие... да и прямо спорные (1). И показалось интересным - не претендуя пока на весьма глубокие выводы - попытаться приподнять завесу "тайны" и рассказать нашему читателю о последних годах жизни Швецова, дополнив таким образом портрет выдающейся личности новыми штрихами.

С. П. Шецков.

Революция Февральская застала С. П. Швецова на Дону, за многотрудными статистическими делами и заботами. Еще в 1914 г. он был приглашен в Новочеркасск для сплошного статистико-экономического обследования хозяйства Области Войска Донского, там же руководил участком Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Отметим также, что в 1916-1917 гг. Швецов занимался и преподаванием на кафедре общей статистики Высших Донских женских агрономических курсов.

На донской земле Сергей Порфирьевич снова попал в водоворот революционной деятельности, несколько лет перед тем, после ареста 1909 г., проведя вне партийной работы. Февраль, проткнувший градиозные перспективы переустройства России на началах демократии, вернул старого ученого на бурную стезю политической борьбы. Под руководством и при непосредственном участии С. П. Швецова на Дону образовались массовые организации партии социалистов-революционеров, а крестьянство получило Совет крестьянских депутатов.

Многогранная, титаническая деятельность С. П. Швецова снижала ему громадный авторитет и известность. И в развернувшейся осенью 1917 г. кампания по выборам во Всероссийское Учредительное собрание кандидатура этого замечательного человека с полным правом была внесена в список эсеровской партии (т.н. "список N 2") (2). Сергей Порфирьевич и соратники его по партии провели предвыборный марафон блестяще.

Окончательные итоги выборов в Области Войска Донского опубликовала газета "Вольный Дон" за 2 января 1918 г. По этим данным, партии социалистов-революционеров удалось провести в Учредительное собрание семь человек, получив рекордное количество голосов - 478 901 (34,05% от общего числа голосовавших) (3). Это был впечатляющий успех.

На самом исходе 1917 г., не дожидаясь еще окончательных итогов выборов, С. П. Швецов возвратился в Петроград, откуда 16 декабря ушла его телеграмма в Новочеркасск, областной избирательной комиссии с просьбой прислать удостоверение об избрании, а в случае, если подсчет не закончен, сообщить число известных голосов, указывающих на несомненность избрания (4). Очевидно, удостоверение члена Учредительного собрания Сергей Порфирьевич получил в Петрограде в самом конце декабря 1917 г.

А вскоре наступил для Швецова день, воистину "отмеченный печатью рока"...

Утром 5 января 1918 г. члены Учредительного собрания заполнили голубой зал Таврического дворца в Петрограде. Казалось, что чаяния многомиллионных народных масс законным порядком разрешить насущные проблемы многострадального Отечества, наконец сбываются. Однако правящие партии - большевики и левые эсеры - используя силовые "методы", надругались над народными избранниками.

Поначалу правые эсеры предприняли попытку овладеть инициативой и открыть Учредительное собрание без большевиков, задержавшихся на фракционном заседании. Было совершенно ясно, что проведение большевиками своей жесткой политической линии ни в коей мере не могло способствовать успеху форума демократии. И по поручению руководства эсеровской партии правый эсер С. М. Лордкипанидзе предложил предоставить честь открытия Учредительного собрания старейшему из его членов - С. П. Швецову.

Сергей Порфирьевич неторопливо поднялся на трибуну и взялся за колокольчик председателя. Большевицкая и левозэровская фракция разразилась неистовыми криками: "Долой!", "Самозванец!" и пр. Швецов все же попытался Учредительное собрание открыть. Очевидец всего этого левый эсер С. Д. Мстиславский вспоминал: "Еще поднимаясь по лестнице и верхней галерее, я услышал неистовый стук крышек люлитров, выкрики и свист в зале заседаний, немедленно отраженный и подхваченный сотнями голосов сверху. Войдя в ложу, я увидел на трибуне на председательском месте дюжего, полного, обвислого мужчину, пожилого и весьма земского вида (С. П. Швецова - А. К.). Он тщетно пытался что-то сказать, подмахивая в такт движениям своего кидыка кистью руки в топырившейся из рукава белой манжете. "Левая" неистово свистела и стучала, заглушая его голос. Эсеры надрывались, стараясь перекрыть шум аплодисментами. Весь зал сверху донизу был на ногах" (5).

Отсчет событий, в эпицентре которых оказался Сергей Порфирьевич, шел на минуты... Несколько человек с левых и правых секторов кинулись к трибуне. За Швецовым образовалась группа, через которую прошел подоспевший председатель ВЦИК Я. М. Свердлов. С улыбкой расправившей его самоуверенности он властно отстранил Швецова и отобрал у него колокольчик, сорвав на

"левой" и в "ярусах" бурную овадию. "Швецов, - пишет С. Д. Мстиславский, - поспешно махнул в последний раз рукой, прокричал что-то и, колышась тяжелым телом, сошел с трибуны" (6).

Этим по сути дела и ограничилось участие Сергея Порфирьевича в Учредительном собрании. Через несколько часов трагических попыток спасти с таким трудом созданный орган народного представительства наступил закономерный в той политической ситуации финал. Учредительное собрание было разогнано матросами, а на следующий день большевики "распустили" его, заклеив социалистов-революционеров "прислужниками банкиров, капиталистов и помещиков, союзниками Каледина, Дутова, холопами американского доллара, убийцами из-за угла (разрядка моя - А. К.)" (7).

Несомненно, С. П. Швецов пережил сильное потрясение. Разрушились "святые надежды", многолетние ориентиры борьбы. А кроме того, Сергей Порфирьевич имел все основания считать себя лично оскорбленным... И все же в позицию озлобленного, жаждущего мести Швецов не встал. Он оказался из "породы" тех русских интеллигентов-специалистов, кто не приняв душой приходящую большевистскую "эру", счел своим долгом служить вечной России. А. А. Брусиков, В. И. Вернадский, С. Ф. Платонов, многие другие активно работали и при большевистском режиме, оставляя принципы свои в чистоте...

2

1918 год стал этапным в жизни С. П. Швецова. Он навсегда прерывает со всякой политической деятельностью. Отныне в своих анкетах на вопрос о партийности Сергей Порфирьевич неизменно пишет "вне партий" (8). Главным для него становится научная, литературная и педагогическая работа.

Весной 1918 г. правительство РСФСР организовало Северную научно-промышленную экспедицию Высшего Совета народного хозяйства (т. н. Севэкспедиция ВСНХ). Экспедиция в тесном контакте с Российской Академией Наук развернула активную исследовательскую деятельность на европейском Севере РСФСР. Руководство этим масштабным предприятием было поручено одному из наиболее крупных подлярных исследователей Р. Л. Самойловичу. По-видимому, Самойлович и привлек к участию в экспедиции

С. П. Швецова. Последний в 1920-1921 гг. возглавил ее экономические работы.

Одновременно с работой в Севэксспедиции ВСНХ выдающийся ученый плодотворно трудился в Комиссии по изучению племенного состава населения России (т. н. КИПСс) при Российской Академии Наук по составлению племенной карты страны. Кроме того, в 1918 г. Сергей Порфирьевич выезжал на Белое озеро (крупный водоем на западе Вологодской губернии), где исследовал промыслы населения. В том же году он изучал строчный промысел в Крестецком уезде Новгородской губернии. Также с изучением промыслов (рыбных) была связана поездка Швецова в 1925 г. на Белое море, точнее на северо-западный, Терский его берег.

Самым же значительным и плодотворным предприятием, в котором С. П. Швецову довелось участвовать в последние годы жизни, была Казахская экспедиция Академии Наук СССР.

В конце 1925 г. в Академию Наук обратилась Казахская АССР с просьбой "... об оказании содействия в деле... научного исследования, с конкретными предложениями организовать необходимые обследования всей... территории" (9), "...о производстве ряда научно-исследовательских работ для правильного обоснования важнейших мероприятий, направленных к хозяйственному и культурному строительству... республики" (10). Экспедиционная деятельность началась в 1926 г., и работы первых лет тесно увязывались с конкретными мероприятиями землеустройства в Казахстане, вследствие чего основное внимание уделялось статистико-экономическим и почвенно-ботаническим обследованиям. Почвенно-ботанический отряд экспедиции возглавил видный ученый-почвовед С. С. Неуструев. Руководить же статистико-экономическими работами было доверено С. П. Швецову. Экспедиционный отряд, который он возглавил, провел в 1926-1927 гг. громадную обследовательскую работу, результаты которой оказывали влияние на хозяйственное освоение Казахстана на протяжении многих лет.

К сожалению, в полном объеме план работ статистико-экономического отряда Казахской экспедиции выполнен не был, ибо возникли разногласия вокруг вопроса о земельном фонде в республике. Окончательные научные выводы по работам "швецовского" отряда сделать не удалось, и накопленный материал был обработан в табличной форме (11). "Пользуясь этим материа-

дом, - отмечал академик А. Е. Ферсман, хорошо осведомленный в делах экспедиции, - можно получить полное освещение экономической и хозяйственной жизни исследованных районов" (12). Сведениям, собранным статистико-экономическим отрядом С. П. Швецова в Казахстане, правительство этой республике придало особое значение. По просьбе Совнаркома Казахской АССР материалы обследований были полностью отправлены в Кызыл-Орду (13).

Важное место в спектре деятельности С. П. Швецова послереволюционного периода занимало Русское географическое общество. Интересные данные на этот счет обнаружены в номерах журнала "Наука и ее работники", выходившего в Петрограде в 1920-1923 гг.

Так, в № 3 за 1921 г. приводятся малоизвестные факты о работе Отделения статистики Русского географического общества в первые годы большевистского режима. Несмотря на то, что Отделение "вследствие тяжелых для здоровья условий переживаемого момента" не успевало хоронить своих членов и его работа совершенно расстроилась, в начале 1919 г. обозначился все же некоторый просвет. Председательствующим Отделения был избран профессор В. П. Семенов-Тянь-Шанский (сын знаменитого путешественника), при котором работа временно оживилась. Была разработана и принята программа работы Отделения, начались доклады. Один из докладов, как формулирует журнал, "Об определении тяготений грузов к географическим пунктам" сделал С. П. Швецов (14).

Из № 1 журнала узнаем, что 1 ноября 1920 г. Русское географическое общество устроило общее собрание, посвященное памяти Г. Н. Потанина. Было сделано пять докладов Н. М. Шокальским, С. Ф. Ольденбургом, В. Л. Комаровым, Я. С. Эдельштейном и С. П. Швецовым. Доклад Сергея Порфирьевича носил название "Г. Н. Потанин как сибиряк", и о его содержании в целом можно судить по журнальному резюме:

"Не были забыты и политические взгляды Г. Н. Потанина, его горячая привязанность к родной Сибири и мужественная защита ее прав до последних дней угасавшей уже жизни.

Популярность Потанина в Сибири была необыкновенна, на нем сконцентрировались симпатии всей Сибирской интеллигенции как на гласном носителе идей Сибирской автономии, воплощавшем в себе мечту о прекрасном будущем этого необъятного многострадального края" (15).

А вот еще интересный факт, но уже не из журнала. И имеет он прямое отношение к Алтаю.

9 апреля 1927 г. Алтайское отделение Русского географического общества торжественно отмечало 25-летие своей деятельности. За день до этого из Ленинграда в Барнаул Сергей Порфирьевич отправил телеграмму следующего содержания: "Шлю горячий привет родному обществу в день четвертьвековой годовщины деятельности. Душевно желаю процветания, энергии, бодрости. Знать и научиться понимать окружающее - одна из наших главных задач. Без этого нельзя ступить шагу. Знание - несокрушимая сила. Шире и глубже черпайте из этого источника, все остальное приложится" (16).

Документ этот сравнительно недавно был обнаружен в старых фондах Алтайского краевого краеведческого музея...

С. П. Швецов помимо тех направлений своей деятельности, о которых уже говорилось, преподавал в вузах и пр. учебных заведениях Петрограда (Ленинграда). В 1917 г. его избрали на кафедру кооперативной статистики в Петроградском кооперативном институте (где, кстати, в 1919-1920 гг. Швецов читал частный курс экономической географии Севера). Там же в 1922 г. Сергею Порфирьевичу поручили и кафедру экономической географии. В 1920-1921 гг. он занимал кафедру кооперативной статистики в Институте народного хозяйства.

То, что будучи преподавателем, С. П. Швецов пользовался огромным уважением и даже любовью студентов - автору представляется несомненным. Люди "швецовского" склада - прирожденные педагоги, страстные воспитатели молодых умов. "Неисправимый революционер" по своей внутренней сути, умел он заражать слушателей целеустремленностью, энергией, жадой познания, прививать то, что можно назвать "основами подвижничества". Видный революционер А. В. Прибылек, хорошо знавший Сергея Порфирьевича на протяжении многих лет, писал: "... Он выявлял при каждом удобном случае со всей присущей ему горячностью свой революционный энтузиазм и переливал его, если можно так выразиться, в своих молодых слушателей, побуждая их к работе, пробуждая нередко спящие в них силы и настроения.

... И надо было видеть Сергея Порфирьевича выступающим среди молодежи, чтобы понять и знать, как может человек возбуждать слушателей, как загорается в них та же горячность и

жажда действительности, какими полон этот уже старый, много испытавший на своем веку человек" (17).

Говоря о последних годах жизни С. П. Швецова, нельзя, разумеется, пройти мимо его плодотворной работы в Ленинградском отделении Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, членом которого он стал в марте 1924 г. Сергей Порфирьевич входил в Совет отделения, был участником кружка народо-вольцев. Под его руководством успешно действовала секция по изучению культурного влияния политической ссылки на население Сибири.

С. П. Швецов - автор интересного, не утратившего и по сей день научного значения исследования "Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири", опубликованного в сборнике "Каторга и ссылка" в 1928 г. (18), а также ряда воспоминаний, появлявшихся в разные годы в том же издании. Незадолго до смерти Швецовым была подготовлена статья "Омская газета "Степной край" и политическая ссылка. К истории сибирской печати", которому поместил на своих страницах журнал "Северная Азия" в 1930 г. (19). Работа развивала, конкретизировала некоторые положения из "Культурного значения политической ссылки в Западной Сибири".

Неизменный успех сопровождал публичные выступления С. П. Швецова по историко-революционной тематике, прежде всего в рабочих кружках, перед молодежью. И тут уместно обратиться опять к свидетельству А. В. Прибылева: "В своих многочисленных публичных выступлениях, касались ли они старого народничества 70-х годов, земледольчества, народо-вольчества или эсерства, т. е. всех этапов его собственного революционного стажа и опыта, он всегда увлекался сам почти до самозабвения, увлекая и слушателей, особенно из молодежи, нередко воздвигавшейся его примером, а подчас и сожалеющей об отсутствии у них самих даже и частицы его горячности и энтузиазма. Сергей Порфирьевич никогда не уклонялся от этих выступлений и за последние 10-12 лет, когда он совершенно отошел уже от политической деятельности и был сильно занят своими работами, он все же каждый раз радовался возможности выступить, охотно вспоминал и делился с другими пережитым им самим, своим опытом и переживаниями и тем, что пришлось ему пережить и передумать" (20).

Если верить давнему другу Сергея Порфирьевича Н. Т. Шерстобову, то Ленинградское отделение Общества политкаторжан

и ссыльнопоселенцев пыталось поддержать Швецова материально, выплачивая ему небольшую пенсию (21). Это, конечно, не могло не радовать старого борца. Но, с другой стороны, установлен факт, что в 1928 г. Общество, предъявлявшее своим членам чересчур высокие моральные требования, заподозрило С. П. Швецова в совершении давнего "проступка" - подаче прошения о помиловании (т. е. "подаванчестве"). Это привело к мучительному для Сергея Порфирьевича разбирательству с экспертизой архивных документов. И хотя "позорящий факт" признан был "неустановленным" и из членов Общества Швецова не исключали, "рубец на сердце" старого революционера остался... (22).

Жизнь С. П. Швецова оборвалась на 73-м году. По утверждению Н. Т. Шерстобоева, еще во время Казахстанской экспедиции поразил Сергея Порфирьевича лимфогранулематоз (23) - неизлечимая болезнь инфекционного характера. Тяжелое воспаление лимфатических желез с "букетом" побочных явлений не оставляло надежд на выздоровление. Медицина могла лишь на 2-5 лет отдалить неминуемый конец посредством применения рентгеновских и радиевых лучей. Лечение С. П. Швецова проводилось в Ленинградском рентгенологическом институте. Последние месяцы его угасающей жизни были ужасны... В ЦГАОР Ленинграда сохранилось заявление членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев от 18 апреля 1930 г. в президиум его Ленинградского отделения с просьбой о выделении средств на дежурную медсестру для С. П. Швецова. Есть в документе такие строки: "Тов. Швецов сейчас в крайне тяжелом состоянии и нуждается в постоянном за собою наблюдении и уходе. До сих пор в течение нескольких месяцев... дежурит его жена" (24).

4 мая 1930 г. в 17 час. 58 мин. Сергея Порфирьевича не стало.

Скорбная весть о кончине выдающегося экономиста, статистика, педагога, общественного деятеля, а в прошлом, крупного революционера Сергея Порфирьевича Швецова тяжелой болью отзывалась в сердцах знавших и ценящих этого замечательного человека. Днем 5 мая тело усопшего перенесли из Рентгенологического института в здание Ленинградского отделения Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, где вечером состоялась гражданская панихида. В центральных ленинградских газетах "Красной газете" и "Ленинградской правде" 6 мая появились некрологи. В тот же день состоялись похороны Сергея Порфирьевича, устроенные местным отделением Общества на государственный счет. В

последний путь С. П. Швецова провожали родственники, делегация Общества и государственного музея Революции, воины подшефного Обществу 132-го стрелкового полка "им. тов. Володарского" и др.

Погребение состоялось на Волковском кладбище, на Литераторских мостках, близ могил народовольцев... (25).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так, совершенно необоснованно журналист А. Пораделов пишет об "открытом сердце", с которым, по его мнению, С. П. Швецов принял Октябрьскую революцию. (См. Пораделов А. Исследователь Алтай // "Алтайская правда". 1973, 11 марта).

2. См.: Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. 855, оп. 1, д. 123, л. 63.

3. Для сравнения: большевики провели в Учредительное собрание три члена, кадеты - ни одного. Цифровые данные взяты из: Кириенко Ю. К. Итоги выборов в Учредительное собрание на Дону // "История СССР". 1979, № 1. С. 124.

4. См.: ГАРО, ф. 855, оп. 1, д. 125, л. 54. Текст телеграммы приедется в наложении вследствие многочисленных технических недостатков оригинала.

5. Цит. по: Знаменской О. Н. Конец Учредительного собрания, Л, 1967, с. 97.

6. То же. С. 98.

7. "Правда". 1918. 6 января.

8. См. напр.: Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда (ЦГАОР Ленинграда), ф. 506, оп. 2, д. 515, л. 2.

9. ФЕРСМАН А. Е. Экспедиционная деятельность // Академия Наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет, 1917-1927, Л, 1927, с. 167.

10. Он же. Экспедиционная деятельность Академии Наук СССР и ее задачи, Л, 1929, с. 13.

11. См.: ШВЕЦОВ С. К работе экономического отдела Казахской экспедиции. Бюджетное обследование // Осведомительный бюллетень № 9-10 (92-93). Изд. Академии Наук СССР, Особого комитета по исследованию союзных и автономных Республик, Л, 1927, и др.

12. ФЕРСМАН А. Е. Экспедиционная деятельность Академии Наук СССР, Л, 1929, с. 14.

13. Пренная столица Казахской АССР (до 1929 г.).

14. См.: Наука и ее работники. Пг. 1921, № 3, с. 22-23. По другим, очевидно, более точным данным, доклад С. П. Швецова носил название: "О графическом приеме определении центров и районов экономического талоговие" (См.: ЦГАОР Ленинграда, ф. 2998, оп. 1, д. 416, л. 22).

15. Наука и ее работники. Пг. 1921, № 1, с. 34.

16. Алтайский арзевый краеведческий музей (АНКМ). ОФ № 16117/1.

17. ПРИЗЫЛЕВ А. В. С. П. Швецов (Некролог). // Катерга и ссылка. М. 1930. № 7 (68). С. 184.

18. См.: ШВЕЦОВ С. П. Культурное назначение политической ссылки в Западной Сибирь // Катерга и ссылка. М. 1928, № 3, 4, 10, 11.

19. Он же. Ойская глава "Стенной край" и политическая ссылка. К истории сибирской печати // Северная Азия. М. 1930. № 1-2. С. 100-118.

20. ПРИБИЛЕВ А. В. Указ. соч. С. 184-185.

21. См.: ШЕРСТОВОЕВ Н. Т. С. П. Швецов (Некролог). Мшнинотса. Независимая кола (АНХМ. ОФ Н 16117/2. Л. 3).

22. См.: ЦГАОР Ленинграда, ф. 506, оп. 2, д. 515, л. 22.

23. См.: ШЕРСТОВОЕВ Н. Т. Указ. соч. Л. 1. (Автор, однако, не точен, пишет - "лимфоматоз").

24. ЦГАОР Ленинграда, ф. 506; оп. 2, д. 515, л. 24.

25. О траурных мероприятиях 4-6 мая 1930 г. см.: ЦГАОР Ленинграда, ф. 506, оп. 2, д. 515, л. 45.

Кроме указанной в примечаниях автором использована следующая литература: АЗАДОВСКИЙ М. К. С. П. Швецов // Сибирская живая старина Иркутск, 1929. Вып. VIII-IX. С. 244-261.

Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. Т. 11. Вып. 4. М. 1932. С. 1999-2002 ("Шецов Сергей Порфирьевич").

ИЛВЕНСКИЙ М. Швецов Сергей Порфирьевич // Большая Советская Энциклопедия. Т. 62. М. 1933. С. 171.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бородаева Н. А. - ст. и сотрудник АККМ
Букина Т. Н. - и. сотрудник АККМ
Галкина А. А. - зав. отделом АККМ
Гришаев В. Ф. - краевед, член союза писателей, член координационного Совета краевой краеведческой ассоциации
Ермакова Л. И. - ст. преподаватель БПИУ
Иванов Г. Е. - директор средней школы с. Черная Курыя Мамонтовского района
Колесников А. А. - ст. и сотрудник АККМ
Кунгуров А. Л. - к. и. н., ведущий научный сотрудник лаборатории археологии Алтай АГУ
Лямина Н. А. - зав. отделом АККМ
Метельницкий К. Н. - зав. отделом АККМ
Палажкина О. В. - зам. директора АККМ
Попова И. В. - зав. отделом АККМ
Степанская Т. М. - к. и. н., доцент АГУ, член координационного Совета Алтайской краевой краеведческой ассоциации
Уманский А. П. - д. и. н., профессор БПИУ
Шамшин А. Б. - к. и. н., директор института гуманитарных исследований при АГУ

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ МУЗЕЯ	5
Падаликина О. В. Музей глазами современников	6
Ф. Теблер. Известие о барнаульском музее	25
Гришала В. Ф. Барнаульский музей в 1836 г. (Архивная находка) ...	31
Степанцова Т. М. Памятник универсальной ценности	39
Ермокова Л. И. Музей в годы Великой Отечественной войны	43
МУЗЕЙ И ЕГО КОЛЛЕКЦИИ	53
Кунгуров А. Л. Три палеонтологические коллекции из фондов АКЖМ ...	54
Иванов Г. Е. Археологические находки из Мамонтовского района в собрании АКЖМ (к атрибуции и датировки)	59
Шамшур А. Б. Новоалтайское поселение	70
Уманский А. П. Раскопки сурганов в урочище Раздумье в 1961 году ..	83
Житальницкий К. Н. Из истории резанты фотодокумента в Барнауле (по материалам фондов Алтайского краевого краеведческого музея) ...	100
Галикина А. А. Природа Алтая в фотоколлекции В. В. Соловьинова ...	113
Полова Н. В. Коллекция крестьянской одежды в фондах музея	122
Лямкина Н. А. Фронтовые письма в фондах Алтайского краевого краеведческого музея	129
ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ	137
Из воспоминаний И. П. Парютюк	138
ИССЛЕДОВАТЕЛИ, КРАЕВЕДЫ	153
Уманский А. П. О трех Николаях	154
Букчина Т. Н. "... Как педагог и музейный работник"	163
Вородева Н. А. Георгий Иванович Иванов	170
Колесникова А. А. Сергей Шацко. На закате жизни (1917-1930 гг.) ..	187
Сведения об авторах	199

АЛТАЙСКИЙ СБОРНИК Выпуск XVII

Сдано в набор 17.11.1993 г. Подписано к печати 28.02.1994 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура таймс. Бумага офсетная.
12,5 п. л. Тираж 2500. Заказ 6420. Цена договорная.

ГИПП "Алтай".